

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн НА ВОЛНАХ ОРИГАМИ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРИВОРОТ

АСТ представляет:

самая популярная рукопись рунета теперь в виде книги

Annotation

Что может отнять любовь?

Благополучие. Ника должна выйти замуж за нелюбимого человека, идеального в глазах других. Но тот, кого она любит, возвращается и предлагает сбежать. Согласится ли она бросить все ради любви?

Мсть. Никита должен отомстить за смерть брата и защитить родных, но сможет ли он жить сам, отняв чужие жизни? Или это станет его последней чертой?

Иллюзии. Саша отчаянно жаждет вернуть прошлое, в котором был счастлив, но однажды правда станет известна всем. Однако примет ли эту правду тот, кто хочет уничтожить его?

Музыку. Марта согласилась стать подставной невестой, не зная, какова будет цена одного счастливого дня. Что выбрать – жизнь любимого человека или дело всей жизни?

А способна ли любовь победить все преграды?

Может быть, стоит идти против ветра?

Анна Джейн

Музыкальный приворот. На волнах оригами

© Джейн А., текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Хаде Татаевой – с благодарностью за всю ее теплоту и поддержку

Все события и действия – вымышлены

Пролог

Я всегда думала, что с крыши небоскреба небо будет выглядеть ближе, но это оказалось моей очередной иллюзией, и только.

Чужие уставшие облака медленно плыли к западу, обгоняя оранжевое солнце, что озаряло здания теплым медным светом. Однако облака оставались такими же далекими, как и раньше. Сколько ни протягивай руку – так никогда и не достанешь. Должно быть, с любовью точно так же. Сначала тебе кажется, что она, наконец, рядом, и ты наслаждаешься ею и бережно хранишь в своем сердце, но стоит тебе захотеть почувствовать ее, дотронуться, дабы точно понять, что она – настоящая, как осознаешь – ты никогда не сможешь приблизиться к ней и твой удел лишь любоваться ею издалека. Как я – небом.

Вид на чужой город со смотровой площадки открывался шикарный; множество людей: и местных жителей, и туристов – приехали сюда, чтобы насладиться потрясающим зрелищем, и лишь я смотрела на все это безжизненным взглядом. До сих пор было сложно прийти в себя от того, что узнала, но еще больше меня потрясло другое – одиночество, которое, казалось, уже гладило меня по спине костлявой рукой с выступающими венами.

Браться за фотоаппарат, висевший на шее, тот самый, подаренный Антоном, не хотелось. Я могла бы сделать множество невероятных снимков, запечатлеть один из самых прекрасных видов в моей жизни, но руки не поднимались сделать этого. Они лежали на перилах – такие же безжизненные, как и взгляд.

Ты не виновата. Ты ничего не могла поделать.

Наверное, так, но...

Но это больно, правда? Второй раз нам никто не вызовет некроманта.

Я вздохнула, обхватив себя руками, – так больно стало где-то в глубине сердца.

Все большее количество людей заполняло смотровую площадку небоскреба: раздавались радостные голоса и смех, восторженно щелкали объективы фотоаппаратов, а я не могла пошевелиться и просто стояла, стояла, стояла... Ничего не слыша и никого не замечая.

Небо стремительно чернело, как будто бы кто-то широкими мазками закрашивал его черничной акварелью, и этот же неведомый творец грозился пролить на свой холст воду. Люди с тревогой смотрели вверх и недовольно хмурились. Они заплатили деньги за то, чтобы насладиться чудесным видом, а какой-то там дождь менял им все планы.

Знали ли они, что дождь может сделать серым и небо, и жизнь? Я – знала.

Кто-то, увидев черные набухшие тучи, предпочел спуститься вниз, многие переместились в крытую зону площадки. А я застыла на одном месте, чувствуя, как играет с волосами ветер и как первые холодные капли падают на руки. Небо хмурилось облаками, как ребенок, который вот-вот заплачет. А мне даже плакать не хотелось. Пусть за меня это сделает небо – мы ведь с ним так хорошо знакомы и сейчас смотрим друг на друга с непозволительно близкого расстояния.

Я не боюсь дождя. Я не боюсь воды. Я всегда тону, и мне уже больше не страшно.

Одна из капель попала точно на щеку, оставляя на ней мокрый след, словно большая холодная слеза. Я смахнула ее – надо же, на моем пальце частица того самого неба, пусть даже в виде простой капли...

Я улыбнулась случайному открытию – неужели вода может быть небом?

И тотчас улыбка стерлась с лица.

Господи, что мне теперь делать?..

Больше не было смысла тонуть в воде. Мне хотелось утонуть в черном грозовом небе...

...в себя меня привело внезапное движение за спиной – чьи-то широкие ладони вдруг закрыли мои глаза. Я замерла и, кажется, даже забыла, как дышать.

Тот, кто молча стоял позади, появился на смотровой площадке одного из самых высоких зданий этого чужого огромного города совершенно внезапно. И почти умершая надежда попыталась воскреснуть.

Неужели?..

– Антон? – прошептала я.

Человек не убирал ледяных рук, и я горько рассмеялась, поняв, что ошиблась. Его ладони совсем другие: не теплые и не холодные... Станные. И от пальцев его пахло не привычным кофе, а лимоном. Антон ненавидит цитрусовые.

– Кирилл?

На небе сверкнул росчерк молнии, а холодные пальцы скользнули по моей скуле вниз.

* * *

Май

Длинные гудки.

«Абонент находится вне зоны действия сети».

«Аппарат абонента не отвечает или временно недоступен».

Андрей Коварин, менеджер популярной рок-группы «На краю», с трудом сдержал себя, чтобы не швырнуть телефон в стену. Вот уже второй час он пытался дозвониться до своих музыкантов, но терпел неудачу за неудачей: ответом ему был то механический женский голос, то противные гудки.

И где они только шляются, когда давно должны были быть здесь, в студии, на записи передачи!

Этот видный мужчина, облаченный в деловой, идеально выглаженный дорогой костюм однобортного покроя, кинул на наручные часы короткий взгляд и вновь выругался. Прямой эфир вот-вот должен был начаться, а этих самодовольных дураков все еще не было. Подумать только!

Из-за потери контроля над ситуацией Андрей, не переставая набирать знакомые до зубовного скрежета номера, машинально мерил шагами один из многочисленных коридоров высотного здания, где располагалась студия популярного музыкального телеканала MBS. Эфир, подготовка к которому шла полным ходом, угрожал быть сорванным.

– Извините... – боязливо выглянул из-за угла один из помощников исполнительного продюсера – молодой человек с изрядно всклокоченными волосами. – А это... когда «На краю» будут? Шеф интересуется. Их ждут.

Андрей волком глянул на него, и парень поежился. Он уже не в первый раз задавал этот вопрос менеджеру НК и, кажется, уже порядком раздражал его. Но что он мог поделать, если это была его работа? Парень вообще находился меж двух огней: злым и дерганным исполнительным продюсером и недовольным менеджером «На краю».

– Скоро, – таким уверенным спокойным голосом сказал Андрей, что никто бы не смог заподозрить его во лжи. – Передай шефу, что очень скоро.

Парень торопливо кивнул и скрылся из виду – побежал докладываться, а менеджер только стиснул зубы. Куда запропастились его детки? Им невдомек, какой может быть неустойка за сорванный эфир?

Или с ними что-то случилось?

Неожиданный звонок заставил его едва заметно вздрогнуть, но он, увидев, кто звонит, тотчас ответил.

– Кей, ты думаешь, это смешно? Тридцать минут до эфира. Ты где? В аду?

– Прости, я решил переехать в Гваделупу, гоню к аэропорту, – полный откровенно-ложного раскаяния голос фронтмена НК заставил мужчину медленно выдохнуть, прикрыв глаза.

– Кей, – с трудом сохранял спокойствие его менеджер.

– Мне просто страшно сниматься в шоу, – поделился с Андреем тот. – Я так боюсь. Все эти камеры, объективы, незнакомые злые люди...

– Да ты что?

– Шутка, – рассмеялся лидер «На краю». К пристальному вниманию он давно уже привык.

– Шутник, – процедил сквозь зубы Коварин. – Ты забыл о неустойке за сорванный эфир? Догадываешься, какой у нее размер?

– Догадываюсь. Четвертый?

– Кей, не глупи. – Вкрадчивость в голосе Андрея увеличивалась прямо пропорционально шуточкам солиста «НК». – Где ты? Ты помнишь, что должен быть на эфире?

– Помню. Мы с Филом застряли в пробке в паре кварталов от студии. Если ты попросишь, чтобы мы двигались быстрее, то буду вынужден тебя огорчить – я не летаю. И да, вытаскивать себя из тачки и бежать я тоже не намерен.

– Не сомневаюсь. И когда вы приедете?

– Минут через пятнадцать.

– Так, отлично. – Голос у менеджера оставался ровным, хотя он очень обрадовался тому, что хотя бы двое из пятерых нашлись. – Где остальные?

– А их еще нет? – удивился Кей.

– Если бы были, я бы не спрашивал. Так где они?

– Без понятия. Я не их нянечка, чтобы постоянно контролировать. Это ты у нас занимаешь эту почетную должность, – Кей никогда не страдал переизбытком манер. Скорее, их недостатком. Хотя кто-то даже видел в этом его особую привлекательность.

Коварин же пропустил эту фразу мимо ушей. Теперь, когда он точно знал, что хотя бы двое музыкантов будут на злосчастной передаче, то почти успокоился – все не так погано, как казалось.

– Кстати, что у вас с телефонами? – поинтересовался он между делом.

– Сеть плохо ловит, – недовольно бросил фронтмен «На краю». – И батарея Фила села.

– Не надо было телефоном кидать, – услышал Андрей поучительный голос Филиппа где-то на заднем плане.

– Через пятнадцать минут вас будут ждать у служебного входа. – И, скупно попрощавшись, менеджер переключился на вторую линию, по которой ему звонил еще один пропавший участник группы – Келла.

– Ты где? Когда будешь в студии? Почему недоступен? – вновь начал допрос с пристрастием Андрей. Голос его стал более громким и властным. С этим парнем следовало разговаривать несколько иначе, чем с Кеем. Индивидуальный подход – вот что было девизом Коварина.

– У меня огромные проблемы! – прокричал в трубку барабанщик.

– Какие проблемы? – нахмурился менеджер, потирая лоб. Во что этот парень опять ввязался?

– Личные, мать твою, личные! Я не приеду, – всегда был чересчур эмоциональным Келла. Последнее, что услышал изумленный Андрей, был плач маленького ребенка и вопль барабанщика:

– Да сделай ты что-нибудь с ним!

– Сам сделай, если такой умный, – огрызнулся женский надменный голосок.

– Эй! Келла! Келла! – вновь длинные гудки стали ответом разозленному менеджеру. – Вот паразит.

Связь прервалась, и как Андрей ни старался, так и не смог дозвониться до барабанщика. Впрочем, как и до Арина, Рэна, а также команды техников.

Живое выступление «На краю» в прямом эфире превратилось в призрака.

Андрей стукнул кулаком по стене, впрочем, тут же взял себя в руки и быстрым шагом направился к продюсеру – не исполнительному, отвечающему за выпуск программы, а к генеральному, который, кстати говоря, лично пригласил «На краю», дабы «обрадовать» его, что группа приедет в неполном составе. Тот вошел в положение и сразу же поставил в известность режиссера, и его команде пришлось тут же переделывать кое-какую часть сценария, чтобы не напортачить с хронометражем.

Генеральный продюсер, как и Андрей, настроенный по-деловому, знающий цену времени и деньгам, но тонко чувствовавший, с кем и как нужно разговаривать, был крайне недоволен, но виду не подавал. На это у него, естественно, были свои причины – его канал первым добрался до команды «На краю», которая буквально только что вернулась из США,

где участвовала в грандиозном по финансированию и трансляции фестивале наряду с мировыми монстрами рок-сцены.

– Что же, по крайней мере, будет Кей, – тщательно подбирая слова, проговорил генеральный продюсер, сомкнув пальцы в замок и с отвращением поглядывая на остывший кофе. – А это уже... м-м-м... весомо.

Андрей только учтиво кивнул, не забыв тонко, как-то даже профессионально улыбнуться. Он терпеть не мог, когда его планы рушились.

Оставалось надеяться, что Кей и Фил вытянут прямой эфир.

* * *

В студии авторской программы «Время быть впереди» было шумно и оживленно, хотя до прямого эфира оставалось немного. Гости передачи приехали буквально только что, и теперь съемочная группа носилась вокруг них: Кею и Филу закрепляли микрофоны, проговаривали сценарий, гримировали, в спешке о чем-то расспрашивали и что-то уточняли. Эта нескончаемая суматоха почти мгновенно передалась и в просторную режиссерскую аппаратную, находящуюся в соседнем помещении.

«Царь и бог» аппаратной – режиссер, не по погоде облаченный в бело-синий, с оленями, свитер, сидел перед видеомикшерным пультом с десятками «линеек» – рядами кнопок, и внимательно всматривался в многочисленные мониторы, расположенные прямо перед его глазами. Рядом расположилась и его команда: шеф-редактор, ассистенты режиссера, редактор по титрам, оператор телесуфлера, инженер. Позади, за прозрачной перегородкой, находился веселый звукореж, восседающий за своим пультом со множеством микшеров, лампочек и рычажков, каждый из которых был подписан.

В этом месте вообще было множество непонятной техники, куча компьютеров и разномастных экранов, сотни кнопочек и километры проводов, и потому непосвященному оно напоминало центр управления космическими полетами.

– Пять минут до эфира, – привычно объявил режиссер в микрофон, все так же не отрывая взгляд от экранов. Он только что вернулся из студии, где раздавал нерадивым подчиненным новую порцию указаний и сам лично поправлял свет – новый осветитель, по его мнению, был криворуким и бездарным.

Один из ассистентов – молодой парень с татуировками и лысой, как коленка, головой, потер руки в предвкушении. Сегодняшних гостей он ждал с нетерпением и очень уж хотел, чтобы эфир побыстрее начался. К тому же все шло без накладок: аппаратура была отрегулирована, а звук и картинка настроены заранее. Все ждало своего часа. Вернее, минуты или даже секунды – именно они являлись главной временной единицей измерения в российском отделении музыкальной телекомпании MBS, на которой «Время быть впереди» выходило в прямой эфир каждую неделю. Впрочем, это были единицы измерения и всего телевидения в целом.

В нескольких мониторах, на которые передавались планы камер, направленных на ведущего, появился Остап Зайцев. Его тут же начали усиленно припудривать, мешая читать сценарий и поправки к нему.

– Расселся, умник, сейчас опять звенеть начнет на всю студию, – не пылал к нервному экзальтированному Остапу пламенными чувствами режиссер и, пока тот не слышал,

позволил себе пару нелестных эпитетов на его счет, как всегда, повеселив всю команду.

Знаменитый музыкальный журналист и модный критик Остап Зайцев, отдавший своему делу почти двадцать лет из сорока с хвостиком прожитых, сидел в красном кресле с высокой спинкой, чинно положив одну тощую длинную руку на подлокотник, а вторую вытянув вперед – в ней был зажат сценарий, в который ведущий все время косил одним глазом.

Слева от ведущего порхала гример, старательно поправлявшая грим. Справа прыгал один из ассистентов. Он, от усердия высунув кончик языка, прикреплял к Остапу «ухо» – специальный микрофон, чтоб ведущий мог слышать режиссера.

– Может, уже хватит? – прогнусавил господин Зайцев, который никак не мог сосредоточиться на сценарии.

– Сейчас-сейчас, Остап Васильич, – прощепетала гример. – Еще минуту!

– Через минутку у меня прямой эфир начнется, дорогуша, – важно отвечал ведущий. На вид он был худ, высок и нескладен, одевался делано небрежно и даже иногда специально безвкусно, на манер самого Маяковского постоянно нося галстук-бабочку вызывающего пурпурного цвета, а иногда даже и трость. Однако, несмотря на маленькие причуды, журналистом был отменным, да и с ролью телеведущего справлялся замечательно. Недаром его программа, принимающая самых разных гостей, пользовалась большой популярностью.

Едва лишь гример отскочила, как все тот же помощник режиссера подлетел к Остапу с «петлей» – петличным микрофоном, и стал закреплять его на лацкан модного полосатого пиджака.

– Четыре минуты до эфира. Пошевеливаемся, народ! – раздался голос режиссера.

– Быстрее, я тут занят как бы, между прочим! Программу веду! – рявкнул помощнику ведущий, правда, без обычной своей холерической нервозности. Сегодня Остап находился в тщательно скрываемом восторге. Он уже давно хотел взять интервью у ребятки из «На краю», ибо считал их весьма перспективными. Еще бы, одна из немногих команд, которая сумела заявить о себе на весь мир – почти беспрецедентное событие для отечественного мира музыки! Правда, сегодня на его программу группа приехала в неполном составе, но присутствие фронтмена – Кея это частично компенсировало. Журналистская натура Остапа страстно желала задать ему тысячу и один вопрос. Да и позабавиться с ребятами тоже было бы неплохо – зазнались, небось, после знаменитого фестиваля.

Когда-то господин Зайцев сам, еще в бурной советской молодости, играл рок, да только вот толкового музыканта из него не получилось, зато вышел отличный журналист, вращающийся во всех кругах шоу-бизнеса. Известность и авторитет давали ему возможность приглашать к себе как звезд, так и малоизвестных личностей, которые нередко после выпуска набирали популярность. Зайцев брал интервью и у западных артистов и музыкантов, например, в этом году встречался с командой «Red Lords» и гениальной оперной дивой Джинной Грациани.

Его передача «Время быть впереди» славилась своею прямоотой, порою излишней, и откровенными вопросами, которые вели к неожиданным сенсациям. Гостей здесь любили и умели ставить в тупик, ошеломляя показами провокационных видео- и фотоматериалов, не скупясь на другие «веселые гадости», которые Остап придумывал лично. Именно поэтому передача имела хорошие рейтинги. А рейтинг сегодняшнего выпуска обещал быть просто отличным! И чтобы поднять его еще выше, журналист сам себе дал клятвенное обещание вытянуть из рокеров что-нибудь сенсационное. У него уже были сделаны для этого великолепные заготовки, которые в сценарии не значились, и даже вездесущий менеджер

«На краю» ничего о них не знал. Иначе никогда бы не дал согласия на участие своих парней в передаче Остапа.

– Чувствую, сегодня будет отменный эфир, – пожевывая спичку на манер американского ковбоя, пробормотал инженер, наблюдавший через монитор за Остапом, опять на кого-то орущим.

– С чего взял? – недовольно спросил режиссер, уже успевший стонать к звукрежу, чтобы дать ему парочку-другую команд, и обговорить какие-то детали с шеф-редактором и ее командой, которым в спешке пришлось менять кусок сценария передачи из-за отмены выступления «На краю».

– С того. Чуйства у меня такие.

– А засунь себе свои чуйства... – режиссер коснулся указательным пальцем микрофона, поправил его и сказал, глядя на электронные часы, висевшие над мониторами:

– Три минуты до эфира. А может ты и прав, Васильич, – обратился он вновь к инженеру, продолжающему задумчиво жевать спичку. – Может, и отменный эфир будет.

Теперь его острый взгляд был направлен на другую камеру, в которой отображался один из гостей программы.

Молодой человек с пепельно-русыми волосами неподвижно сидел, закинув ногу на ногу, неподалеку от Остапа. Вокруг парня тоже порхали гримерши, восторженно на него глядя – и было понятно, почему. У музыканта оказались неплохая спортивная фигура, высокий рост и запоминающееся лицо – не смазливое, искусственное, попорченное якобы незаметной пластикой, а действительно красивое, естественное, с правильными пропорциями. Правда, лицо гостя сегодняшнего прямого эфира было отстраненным, холодным. И девочки-гримеры между собой в шутку сравнили его с мальчиком из сказки «Снежная королева». К тому же и имена их были созвучны: Кай и Кей. Тонкий лед равнодушного спокойствия будто бы застыл в черных выразительных глазах, гармонично контрастировавших с волосами – стилисты частенько подбирали Кею интересные, а порой и устрашающие линзы.

Он внимательно слушал Остапа. Полностью сценарий согласовали только сейчас, решив, что вместо обещанного лайф-выступления Кей споет под аккомпанемент гитары Фила в первой половине передачи.

– Сделаем отличную программу, положитесь на меня, – весело пообещал гостям ведущий. И музыканты только кивнули. А сотрудники программы молчаливо сошлись во мнении, что те – парни нормальные. Кей, вопреки слухам, вел себя адекватно, а Фил улыбался редакторам и шутил, чем тотчас завоевал их расположение.

Вихрь предэфирного беспокойства усилился.

– Две минуты до эфира, – раздался зычный голос режиссера, и все привычно занервничали.

Остап резво, как кролик, подбежал к музыкантам и принялся им вновь втолковывать что-то о самом начале программы. Особое внимание он уделял Кею как лидеру группы. Тот только кивал в ответ, задумчиво касаясь медной серьги цилиндрической формы. В последнее время сдержанно-благородные, обращенные к механике элементы постпанка часто можно было заметить в сценическом образе и остальных музыкантов «На краю».

Зайцев тоже отлично чувствовал, что вокруг этого его гостя царил едва уловимый ореол редкой королевской холодности и отстраненности, и оттенок этого ореола был бриллиантовым – не вычурным, но ярким, привлекающим внимание игрой света и чистотой. Отличное образное воображение Остапа тут же сравнило Кею с одним знаменитым камнем,

который он недавно видел в Смитсоновском институте Вашингтона, когда был на экскурсии в Национальном музее естественной истории. С алмазом Хоупа.

К тому же на шее Кея виднелась простая серебряная цепочка с небольшим драгоценным камнем голубого цвета, которая случайно попала поверх черной футболки. Наблюдательный Остап успел заметить ее до того, как Кей засунул украшение под одежду.

«Ну, алмаз от рока, озари мою студию блеском, – подумал ведущий. – А уж освещение я тебе предоставляю. Помогу заиграть всеми гранями». И он потер руки, вспоминая весь тот материалыч, который успел приготовить не без помощи добрых людей.

– До эфира минута! – провозгласил режиссер почти торжественно.

Об этом знали все, кто находился в студии, но никто и не подумал убегать из-под прицела оптики.

– А его любят камеры, – даже как-то азартно произнес режиссер, сосредоточенно глядя на секундомер.

– Красавчик. Чего его не любить камерам? Камера – она тоже баба, – услышал его слова весельчак-звукорежиссер. – А бабы за этим мальцом только так бегают. У меня вон старшая дочка от него без ума. Надо бы для нее автограф взять, что ли.

– Если бы он был хромым косомордым уродом, поверь, камера все равно его бы любила, – уверенно отозвался режиссер. – Харизма, черт ее возьми за ногу дважды!

Он, умудренный богатым жизненным опытом, давно заметил, что в действительно талантливых есть нечто неуловимое, яркое, магнетическое – такое, что заставляет других тянуться к ним. И у Кея все это было в избытке. Впрочем, как и в гитаристе. Этот невысокий, даже хрупкий паренек со специально спутанными густыми русыми волосами, в которых затерялись каштановые и темно-зеленые пряди, тоже пришелся камерам по вкусу. В них он казался куда выше и внушительнее, чем в реальной жизни. Черная гитара в его руках с неожиданно большими ладонями и длинными пальцами придавала Филу некоторое очарование, присущее, наверное, только музыкантам. Дополнительную изюминку вносил и устрашающий грим, нанесенный только на одну сторону тонкого лица, которое тут же стало мужественнее и зловещее, и бридж-пирсинг – прокол переносицы.

И Кей, и Фил были талантливыми, но, что более важно, могли повести за собой и других.

На двери, ведущей в студию, загорелась красным надпись: «*Тихо, прямой эфир!*»

– Погнали, ребята. Десять секунд до эфира, – громко произнес в микрофон режиссер. И после его следующей короткой, но четко произнесенной фразы во всем аппаратно-студийном блоке, наконец, наступила тишина. В мониторах оставались теперь только ведущий, натянувший фирменную улыбочку, и его гости.

– Пять секунд! Внимание, приготовились. Мотор!!! Пошла шапка! – браво скомандовал режиссер.

На многочисленных мониторах аппаратной тотчас появилась бело-сине-голубая заставка, сопровождаемая быстрой звучной музыкой.

– Отлично, первая камера пошла! – скомандовал режиссер.

И многочисленные зрители увидели, наконец, на своих экранах довольного собой и жизнью ухмыляющегося ведущего в пурпурной бабочке.

– Добрый вечер, с вами снова я – Остап Зайцев и программа «Время быть впереди».

Голос у него был слегка резковатый, как будто бы въедливый, и из-за этого многие его гости немного терялись.

– Сегодня наш выпуск будет посвящен действительно талантливой группе, вернувшейся совсем недавно из славных загранич, прямо со знаменитого американского фестиваля. Да-да, того самого! Что? Вы еще не знаете, кто это? Тогда мы вам расскажем!

Режиссер почти в это же мгновение велел поставить ролик, в котором кратко и не без некоторого модного ныне пафоса рассказывалось об истории возникновения и становления группы «На краю», а также о каждом из ее участников. Все это сопровождалось яркими фото, кадрами с выступлений и редкими, предоставленными заранее Андреем хоум-видео, а также словами известных деятелей искусства и простых фанатов.

– Я хочу отсюда смотаться, – раздраженно сказал Кей, глядя на монитор, по которому транслировалась запись. В этом суматошном царстве софитов, камер и кранов он чувствовал себя не самым лучшим образом.

– Да ладно тебе, – хлопнул его по плечу Филипп. Ему тут нравилось. Да и девочки-редакторы были милашками.

– До эфира пять секунд, готовимся, – раздалось в ушах обоих музыкантов. – Три, две, погнались!

Вновь загорелась красная лампочка, говорящая о том, что идет запись, и тишина опять ворвалась в помещение.

– Итак, в студии «Времени быть впереди», можно сказать, уникальные гости, – с довольным видом начал Остап, как будто бы собрался сообщить присутствующим, что баллотируется в президенты. – Тут, конечно, можно поаплодировать, но, увы, в нашей студии нет тех несчастных, которые обязаны это делать на ток-шоу по сигналу, как собачки Павлова при возгорании лампочки. Итак... – он сделал торжествующую паузу.

– Да не тяни ты уже, – не выдержал режиссер. Он терпеть не мог витиеватую манеру ведущего изъясняться.

– ...приветствуем, «На краю». Правда, группу представляют всего лишь двое ее участников из пяти, но, думаю, это не сделает наше общение менее интересным.

Режиссер, по привычке с профессиональным напряжением наблюдавший за мониторами, переключился на камеру, на которой отображались в полный рост фронтмен и гитарист НК. После каждого из известных музыкантов показали крупным планом.

– Кей, Фил, рад встрече, – кивнул музыкантам Остап, предвкушая.

– Взаимно, – ответил Кей.

– Куда, кстати, ваши друзья подевались?

– Какие еще друзья? – тонко улыбнулся тот.

– Ну, как какие, – развел руками Остап, – из группы вашей, «На краю».

– В первую очередь они наши коллеги, – Кей машинально откинул со лба волосы. – Те, кто делает с нами одну и ту же работу.

– То есть вы занимаетесь не творческой деятельностью, а работой? – с места в карьер спросил Остап, покачиваясь в своем кресле.

– А вы? – вопросом на вопрос спросил лидер «На краю». Его улыбка была чуть насмешливой.

– А что я? – прищурился Зайцев. Ему все больше и больше нравился Кей. Какая у него будет реакция на вопрос о модельке, с которой его застали? А на непростые вопросы о дружках? А о нем самом? Как все-таки хорошо, что у него, великолепного Остапа, оказался такой замечательный источник информации о Кее, рок-мальчике. Про модель Остап, конечно, сам раскопал, а вот все остальное поведал ему этот славный человек.

– Наверняка ваши лучшие интервью и программы были сделаны вами в приливе вдохновения? – спросил музыкант, подпирая щеку кулаком и непрерывно, как какая-то мудрая восточная змея, глядя на Остапа. Тот только головой покачал, подумав вдруг, что плохо быть врагом этого парня. Вроде еще юнец, но взгляд у него еще тот... Или во всем виноваты черные линзы?

– Но, наверное, при этом вы много трудились? – продолжал музыкант.

– А как же, – отозвался Остап даже с некоторой гордостью. Все его жены (а их у него было целых четыре по причине пакостного характера) в голос заявляли, что их супруг – не только редкостный гад, но еще и профессиональный трудоголик.

– Там где есть вдохновение, там всегда есть место творчеству. Вдохновение – его предвестник. Труд – двигатель творчества. А настойчивость – показатель прогресса. Исходя из ваших ответов, можно сделать вывод, что журналистика – это творчество. Но одновременно это и ваша работа.

– И? – вздохнул ведущий, поняв, к чему клонит Кей.

– Проведите аналогию с нами. В нашей деятельности работа совмещается с творчеством, – сказал Кей, а Филипп кивком поддержал его.

– Переходи к вопросам, у нас время не из резины, – раздался сердитый голос режиссера в «ухе» Остапа, и тот нехотя поменял тему:

– Какое у тебя профессиональное отношение к творчеству! У меня, впрочем, как ты верно подметил, – тоже. Поэтому перейдем к вопросам.

– Вы и так нам их уже задаете, – широко улыбнулся Фил.

– Итак, начнем с самого главного и самого громкого. Вы буквально только что вернулись с поистине культового фестиваля. Ваши впечатления после выступления? – с самого простого начал Остап. Это была его обычная стратегия – усыпить бдительность гостей, дабы потом добить их.

– Их безумно много, – отозвался задумчиво-мечтательно Филипп. В его светло-карих глазах вспыхнули факелы эмоций. Он отлично провел время на фесте и выложился на все сто. После выступления, на котором «На краю» сделали все возможное и невозможное, чтобы отыграть безупречно, он просто почти без сил упал на сцену, а после засмеялся и смеялся долго, как-то по-новому, взросло, с облегчением. Наверное, только его вдруг притихший брат-близнец знал, капли пота с мокрого лба попадали Филиппу на глаза или это были слезы. Он увел Фила куда-то в сторону и притащил обратно только через полчаса.

– Но только сейчас мы приходим в себя и осознаем то, что с нами было. И это было круче, чем героин, – добавил гитарист.

– Это был наш шанс, – тут же вставил Кей. – И, думаю, мы его не упустили.

– Шанс для чего? – хищно осведомился ведущий.

– Для того, чтобы запомниться сердцам людей.

– Какой ты парень интересный, Кей! Хочешь заполучить сердца людей?

– Поработить их музыкой, – усмехнулся лидер «На краю».

– А из тебя вышел бы суровый рабовладелец! А Америка-то понравилась? Не хотите остаться там на ПМЖ?

– Боюсь, что нет.

– Нет, – рассмеялся Филипп. Ему доводилось пожить в США – в свое время он проходил стажировку в одном из американских университетов. Его брат-близнец Рэн часто жалел о том, что не поехал вместе с братом. Ведь тогда их жизнь могла бы сложиться иначе.

Впрочем, как-то, на одной вечеринке Арин разумно сказал на это: «Если что-то было предначертано, то оно настигает в любой точке земного шара». И братьям пришлось согласиться.

– Первая камера, крупнее план, – послышался раздраженный голос режиссера. – Остап, второй ролик пойдет с задержкой, потяни время.

Тот, несмотря на глубокую личную неприязнь, выполнил указание и начал атаковать представителей НК новыми вопросами, после которых в эфир пустили ролик, где вновь рассказывалось про знаменитый музыкальный фестиваль. Затем ведущий перешел к вопросам «погорячее».

– А что у вас с личной жизнью? – продолжал Зайцев, удобно устроившись в своем кресле. Свет софитов и мигание разного рода лампочек ему совершенно не мешали. В студии он чувствовал себя, как дома.

– На нее нет времени, – развел руками в сторону Филипп. – Я скоро буду думать, что музыка – моя жена, а гитара – дочь.

– Ого, вот это преданность делу! А у тебя, Кей, какая ситуация? Помнится, недавно в Интернете всплыли фотографии, на которых ты был запечатлен с моделью.

Кей улыбнулся.

– Мы расстались. К сожалению, музыка не терпит конкуренции.

– Любовь – конкуренция музыки? – оживился Зайцев.

– Кое-кто считает, что да, – вдруг непонятно чему усмехнулся Кей, глядя в камеру немигающим взглядом.

– А ты как считаешь?

– Музыка – часть меня. Могу ли я конкурировать с той, которую люблю? – весьма запутанно изложил ведущего Кей.

– То есть сейчас ты одинок? – вцепился в его ответ тот.

– Свободен, – подчеркнул нехотя музыкант.

– Свобода – это прекрасно. Кстати, насчет нее! Говорят, ваш барабанщик женился? – в лоб неожиданно задал вопрос Остап.

Андрей, находящийся в студии, зло посмотрел на Зайцева.

«Та-а-ак, этого в сценарии не было. Отлично, ты что, решил поиграть с моими ребятами? Чертов Келла, все испортит», – выругался он про себя, но, чуть поразмыслив, выскользнул за дверь, как только чуть позднее прямой эфир прервал еще один небольшой сюжет с фестиваля.

– Про Келлу много чего говорят, и чаще всего неправду, – ухмыльнулся Кей тем временем.

– То есть он свободен, как палка в полете? – уточнил Остап.

– Примерно так. Как палка.

– А как тогда вы можете объяснить это? – лукаво улыбнулся ведущий, и на экране появилось несколько интересных фотографий, сделанных на камеру мобильного телефона. На них был запечатлен собственной персоной синеволосый Келла, облаченный в кожаную куртку и черные джинсы, заправленные в высокие военные ботинки со шнуровкой. С каким-то угрожающим видом он держал за руку девушку в белоснежном платье с пышной невесомой юбкой и с корсетом, подчеркивающим тонкую талию. В ее темных волосах, собранных в аккуратный пучок, затерялись несколько лазурных прядей. Фоном для фотографии служил особняк с колоннадой и богато декорированным фасадом – «Дворец

бракосочетаний».

На втором фото та же самая парочка держалась за вытянутые руки. Лица девушки практически не было видно – только лишь ее затылок, зато лицо Келлы, явно что-то говорившего своей невесте, легко можно было узнать. На третьем – эти двое самозабвенно целовались на фоне светло-голубого прохладного неба и тонких ветвистых деревьев, с которых уже облетели листья. Брюнетка запустила пальцы в синие волосы Келлы, другую руку положив ему на плечо. А сам музыкант осторожно прижимал ее к себе.

На следующих снимках, сделанных уже издали, счастливая парочка была запечатлена во весь рост все на том же небесном фоне. Рядом с ними находились еще двое: парень и девушка – видимо, свидетели их бракосочетания, но их лиц совсем не было видно.

– Ну, как? – упиваясь собой, спросил ведущий. Фото ему безмерно нравились.

– Никак, – ослепительно улыбнулся Кей.

– То есть?

– Все вопросы к Келле. Я не могу комментировать эти странные фотографии, поскольку не знаю, что на них происходит.

Он говорил так уверенно, что Остап даже немного смутился, что бывало с ним крайне редко.

– Бредовые снимки, если честно, – подхватил Фил. – Не помню, чтобы Келла женился.

– И я даже не уверен, что на фото изображен он, – добавил задумчиво Кей. – Это может быть фэйк.

– Фэйк фэйку рознь! А на этом фото кто изображен? – спросил Остап, еще больше внутренне ликуя – его прямо-таки распирало от того, какие компроматы он нашел!

На огромном экране вновь появилось изображение, куда Кей, Фил, а также Андрей усталились не без удивления.

На новом снимке, сделанном на этот раз профессиональной камерой, Келла вновь был изображен с невестой – только уже с блондинкой, чьи светлые волосы были уложены в высокую прическу.

Фото оказалось крайне интересным. Улица была затоплена мягким весенним солнечным светом. Девушка в элегантном облегающем наряде со шлейфом, изумительной вышивкой, украшающей лиф и линию бедер, и юбкой, ниспадающей мягкими объемными волнами, только что вышла из черного величественного лимузина «Hummer», чья лакированная блестящая дверь все еще была распахнута. Улыбающийся краешками губ Келла, похожий теперь не на бесшабашного ударника рок-банды, а на благородного офицера, стоял рядом с машиной. Он чинно протянул невесте ладонь. И неизвестный фотограф весьма удачно запечатлел тот момент, когда невеста, чье лицо было наполовину скрыто изящной двухслойной фатой, достигающей до середины спины, вложила пальцы в руку своего статного жениха. Волосы его были не привычно синими, а приобрели естественный оттенок, став темно-русыми. Их умело зачесали назад, уложив в модную прическу и открыв лицо с благородными, несколько асимметричными чертами и высоким лбом, что тут же придало Келле презентабельность и даже непонятно откуда взявшуюся аристократичность. Пирсинг с его лица исчез, небрежную одежду с рок-атрибутикой заменил темный костюм-тройка с удлиненным приталенным пиджаком, светлой рубашкой, шелковым жилетом и в тон ему подобранным галстуком. Прежним остался только взгляд – такой же насмешливый и дерзкий.

Увидев эту впечатляющую картину, Филипп едва удержался от смеха, а Кей едва заметно

поморщился. Все-таки информация просочилась, что называется, в свет.

– Ну? Келла и вторая невеста, верно? – продолжал Зайцев довольно. – Судя по тому, что мы видим на снимках, это так. Выходит, он был женат, по крайней мере, дважды?

Кей пожал плечами.

– У тебя есть только эти фотографии? – спросил он.

– Пока что только эти, – нехотя признался Остап, почесывая длинный нос. Жаль, как же жаль, что самого Келлы сейчас тут нет и он не может комментировать увиденное. Говорят, он – парень вспыльчивый, мог бы в порыве эмоций что-нибудь выдать.

– Тогда я могу предположить: то, что мы видим – отличный фотошоп, не более, – задумчиво продолжил свою мысль Кей. – А на первых снимках низкое качество изображения, поэтому вы не можете утверждать, что на них запечатлен Келла.

Лидер НК говорил так убедительно, что Остап готов был поклясться, что парень не лжет! А он ведь чуял ложь за версту! Неужели дезинформация, или Кей просто отличный актер?

Минут пять Остап пытался выпытать у музыкантов хоть что-то насчет личной жизни Келлы, но у него ничего не получалось, и режиссер велел двигаться дальше – настал черед видеозвонков. Звонили в основном поклонники творчества «На краю», которые были им крайне признательны за музыку, они же задавали кумирам вопросы – на вкус Остапа, бестолковые. Сам он, казалось, ничуть не расстроился, что узнать о свадьбах барабанщика ничего не получилось – у него в рукаве козыри куда более сильные.

– Реклама, – раздалось в наушниках, и напряжение у присутствующих слегка спало. В обоих помещениях – и в студии, и в аппаратной вновь стало очень шумно.

Гитарист «На краю», что-то говоря беловолосому, потянулся, обнажив слегка живот, и женская половина умилилась. Несмотря на грозный внешний вид и грим, парень казался им милашкой. Кей, бесспорно, тоже нравился, но его слегка побаивались, предпочитали любоваться издали. Как в который раз верно подметил глазастый Остап – как драгоценным камнем.

– Кей, Фил, – по-родительски строго позвал парней Андрей, который только что вернулся в студию. – За мной.

Музыканты переглянулись, явно не поняв, в чем дело, но, не задавая вопросов, встали и пошли за менеджером. Остап проводил их маленькими, хитро прищуренными глазками и, прикрикивая на вновь подскочившую к нему девушку-гримера, с удовольствием подумал, что он жуткий молодец.

О чем беседовали эти трое, ведущий не знал, зато свидетелем части их разговора стал один из осветителей, бегавший во время рекламного перерыва покурить. Он случайно услышал голоса и остановился из любопытства.

Сначала до него долетели обрывки ругательств, а потом, когда осветитель подошел ближе, услышал жесткий голос менеджера:

– ... не пойму, откуда у него эта информация. Знал бы, не пустил вас к этому ублюдку. Нарыл все-таки. Решил сделать парочку сенсаций. Фил, ты в порядке?

– В порядке. Пусть... – нерешительно проговорил гитарист – его голос любопытный осветитель разобрал с трудом. – Не знаю, откуда он это узнал.

– Не время искать причины. Нужно что-то делать, – отозвался Кей. Его голос срывался от злости. – И я знаю, что. Это поможет. Такая новость, – сарказм в его голосе зашкаливал.

– Нет, – отрезал Андрей.

– О, прости, но да, – отозвался фронтмен НК. – Днем раньше, днем позже. Удобный момент.

– Ты не будешь этого делать ни сейчас, ни потом, – решительно возразил менеджер. – Мы все решим.

– Ты однажды уже решил, – отвечал ему музыкант. О чем он говорил, было непонятно. – Теперь решать буду я.

– Кей! Кей, постой! Не надо!

– Антон! – раздался и голос Фила. Осветитель с трудом сообразил, что так, скорее всего, зовут лидера НК, и даже довольно присвистнул – они оказались тезками.

– Ты пожалеешь! Вот черт... Кей, постой! Ты последствия не разгребешь!

Кей первым вылетел из-за угла и столкнулся плечом с осветителем. Извиняться он и не думал. Следом показался слегка взбешенный менеджер «На краю», чьи губы были плотно сжаты, а тонкие ноздри трепетали от гнева. Последним вышел растерянный, нет, даже испуганный гитарист – из-за грима казалось, что страх его смешан с глумливым бешенством, и честно говоря, осветителю даже стало слегка не по себе. Он посторонился, дабы пропустить гостей программы, совершенно не понимая, о чем те только что вели свой странный разговор. Они были настолько на взводе, что ему вдруг даже показалось, что эти трое сейчас просто уйдут из студии.

Однако осветитель ошибся. Рекламный блок кончился, и гости вновь оказались на своих местах под прицелом камер и с микрофонами на одежде, а нервничающий Андрей остановился позади операторов, рядом с продюсером.

Зайцев успел заметить, что оба музыканта сосредоточенны, а Фил к тому же и напряжен, но не придавал этому значения. Он и не думал, что Коварин смог за время отсутствия на эфире достать настоящий, не согласованный с гостями сценарий, и предупредить своих парней.

– Я тут кое над чем подумал, ребята, пока шла реклама. И хочу сначала спросить, какие у группы дальнейшие планы? – вернулся к интервью ведущий, потирая ладони. Он прямо-таки кожей чувствовал, что сегодняшний эфир станет взрывом. Нет, Остап Зайцев не испытывал к этим парням никакого негатива, напротив, искренне был рад за их прорыв на Запад, но профессия обязывала его делать сенсации. И своего шанса сегодня он упускать не желал.

– Да, собственно, никаких, – равнодушно ответил Кей. Фил молчал, глядя в одну точку где-то у себя под ногами.

– Поясни, пожалуйста? – Остап даже подался вперед от профессионального любопытства.

– У нас нет планов. К сожалению, группа «На краю» распадается, – неспешно, но уверенно произнес Кей, глядя прямо в центр камеры. Говорил он это столь серьезно, что за шутку эти слова принять было невозможно.

– Что-о-о? – ахнул ведущий от неожиданности. – Это... как?

– Обыкновенно, – продолжал оставаться невозмутимым Кей. – Так, как это происходит с другими коллективами. Мы больше не вместе. Каждый из нас пойдет своей дорогой. Время, что мы были вместе – золотое. С этим нельзя поспорить. Но каждый золотиносный прииск когда-нибудь кончается. Время «На краю» кончилось.

Ведущий растерялся, и его нервозность была слышна даже в резковато-ехидном голосе.

– Но как так?! У группы начался пик популярности!

– Лучше уйти на пике, но с достоинством.

– С ума сойти. Фил, а ты что скажешь? – обескураженно обратился Остап к гитаристу, дергая себя за галстук-бабочку и забыв о своем мегаматериале. Тот скорбно кивнул головой, метнув на лидера их общей группы укоризненный взгляд.

– Это наше совместное решение. Мы сожалеем, но ничего поделать не можем, – его голос не был столь выдержанным, как у Кея, и чувствовалось, что произносить эти слова Филиппу нелегко.

– Но... Но как же ваши поклонники? – не без труда взял себя в руки ведущий.

– Я прошу у них прощения. Мы существовали только благодаря им и их поддержке, – так же ровно продолжал Кей, положив обе руки на подлокотники. Выполненные в механическо-викторианском стиле кольца на его пальцах изломанными отблесками заискрились в свете софитов.

Остап, машинально глядя на эти кольца, только рот разевал, как рыба, пока камеры были направлены на Кея – теперь его показывали крупным планом, а режиссер бурно кричал, чтобы из камеры убрали «воздух». С одной стороны, Зайцеву было дико жаль, а с другой, журналистское нутро его ликовало. Вот это сенсация! Сенсация в кубе! Сенсационнице! Именно в его передаче «На краю» распались!

О второй модели, с которой удалось заставить Кея, он успешно позабыл, свадьбы Келлы и прошлое Фила, о котором был отснят неплохой материалчик, теряли актуальность. И Остап принялся атаковать обоих музыкантов вопросами о причинах распада группы. Получалось плохо, и все ответы парней сводились к тому, что они не видят смысла в существовании «На краю», а также по-разному относятся не только к музыке, которую исполняют, но и к жизни.

– Наверное, мы слишком разные. А разные люди не смогут долго делать общее дело, – признался Кей, сложив на колено сцепленные в замок руки. – Правильно его делать.

Сценарий пошел наперекосяк полностью, но вот рейтинг увеличивался и приближался к рекордному значению для программы.

– Почему не приехали остальные участники коллектива? Они уже знали о принятом тобою решении? – допытывался господин Зайцев, внимательно следя за выражениями лиц гостей, мечтая уличить их во лжи.

– Это было наше совместное решение, – не поддался на маленькую уловку ведущего тот. – Но ты прав, Остап, – мы не видели смысла приезжать сюда всем вместе.

Зайцев пошевелил длинный носом, явственно напомнив дающего очередные указания режиссеру кролика, и вновь принялся за интервью.

– Этого не было в плане сценария! – горячо шептал в это время исполнительный продюсер менеджеру, теребящему острый ворот стильной молочного цвета рубашки. – Господин Коварин, что происходит? «На краю» распадаются?! Почему вы нас не предупредили? Как вообще так?

Андрей лишь устало пожал плечами.

– Видимо, на все воля Божья, – сказал он и отвернулся, сжав кулак правой руки так, как будто бы хотел кому-то хорошенько врезать.

Для алмаза Хоупа нашелся достаточно мощный источник света и без чужих усилий. И теперь его холодное сияние грозило ослепить всех тех, кто не успел прикрыть глаза в надежде насладиться диковинной красотой камня.

– Вот ублюдок, – с чувством сказал Рэн, застывший перед широким плоским экраном в гостиной большого дома, по которому, казалось, весьма успешно пронеслись Мамай с ордой – еще совсем недавно тут былолюдно и шумно. На вчерашней вечеринке он и его компания перебрали, а потому только что проснувшийся гитарист, в голове которого гудел рой пчел, и опоздал на прямой эфир. С опаской поглядывая в экран телефона, на котором значилось несметное количество пропущенных от «Андрей», он включил MBS и попал прямиком на слова Антона о распаде.

Эта новость его ошеломила так, что Рэн ударил по стене кулаком и громко выругался.

– Совсем поехал? – сонно прищурился Лис, выползая из соседней комнаты.

– Этот придурок распустил группу! – заорал Рэн, и друг удивленно взглянул на экран – крупным планом показывали Кея.

Он улыбался, но угольные глаза его были серьезными.

* * *

Еще одни глаза, наблюдавшие за ходом передачи, – но уже естественного, шоколадного оттенка, смеялись. Их обладателю было весело – он и не думал, что Кей сделает это, и теперь ему было интересно – каков будет следующий шаг фронтмена «На краю». Ах да, бывшего фронтмена, разумеется!

Однако веселье это было злым. Темноволосому задумчивому парню не нравилось такое своеволие. Кею не стоило так опрометчиво поступать. Годы усилий сошли на нет. Неужели он не понимает?

Что он ставит выше?

Он музыкант?

– Хватит пялиться в телефон, – решительно сказали над ухом по-английски. – Иди в студию.

Он поднял взгляд – над ним завис красноволосый, с хищным выражением лица парень, получивший прозвище Марс.

– Гектор начинает злиться, – с подтекстом сказал Марс, с таким выражением, как будто бы шутки про загадочного Гектора стали повсеместными в том небольшом коллективе, к которому оба принадлежали.

– Иду, – ухмыльнулся темноволосый, но прежде чем он направился следом за Марсом, остановился, чтобы прочитать сообщение, пришедшее на телефон.

Теперь в его глазах появился испуг – впервые за долгое время.

Кажется, все это переставало быть игрой.

«Не переживай. Сегодня сделаю то, что хотела. Я нашла ее», – было написано в сообщении, отправленном на телефон.

Но сколько бы обладатель темных глаз ни набирал телефон Кати, он молчал.

* * *

На кухне славного семейства Радовых воцарилась тишина.

Еще совсем недавно расположившиеся здесь три девчонки лет четырнадцати

веселились, поедали вкусняшки и с хихиканьем комментировали передачу «Время быть впереди», которую смотрели исключительно из-за группы «На краю». Нелли при этом победно улыбалась – кто еще может похвастаться тем, что лично общался с Филом, а Кей так вообще ей уже почти родственник?! Жаль, никому нельзя рассказать, даже близким подружкам, что лидер классной рок-группы, который родом из их города, – парень ее *дурной онни*.

Но после слов Кея о распаде группы атмосфера в кухне резко изменилась. Улыбки померкли, и в глазах подростков плескалось недоверие – как же так?! Почему любимая группа распалась? Что стало тому причиной?

Лучше бы они вообще не смотрели эту программу.

Лучше бы не любили эту группу, чтобы не разочаровываться так жестоко.

– Мы всегда будем благодарны тем, кто слушал нашу музыку, – говорил Кей – его чересчур спокойное, но несколько бледное лицо показывали крупным планом. Казалось, взгляд его проникал в самые души тех, кто находился сейчас по ту сторону экранов.

– Идиот! – закричала одна из подружек Нелли. – Если бы был благодарен, не распускал группу!

– ...благодарны тем, кто нас поддерживал, – продолжал, конечно же, не слыша ее, Кей. – Тем, кому мы были небезразличны все это время. Мы жили ради вас и ради нашей музыки. Нашей – не только той, которую мы играли впятером. Нашей – той, которую мы играли для вас и вместе с вами – с вашей незримой помощью.

Сердце Нелли сжалось.

Она ничего не понимала. Как же так? Надо срочно позвонить Кате! Телефон сестры, однако, был выключен.

– Но, послушайте, как же вы... – попробовал перебить его ведущий, однако музыкант только лишь поднял ладонь вверх, словно прося, чтобы его не перебивали. Жест получился убедительным, Остап Зайцев послушался и моментально замолчал, жадно разглядывая фронтмена «На краю».

– Мы уходим, но наши песни остаются, – продолжал Кей. Нелли вдруг подумала, что эти слова даются ему с трудом, и крепко сжала пальцы в кулак, так, что покрытые ядовито-розовым лаком ногти впились в кожу.

– Если ты на краю, ты либо упадешь, – вдруг загадочно добавил Кей, – либо взлетишь.

В студии «Времени быть впереди» зависла напряженная тишина, которую поспешно сменил один из клипов НК, Нелькин любимый, про одинокого страдающего маньяка, которому не чужд был зов любви.

В шоке были не только Нелли и ее подружки.

Многочисленная армия поклонников «На краю» в этот момент не могла поверить в эту действительность – действительность, которая обходится без любимой группы.

Музыка – особенный вид искусства, способный пробудить всю гамму чувств.

Отличное лекарство от депрессий.

Наркотик.

Удовольствие от прослушивания музыки вызывается высвобождением дофамина, одного из «гормонов радости». Может быть, именно поэтому музыка чаще других видов искусства способствует не только пробуждению глубинных эмоциональных процессов, но и катарсиса, высшего эстетического переживания. Она была и остается одним из немногих верных средств погружения во внутреннюю потайную арену самих себя, называемую душой, ее

очищения и возвышения.

Музыку способны делать многие. Но лишь действительно избранные могут создавать такую музыку, которая легким касанием своих звуков способна оголить защищенные толстым грубым слоем эмоций нервы.

Парни из группы «На краю», несмотря на жанр, зачастую агрессивный и ярый, умели вызывать в чужих головах эйфорию.

А теперь уходят.

Они не устояли на краю – и падают, а вместе с ними летят вниз и их преданные поклонники.

Передача «Время быть впереди» кончилась, но едва лишь началась вездесущая реклама, как вдруг одна из подруг Нелли, не выпуская из рук телефон, закричала на всю кухню:

– Вы видели этот пост?!

– Какой? – тотчас всполошились девчонки.

– В группе «На краю», не официальной! Админы выложили видео с камер наблюдения в гостинице, где парни останавливались! Называется «Почему НК распались»!

– И что там?!

– Включай уже! Не тормози!

– Включила-включила! – нервно огрызнулась обладательница телефона. – Загружается! Не видите, что ли?

Нелли и ее подружки во все глаза уставились в экран смартфона. Видео было не слишком качественным и без звука, но это не помешало ему передать напряженность момента.

Кей в простых темных джинсах и черной майке стоял посередине коридора, разговаривая с кем-то по телефону – это длилось не более десяти секунд. Вокалист «На краю» выслушал собеседника, что-то произнес, рассмеялся, убирая светлые пряди назад и задерживая ладонь на затылке...

И вдруг к нему стремительно приблизился парень с длинными черными волосами – Арин, бас-гитарист. Ни слова не говоря, он двинул Кею по лицу. Тот, пребывая в расслабленном состоянии, не успел увернуться или поставить блок и, получив удар, отлетел к стене, выронив из рук мобильник. Однако почти тут же пришел в себя, что-то прорычал и со злым лицом бросился на Арина.

Музыканты сцепились. И в их борьбе прекрасно была видна упрямая ярость. Однако ее ярко-красному с оранжевыми проблесками огню разгореться во всю силу не удалось. Почти тут же из соседнего номера вылетели Рэн и еще несколько парней, видимо, входивших в техническую команду «На краю», и стали разнимать дерущихся – к тому времени Кей повалил длинноволосого гитариста на пол и бил его по лицу, хотя губа самого была окровавлена.

Видео выложили буквально минут десять – пятнадцать назад, однако комментариев под ним уже было немыслимо много. Кто-то в распадае группы винил Арина, кто-то – Кея, а кто-то строил совсем уж немыслимые домыслы, будто эти двое не поделили девушку. Правда, большинство как-то еще не очень и осознавало, что творчеству группы пришел конец. Одни не верили, вторые считали пиаром.

А Катя так и не брала трубку.

Зато внезапно пришло сообщение от друга по переписке, которого звали Синий Зверь:

«Нелли, пожалуйста, не удивляйся моим вопросам и просьбе. Где сейчас находится твоя старшая сестра Катя? И знаешь ли ты телефон, по которому можно дозвониться до

* * *

Новости о распаде «На краю» немедленно поползли по Интернету. И до того, как прямой эфир программы «Время быть впереди» закончился, появились едва ли не во всех виртуальных сообществах, посвященных творчеству рок-группы, а также на официальном сайте.

«Группа «На краю» прекращает свою музыкальную деятельность».

* * *

Год назад, июнь – июль

Я никогда не думала, что со мной могут происходить удивительные вещи.

Что я люблю, и эти чувства будут настолько сильными, головокружительно-пьянящими и одновременно упоительно-болезненными.

Что выбор моего сердца падет на странного человека, неоднозначного и яркого, как звезда.

И что он действительно окажется звездой, сияющей на ночном загадочном небе мира тяжелой музыки.

Наши отношения начались при весьма запутанных обстоятельствах. Несколько лет мы учились в одной группе юридического факультета, но никогда не обращали друг на друга внимания. В стенах университета он пребывал в образе незаметного паренька в очках и мешковатой одежде, волосы которого закрывали пол-лица. И никто из наших сокурсников даже и представить не мог, что тихий, вечно прогуливающий пары, но каким-то чудом переводящийся с курса на курс Антон Тропинин – не кто иной, как восходящая звезда рок-сцены, фронтмен группы «На краю», которая все больше и больше становилась популярной.

Это покажется странным, но никто не видел в незаметном мальчишке безбашенного певца Кей, умеющего раскачать толпу почти до состояния экстаза, и я тоже была в числе этих людей. Несколько лет я не замечала Антона, а он проходил мимо, словно меня не существовало, и это, наверное, продолжалось и сейчас, если бы не случай и доброта глупой девочки Кати, которая пожалела своего странного неразговорчивого одноклассника, подумав, что тот страдает из-за своей неразделенной любви к ее лучшей подруге Ниночке. А он, поняв, что я отношусь к разряду, как сам говорил, хороших девочек, решил поиграть. Да-да, именно поиграть, ведь играть с людьми и их чувствами было одним из его любимых развлечений!

Кей использовал образ ничем не примечательного Антона не только для того, чтобы спокойно учиться в университете, избегая встреч с фанатами и не нервируя студентов и преподавателей постоянным присутствием прессы в коридорах университета, но и для того, чтобы очаровать очередную свою игрушку женского пола. Как я говорила, он выбирал «хороших», по его мнению, девушек и начинал общаться с ними в образе то студента Антона,

то музыканта Кея. Ему было интересно – кого же выберет девушка? Хорошего и заботливого, но посредственного Антона или же плохого и эгоистичного, но красивого Кея? Он хотел доказать самому себе, что людям важен он сам, а не статус и сценический образ.

Но каждый раз побеждал Кей.

И каждый раз внешний лоск и блеск славы оказывались сильнее нежности, заботы и теплоты.

Он искал, играл, разочаровывался, вновь искал... И вскоре в Кейтоне осталось лишь чувство азарта, соперничающее с болезненным ощущением того, что он *настоящий* всегда проигрывает. Что *настоящий* он не нужен этому миру.

Порою это доводило его до бешенства, которое выливалось в агрессивные тексты и яростную музыку. И иногда сам он уже начинал путаться: Антон он или Кей, и каким должен быть.

А потом он обратил внимание на меня, и уже я удостоилась сомнительной чести общаться с двумя его ипостасями. Нет, я не стала какой-то особенной девушкой, которая вмиг оценила Антона и не пленилась ярким образом Кея. Напротив, я отлично понимала, что влюблена и в участливо-нежного Тропинина, и в бессовестно-наглого Кея. Меня тянуло к ним одинаково сильно, хотя в какой-то момент поняла даже, что могу выбрать не милого Антошу, а придурка Кея. Правда, потом произошло много событий, да и я, наконец, стала подозревать, что дело не чисто, однако Кейтон решил запутать меня, заявив, что Кей и Антон – братья-близнецы, а после в игру вступила его бывшая с ворохом лжи в руках. И это запутало меня сильнее.

В результате, узнав правду, я решила, что не буду никого выбирать, сбежала, спряталась, погрузилась в свои мысли, но он все же нашел меня. Приехал, рассказал обо всем и просил прощения, и, кажется, впервые за все наше знакомство не играл никакой роли, общался со мной, сняв маску и дав впервые взглянуть на себя настоящего.

Полдня мы провели в разговорах – нервных, откровенных, болезненных, уединившись на закрытой со всех сторон полянке элитного коттеджного поселка, где я пряталась и от него, и от самой себя.

Антон с горечью рассказывал о себе – даже то, что мог бы и утаить, чтобы еще больше не ранить или не разозлить меня, но он постарался быть предельно честным.

Сначала в душе моей пылал костер из обиды и гнева, выжигая ее дотла, но прикосновения, слова и взгляды Антона казались мне искренними, и я согласилась дать ему шанс. Я не простила – так и объяснила ему, что пока не могу сделать этого, ведь он, действительно, причинил мне много боли, и не могу доверять в полной мере – Антон должен заслужить мое доверие.

И он принял это. С благодарностью.

Возможно, если на моем месте оказалась другая девушка, она бы оттолкнула его или попыталась отомстить и поиграть с ним по своим правилам (предполагаю, что безуспешно). А быть может, она забыла бы все и приняла кольцо.

Но я поступила так, как говорило мое сердце.

Я не могла так просто отпустить того, кого любила вопреки здравому смыслу. Гордость требовала мести, неуверенность – прощения, а душа хотела искренности. Для искренности же и доверия требовались время и поступки.

К тому же в душе теплилась надежда, что наше знакомство было предначертано и нас с Антоном связывает та самая тонкая незримая связь, о которой говорилось в старинной

Бурное утро, богатое на эмоции и откровенные разговоры, превратилось в спокойный солнечный день. Солнце, зависшее в высоком безмятежном голубом небе, пекло, а вокруг было умиротворяюще тихо и пахло луговыми травами. Казалось, что время застыло.

Я и Антон сидели все на той же лавочке в форме качелей. Мы оба молчали, не зная больше, что говорить, и наши предплечья касались друг друга. Было так странно осознавать, что вся эта сумасшедшая история закончилась и теперь мы стоим в начале нового пути. И Антон Тропинин виделся мне новым человеком, которого я еще только смогу открыть для себя.

Реальность казалась сном, и я все еще с трудом верила в происходящее. Возможно, я скоро проснусь, и все, что останется со мною – вкус его губ.

– Малышка, – привычно позвал меня Антон, нарушая взаимное согласие, и тотчас поправился:

– Катя.

– Что? – тихо спросила я, повернувшись к нему. Глаза у него были серые и растерянные.

– Я тону, – сообщил он мне и осторожно сжал мою лежащую на колене ладонь.

– Ты не можешь тонуть. Ты же сам – вода, – улыбнулась я, всматриваясь, словно впервые, в его бледное, чуть удлиненное лицо с правильными крупными чертами, обрамленное платиновыми прядями.

– Я не умею плавать в небе. – Антон коснулся губами моего лба и встал. – Не знаю, что со мной, – отрывисто произнес он, внимательно глядя на меня сверху вниз. – Это любовь, да?

Я промолчала, замерев и чувствуя, как босые ступни касаются травы.

– Когда я был с Алиной, все было по-другому, – продолжал, взлохматив волосы, Антон. Кажется, они стали длиннее, нежели в нашу первую встречу. Мне почему-то вспомнился настоящий цвет его волос – редкий, действительно красивый, пепельно-русый. Я видела его на старых фотографиях, когда Антон еще не выступал в «На краю». На тех же снимках была и Алина, его бывшая. Яркая, красивая девушка, принадлежащая к тому же кругу, что и сам Тропинин, но редкостная стерва, которая упорно цеплялась за прошлое.

– Что именно было по-другому? – спросила я, пытаясь скрыть раздражение, вызванное упоминанием Лесковой, и тоже встала напротив парня.

– Чувства. Все было не так, – Антон покачал головой и задумчиво потер высокую переносицу, словно прислушиваясь к своим ощущениям. – Я не тонул. Плыл на красивом лайнере, на котором она была капитаном.

– Пил текилу, – зачем-то сказала я и усмехнулась сердито. – А Алина пьянела от виски. Не хочешь тонуть – тебя всегда ждет твой чудесный лайнер. Встретите с его борта закат и все дела.

Кей вдруг весело рассмеялся. Он обнял меня сзади, положив руки на пояс, прижимая спиной к себе и обжигая горячим дыханием шею.

– Глупая моя, – ласково произнес Тропинин. – Ты еще только начала, а мне уже нравится, как ты ревнуешь.

– Антон, перестань, – слабым голосом попросила я, чувствуя, как от его неспешных

чувственных прикосновений подкашиваются ноги. И снова появляются эти притягательно-омерзительные бабочки в животе и ощущение то ли полета, то ли падения: быстрого, головокружительного, но приятного. Как во сне.

Да сколько можно уже? Я устала от этих насекомых!

– Может быть, ты все же примешь кольцо? – в который раз спросил Антон.

– Ты знаешь условия, при которых я смогу это сделать, – тихо сказала я.

– Я выполню их, – спокойно пообещал он, не сомневаясь в себе. – Если сказал – выполню.

Я смотрела в его серые глаза и теперь видела в них уверенность.

Из двухэтажного особняка, принадлежащего Валерию, мы уехали через час – я забежала, чтобы переодеться, забрать вещи и попрощаться с домоправительницей – милейшей женщиной, которая волновалась из-за моего долгого отсутствия. Теперь она косилась на Антона, с фирменным скучающим видом подпирающего косяк двери плечом, и убеждала меня, что нам нужно остаться и пообедать. А потом вдруг тихо спросила:

– Помирились?

– Что? – не сразу поняла я, запихивая в сумку последнюю футболку, одну из тех, что привезла мне добрая Настя.

– Утром юноша приходил с совершенно больными глазами, – зашептала, чтобы Кей не слышал, домоправительница. – Видели бы вы, как он на вас смотрел. Вы-то, вернее, видели, да не замечали – были очень злой. А теперь у него совсем другой взгляд! Простила? – вдруг спросила она как-то очень по-женски сочувствующе.

– Попыталась понять, – осторожно отозвалась я.

– Прощать – это искусство, – как-то тяжело вздохнула женщина, видимо, вспомнив что-то свое. – Если человек кается, простить можно многое. Гордость – она ведь до добра не доводит. Это сначала чувствуешь победу, а потом-то понимаешь, что эта победа в крошечной битве, а сражение-то проиграно в пух и в прах. Эх, чего это я к вам лезу, – спохватилась она. – В любом случае, Катенька, вы сделали юношу крайне счастливым.

– Думаете? – мельком взглянула я на Антона. Почему-то сейчас он напоминал мне себя самого в кабинете у Нелькиной классной руководительницы. Та же скучающая отстраненная мина, те же жесты, скрещенные ноги.

Кажется, наш котик не любит ждать. Что ж, пусть учится этому. Полезное умение.

– Конечно. Говорю же – глаза совершенно другие, хотя выделяется много, – добавила она. – Будьте счастливыми.

Я благодарно улыбнулась.

– Ой, я же цветы выкинула в окно, – вдруг вспомнилось мне. – Сейчас соберу!

– Уже собрали, – мягко улыбнулась женщина. – Езжайте, ни о чем не беспокойтесь.

Мы попрощались. Парень, демонстрируя чудеса галантности, неведомые прежде Кею, а присущие лишь Антону, молча взял у меня не особо-то и тяжелую сумку с вещами, и мы направились к припаркованной около особняка машине, синей, блестящей на солнце. Прежде, чем сесть в нагретый автомобиль, я строго сказала:

– Если собрался гнать, как в прошлый раз, я с тобой не поеду, понял?

– Без вопросов, – отозвался Тропинин, глядя на меня и убирая за ухо прядь моих длинных темных волос. – Теперь ты будешь всем заправлять, малышка. А я буду слушаться тебя.

Я со здоровым скепсисом в глазах посмотрела на музыканта. Что-то мне подсказывало,

что так не будет. Слишком уж он свобододлюбив.

– Не слушаться, а прислушиваться, – поправила я его, и ладонь моя как будто бы невзначай коснулась его плеча. Почему меня так сильно тянет к этому человеку?

Антон, словно поняв это желание, без слов притянул меня к себе. Мои руки тут же оказались у него на поясе. Поток нежности захлестнул с головой, и дышать стало труднее.

Я поцеловала его в плечо через черную ткань футболки.

– Катя-Катя, – проговорил Антон тихо, отпуская меня. – На что же ты меня обрекаешь?

Я не ответила.

Казалось, салон машины был раскален, но он почти тут же охладился стараниями кондиционера. И мы неспешно поехали прочь с места моего добровольного заточения, мимо пугливо отступающих от дороги молодых лесов и зелено-желтых полей, над которыми низко и лениво нависали белоснежные кучевые облака.

На ходу я позвонила Валерию, поблагодарила за гостеприимство и сообщила, что покинула его коттедж. После написала несколько сообщений Ниночке, еще отдыхающей в Ницце, Насте и почему-то брату, сообщив, что, наверное, приеду сегодня домой. Телефон Журавлика оказался выключен, зато Настя и брат тут же ответили мне. Подруга восторгалась, пророчила мне невероятную романтику и советовала быть смелее. Эдгар был настроен куда более мрачно и вместо ответа прислал сморщенный смайлик.

Набирая последние слова ответного сообщения для Насти, я, почувствовав на себе острый взгляд, подняла глаза на Антона.

– С кем переписываешься? – спросил он, косясь на подаренный им же телефон.

– С Максом. У тебя просто особенность прожигать людей глазами, Антош, – лукаво сказала я, довольно улыбнувшись – знала, что Кей не любит, когда на него не обращают внимания.

Будем мучить его маленькими дозами! Чтобы не расслаблялся.

Я думала, что он что-нибудь скажет, но Тропинин молчал, сосредоточенно глядя на дорогу.

– Почему ты не спрашиваешь, что он пишет? – нетерпеливо поинтересовалась я.

Антон, не поворачиваясь ко мне, убрал одну руку с руля и приложил указательный палец к моим губам. Я попыталась поймать его палец зубами, но не успела.

– И что это значит? – не поняла я.

– Не говори глупости, – ответил он. – Твой талант выводить из себя просыпается тогда, когда ты сама этого не ожидаешь. Внезапно.

Я обиженно покосилась на своего теперь уже парня, понимая, что поиграть с ним не удалось, и вновь ловя себя на мысли, что хочу дотронуться до него.

Неужели он действительно любит меня? И это не сказка?

Но почему вместо эйфории появилась отстраненность? И мне снова кажется, что я падаю, держа его за руку.

Или лечу вверх?

Нет, это правда. Он – со мной. Но что теперь делать?

Как быть с исполнившейся мечтой? Создавать новую? Или учиться жить по-новому?

А может, и то, и другое?

Флер сказочности испарился, и я вдруг точно поняла, что происходящее со мной здесь и сейчас – неоспоримая реальность. И мне вдруг стало страшно.

– Я же знаю, что ты переписывалась не со своим фотографом, – насмешливо говорил

Антон в это время, не подозревая, что со мной происходит. – Если бы это был он, ты была бы другой, Катя. Задумчивой. Без радости в глазах. И печатала бы медленно и...

Он, повернувшись ко мне, замолчал. словно действительно научился читать по моему лицу.

– Что-то не так?

– Что? – не сразу поняла я. – Н-нет, все хорошо.

– Жалеешь? – вдруг резко спросил Антон. Я уловила отчаяние в его голосе.

Он остановил машину, плавно съехав на обочину. В стороне, за полем, блестела река, широкая и неспешная, в которой отражались обманчиво тяжелые облака.

– Ты чего? – удивленно спросила я, видя, как Антон отпускает руль.

– Жалеешь? – повторил он свой странный вопрос, повернувшись ко мне. Вместо ответа я развернулась, решительно обняла его за шею и требовательно поцеловала, не мимолетным касанием губ к губам, а с неожиданным даже для себя напором, не в силах больше сдерживаться.

Антон, не понимая меня, сначала почти не отвечал на поцелуи, разрешая играть с ним и легонько поглаживая меня по распущенным волосам, но в какой-то момент не выдержал. Он больше не хотел отдавать инициативу и с неожиданной силой прижимал меня к себе.

...это действительно какой-то наркотик.

И что, ты хочешь быть зависимой от него? А если Кейтон решит поиграть с тобой еще в какую-нибудь интересную игру?

Нет, теперь я буду все решать.

И, отстранившись от Антона, я вышла из автомобиля и с удовольствием вдохнула полевой горячий воздух, пропитанный пышным ароматом разнотравья. Ромашки, колокольчики, иван-чай, душица, неизвестные мне луговые цветы – казалось, они плывут по зеленой травяной реке, впадающей в реку серо-голубую, водную.

Откуда-то налетел порыв теплого ветра и игриво взметнул легкий подол голубого, до колен, летнего сарафана на тонких лямках.

Антон следом за мной вышел из машины.

– Как мне тебя понимать? – прошептал он, взяв пальцами за подбородок и глядя в глаза – взгляд его был блестящим, почти лихорадочным. А хриплый шепот тонул в бескрайнем ясном небе.

Я лишь улыбнулась в ответ.

– Скажи «да» или «нет», – потребовал он все тем же странным шепотом.

– А ты разве не почувствовал?

– А теперь у тебя получается меня доводить, детка, – признал Антон.

– Потому что я не планировала этого, – улыбнулась я, обводя пальцем треугольный вырез его футболки. Парень поймал меня за запястья – сначала одну руку, рисующую узоры на его груди, затем вторую, приподнял на уровень плеч и, легонько удерживая меня, повторил:

– Что не так, Катя? Ты резко изменилась в машине. Лицо стало растерянным. Нет, потерянным.

– Может быть, мне правда, Максим написал? – слабым голосом пошутила я. – Я ведь...

– Катя! – закричал Антон неожиданно громко.

– Если бы я жалела, я бы тебя не целовала! – ответила я, подняв взгляд. – Совсем глупый.

– Но что тогда? – спросил он почти сердито. – Я опять что-то сделал не так? Катя, я могу делать что-то не то и не замечать, говори мне про это, иначе я не пойму. Понимаешь?

Если я тебя обидел, скажи мне, укажи на ошибку.

– Антош, – я осторожно высвободила запястья из его ладоней. – Дело не в том, сожалею я или нет. Это растерянность. Я люблю тебя, чего таить. И когда ты рядом, мне кажется, что я лечу. Голова даже кружится. До сих пор, – с печальной улыбкой призналась я.

Наши руки опустились вниз, а пальцы переплелись. Антон, не мигая, смотрел на меня, внимая каждому слову.

– Я только сейчас осознала, что это не сказка, не сон, – продолжала я. – И я не знаю, как быть. Что делать, чтобы мы оба были счастливы. Я не могу привыкнуть к той мысли, что мы – вместе. Я тебя очень люблю, – повторила я, ничуть не стесняясь этих слов, – но боюсь.

– Меня? – нахмурился он и сильнее сжал мои пальцы.

Я помотала головой.

– Боюсь, что все это окажется неправдой – ведь ты можешь, сам того не понимая, лгать самому себе в своих чувствах. Боюсь, что я с чем-то не справлюсь. Боюсь, что ты уедешь и...

– Я могу не уезжать! – живо возразил Антон.

– Нет, это решено, ты уедешь. Сейчас я прихожу в себя после исполнения своей мечты, – опустила я голову. – Не хочу тебя никому отдавать, но я в растерянности от происходящего. Не знаю, как вести себя дальше. Как принять свою любовь. Раньше я думала, что полюблю кого-то, не связанного с миром искусства – обычного хорошего человека. Мы будем нормальной парой. Я буду ждать его после работы и готовить ужин, – тут я все же нервно хмыкнула, потому что готовка пока что не была моей сильной стороной, – а после мы вместе станем смотреть телевизор, или пойдем гулять, или будем разговаривать обо всем на свете. А ты совсем не такой – ты музыкант с толпами фанатов, признанием, талантом. И я... такая обычная я, пробудившаяся ото сна. Все это пугает меня и заставляет думать – что же будет дальше. Еще сегодня ночью я думала о тебе и плакала. А сегодня днем я могу целовать тебя, сколько хочу. Но я не жалею, – в моем голосе появилась твердость. – Я просто запуталась.

– Понял, – коротко сказал он, не споря и ничего не доказывая. Лишь спросил:

– Не против пойти к воде?

Я покачала головой, и он, держа меня за руку, повел по тропинке, протоптанной через поле, к реке. Весь этот короткий путь мы проделали в тишине.

Пологий берег встретил нас прохладой, которой так не хватало в этот жаркий день. От солнца мы спрятались под тенью раскидистой березы.

– Я выслушал тебя, Катя, и понял. А теперь ты выслушай меня, хорошо? – мягким голосом начал Антон – такой у него был только тогда, когда он играл роль хорошего мальчика. – Я тоже боюсь. Но больше всего я боюсь, что ты пожелаала о своем выборе. Боюсь, что ты решишь оставить меня. Захочешь сбежать. – Он усмехнулся невесело, глядя куда-то в небо. – Я понимаю, что со мной у тебя будут проблемы. Я не смогу быть рядом с тобой постоянно. Не смогу подарить ту размеренную жизнь, о которой ты мечтала. И ты ведь знаешь, что я тот еще убудок. Нелегкий характер. Перепады настроения, нервы. Я ревнивый. Люблю, когда делают то, что хочу. Но когда я с тобой, хочу делать то, что любишь ты. Понимаешь? Пусть звучит попсо́во, но для тебя я хочу быть нежным. Я умею быть нежным. Мне нравится быть нежным. Только кому это надо? Кто это видел? Тебе. Ты, – сам себе ответил он.

Обе его ладони оказались на моих щеках, пылающих от его слов.

– Я хочу быть хорошим для тебя, Катя. Хочу, чтобы со мною ты стала счастливой. Знаешь, что я ценю в тебе больше всего? – неожиданно спросил парень.

– Мой чудесный характер? – попыталась пошутить я, просовывая палец в петлю для ремня его джинсов.

– То, что ты принимаешь меня таким, какой я есть. И тот, кто я есть на самом деле, сделает для тебя все, что может. А могу я много, – добавил Антон. – И я буду стараться, потому что знаю, как виноват перед тобой, моя девочка. Не бойся, у нас все получится. Если я не буду знать, что делать, ты мне подскажешь. Если не будешь знать ты – подскажу я. Договорились?

Я кивнула. А он вдруг признался, глядя на реку:

– Не замечал раньше, как отражается небо в воде.

Как я – в тебе.

От его слов стало легче, и реальность воспринималась уже куда с меньшим страхом.

Мы нашли спуск к реке, и Антон тотчас снял обувь, закатал по колено джинсы и зашел в воду с явным наслаждением.

– Ну как, теплая? – спросила я, стоя на берегу.

– Теплая. Иди ко мне, – позвал он меня, и я последовала его примеру: сняла босоножки и осторожно ступила в воду, нагретую солнцем. Дно оказалось приятное, песчаное, а река холодила разгоряченную жарой и пылкими поцелуями кожу. Антон протянул руку и повел меня туда, где было чуть глубже. Сначала воды было по щиколотку, затем по середину икры, потом почти по колено. Я приподняла сарафан, чтобы не намочить подол.

– Дальше я не пойду, – предупредила я Кея, оглянувшись и увидев, что мы довольно прилично отошли от берега – река была широка и углублялась постепенно. Я с опаской посмотрела на воду.

– Не бойся, – сказал Тропинин, уловив мои чувства. В отличие от меня он был безмятежно спокоен. – Ничего не случится. А если и так – я хорошо плаваю.

Он обнял меня одной рукой и вдруг поцеловал, откинув назад мои волосы.

Поцелуй в реке окончательно привел меня в чувство, и реальность перестала пугать.

На берегу, под сенью деревьев, Антон нашел поваленный ствол старого дерева. Сидя на нем и глядя на воду, мы смеялись, разговаривали о пустяках и изредка, урывками, целовались. Между нами то и дело вспыхивали первые искры того особого волшебства, которое бывает лишь в душах влюбленных.

Мы не скоро покинули это место.

Думала ли я тогда, когда мы в прошлый раз сидели у реки, что смогу вот так запросто разговаривать с этим человеком, обнимать его, целовать, смеяться вместе с ним? Нет, конечно, нет. Тогда это были просто смутные фантазии, которые вдребезги разбило появление Лесковой, но стоило мне запретить думать об Антоне, как мечта воплотилась в реальность.

И тогда я поняла важную вещь. За мечту не стоит платить. За нее нужно бороться.

– Чего мы так медленно плетемся? – полюбопытствовала я уже на въезде в город, обратив внимание, что нас все обгоняют.

– Ты просила не гнать, – отозвался парень. – Помнишь?

– Я просила не гнать больше ста пятидесяти километров в час! – я даже возмутилась от подобной наглости. – А ты едва тридцать выжимаешь! Антон, ты вообще странный.

– Это шутка, – как ребенку, объяснил мне светловолосый водитель, глаза которого искрились плутовским смехом. – Я так шучу.

– Невероятные шутки, Антон, – с улыбкой покачала я головой.

– Их мало кто понимает, – мрачно отозвался парень.

– Антон, а зачем ты тогда так надо мной издевался? – вдруг спросила я, вспомнив, как однажды Кей устроил мне скоростную прогулку на этой самой машине.

– Я хотел показать тебе две вещи, – серьезно отвечал Тропинин. – Экстаз от скорости и скверный характер Кея. Это был стандарт, – вдруг весело добавил, но, поняв, что сказал лишнее, замолчал.

– Стандарт игры? – рассмеялась я. Теперь о его игре было легко говорить. – То есть ты всегда действовал по схеме?

– Импровизировал, – сквозь зубы ответил Кей. Теперь эта тема не была приятна ему. – Не злись. Пожалуйста.

– Не злюсь. Мой дом находится в другой части города, – подсказала я ему, видя, что Антон сворачивает не туда.

– Прости, я не могу отпустить тебя домой, малышка, – сообщили мне. – Потом поужинаем в хорошем местечке. А потом, так и быть, я разрешу тебе попасть домой.

– Разрешешь? – подняла я бровь.

– Дай мне побыть тираном, – не самым радостным голосом попросил Кей. – Это моя лучшая роль.

– О, боже, Антон. Твоя лучшая роль – это ты сам.

Мои пальцы вновь потянулись к его плечу. Тропинин увидел это и довольно улыбнулся. Он знал, что я тянусь к нему, и это ему нравилось. Прикосновения, даже самые незначительные, порой были для него куда дороже слов.

Как Тропинин и сказал, сначала мы заехали к нему домой. Я осталась ждать в машине, а он сам, сказав, что вернется через четверть часа, не опоздал ни на минуту, что меня несколько удивило.

Антон переоделся в синюю, идеально облегающую плечи и торс футболку поло, из-под которой торчал кожаный ремень, серые джинсы и кроссовки. Хотя эта одежда смотрелась и просто, но и невооруженным глазом было видно, что ее хозяин не обделен ни вкусом, ни достатком. Все же этот человек умел подать себя, возможно даже не осознавая этого.

– Ты быстро, – улыбнулась я ему.

– Я же сказал, что буду через пятнадцать минут, раз ты не хочешь идти со мной, – ответил он.

– А когда я говорю, что буду через пятнадцать минут, я имею в виду, что буду примерно через пятнадцать минут, а может и больше, – задумчиво проговорила я.

– Я помню, – мило улыбнулся мне парень. – Я ждал тебя много часов около твоего дома, детка.

– Тогда ты это заслужил, – твердо сказала я.

– Не спорю, – пристегнулся он. – Поехали, зайка?

– Поехали, лисенок.

– Почему лисенок? – рассмеялся Антон.

– Потому что хитрый. Пытаешься задобрить меня ресторанами, – нахмурилась я. Он рассмеялся еще веселее.

– Нет, я просто хочу есть. Думаю, ты тоже. Задабривать я тебя буду потом и по-другому. Хотя, зная твое отношение к подаркам, лучше этого не делать. Весь мозг сломаешь мне, детка, – не удержался Тропинин от шутки. – Ладно-ладно, не смотри на меня так укоризненно. Хотя, нет, – изменил он свое решение почти мгновенно. – Лучше смотри на

меня. Смотри всегда. – Жест «я слежу за тобой» в исполнении Кейтона выглядел очень забавным.

Я все-таки заставила его заехать ко мне домой – нужно было положить вещи и переодеться. Дома был только старший брат, который внимательно посмотрел на меня, спросил, все ли в порядке, и вновь скрылся в своей комнате.

Место для ужина Антон выбрал довольно примечательное – плавающий прогулочный теплоход-ресторан. Вечерами теплоход неспешно рассекал воды реки, делящей город на две части: блестящий, лощеный, вальяжно покачивающийся на волнах, с панорамными окнами и двумя палубами.

На борту его находились два банкетных зала и комфортабельный ресторан с романтическим названием «Ветер и звезды», в котором Антон заранее забронировал столик. Он располагался на верхней открытой палубе, и, ужиная, можно было наслаждаться видами вечерних старинных улиц, деловых кварталов и загородной природы.

Администратор проводила нас к нашему столику неподалеку от бортика, и мы сели друг напротив друга. В серых глазах молодого человека была несвойственная ему серьезность, которая была присуща Антону, но тараканы Кея не дремали – возможно, они посылали мне сигналы в виде фейерверков, серебряные искры которых я, кажется, видела в его радужках.

Он смотрел на меня, не отрывая взгляда. А я улыбнулась, чувствуя себя неловко – впервые очутилась в таком дорогом пафосном местечке. Я была простой – без лабутенов, клатчей, дорогих украшений, грамотного мейкапа и модного маленького платья из личной гардеробной комнаты. Без холодного беспристрастного блеска в глазах, безупречного маникюра и карточки с круглой суммой. Девушки вокруг были именно такими – шикарными, недоступными, похожими на манерную Алину или на мою Ниночку, когда та примеряла на себя образ гламурной богатой девы из высшего общества. От них пахло дорогими духами и за версту несло холодом.

А я... Я была другой. Доверчивой, наивной, еще не повзрослевшей, желающей любви и нежности и мечтающей коснуться облаков. Как и Тропинин, я была одета в темные джинсы, белую простую майку без рукавов и незаменимые кеды. Только вот он смотрелся дорого, с долей небрежности, неброско, но с тем самым изысканным шиком, который доступен далеко не каждому. Я же – просто.

Возможно, дело было не в одежде, а в умении подать себя. Во взгляде. В развороте плеч. Жестах, походке, голосе. Мироощущении.

Смогу ли я соответствовать этому человеку?

Понимает ли сам Антон, что я из другого круга? Что я не могу стать ему Алиной, что не умею быть королевой – я лишь лесная принцесса, Рапунцель, заточенная в башне и оставленная собственной матерью.

Играла чудесная ненавязчивая музыка, кажется, это было что-то из Йохансена, современного композитора, которого я любила за возвышенность и поэтичность. Теплоход неспешно отошел от причала и неспешно рассекал реку, двигаясь прямо к закату, мимо окрашенного розовым и золотым акрилом неба.

Я находилась рядом с человеком, которого любила всем сердцем, и, кажется, все закончилось, но... Но безрадостные мысли не покидали меня.

Потому что все только еще начинается.

– Тебе нравится здесь, Катя? – спросил Антон после того, как удалился учтивый

официант в униформе, принявший у нас заказ. Он посмотрел на наручные часы, явно брендовые, с текстильным широким ремнем и стальным корпусом.

– Да, нравится, – кивнула я медленно.

– Я выбрал не то место? – вдруг, поняв, спросил Антон. – Я хотел выбрать лучшее. Для тебя – лучшее. Раз тебе достался не лучший парень, – горько усмехнулся он, и я слабо улыбнулась. На какое-то время мы замолчали.

– Почему я? – вырвалось вдруг у меня. Этот вопрос мучил, почти душил.

– Что – ты? – не понял Антон.

– Почему ты выбрал меня? Потому что я – хорошая девочка? Одна-единственная, кто не повелась на Кея, а выбрала простого парня? – спросила я вдруг, уцепившись пальцами за край короткой скатерти. – А может быть... ты – жалеешь?

– Что за вопросы? – нахмурился он. Глядя на его лицо, мне хотелось улыбаться от переполняющей меня нежности, но откуда я знала, что нежность бывает болезненной? И чувства бывают болезненными. Только вот они были легки и прекрасны, как летнее высокое небо над горами, но что-то случилось и они превратились в лотос, который вязнет в болоте сомнений и страха.

– Просто ответь мне. Ответь честно, Антон.

– Теперь я буду всегда с тобой честен, Катя, – он протянул руку и заправил за ухо прядь волос, с которой играл ветерок. – Я выбрал тебя, потому что ты – мой человек.

– И как ты это понял? – сглотнув, спросила я.

– Не знаю, – честно признался он. – Не то, чтобы я тормоз, но я понял это не сразу. Прости меня за это. И жалеть я точно не буду. Жалеть не должна ты.

Музыка изменилась, стала романтично-обещающей. А люди... Люди не обращали на это внимания, занятые своими разговорами, смеясь и открывая шампанское. Сидевшая неподалеку от нас девушка – высокая брюнетка с модельной внешностью и совершенно отстраненным лицом, очаровывала мужчину лет сорока в деловом костюме. За соседним столом что-то праздновали мужчины в годах, заказывая дорогой алкоголь.

– У меня есть для тебя подарок, – сказал вдруг Антон и неожиданно поставил на стол маленькую симпатичную сиреневую коробочку.

– Какой? – почти в ужасе спросила я. Наверняка это что-то дорогое, и мне вновь будет неловко. – Антон, если это что-то вроде тех конфет в золотой фольге, то просто забери назад.

– Нет, это всего лишь сувенир, детка, – улыбнулся он радостно и сам себя одернул. – Да-да, я забываю и говорю на автомате. – Кей обезоруживающе поднял ладони, словно говоря: «Прости, я не виноват».

Я только головой покачала.

– Открой, – подвинул он коробочку ближе ко мне. Я с некоторой опаской открыла ее и вдруг улыбнулась: в атласе лежал прелестный серебряный кулон в виде легкого изящного стилизованного ключа с тонким стержнем, сложной бороздкой и искристым розовым камнем посередине.

– Как красиво, – искренне сказала я, осторожно вытаскивая из атласа это чудо. – Ключ от волшебного замка, не иначе.

Моя реакция нравилась Кейтону. Кажется, он почти наслаждался тем, с каким интересом я верчу его подарок в руках.

– Что за страсть к ключам? – полюбопытствовала я, со всех сторон осматривая это чудо.

Определенно, кулон нравился мне.

– Я – ключ, – откинулся он на высокую спинку стула.

– А я, что, твой брелок? Помнится, ты его мне дарил, – мрачно поинтересовалась я, и Тропинин рассмеялся.

– Нет. Но брелок отличное дополнение к ключу. Катя, это глупость, но я хочу, чтобы ты знала – ключ от того, кто сидит напротив тебя, в твоих руках. Ты – мой замок.

Красивый светловолосый молодой человек напротив не был похож на молчаливого университетского Антона, не казался больше самодовольным наглецом Кеем с замашками владыки мира. Он совмещал качества обоих этих людей, но было в нем и что-то новое, непонятное, неизведанное, еще не открытое мной.

Кто же он на самом деле?

– Кем ты сейчас пытаешься быть? – спросила я ни с того ни с сего, глядя на черную густую воду, в которой не отражалось небо – только безликие огни большого города.

Антон внимательно посмотрел на меня, аккуратно отложил в сторону столовые приборы и скрестил пальцы – те самые, так называемые музыкальные, длинные, тонкие, ровные... Я почему-то подумала мимоходом, что наверняка он смог бы легко обхватить на фортепиано куда больше октавы – восьми клавиш.

– Самим собой? – продолжала я.

– Я не знаю, – было мне ответом.

Так я поняла, что совсем почти ничего не знаю об этом человеке. Что наши отношения только начинаются.

Если, конечно, они вообще возможны.

Вернулся официант, с улыбкой расставив блюда с легкими салатами, закусками и бокалы – мне для клубничного лимонада с мятой, Антону – для простой ледяной воды.

– Спасибо, – вдруг сказал он глухим голосом, когда официант, пожелав приятного аппетита, отошел.

Что же за качели у нас обоих? Теплоход плывет ровно, и волн почти нет, но в наших душах настоящая качка – после шторма.

– За что?

– За то, что вытаскиваешь меня. Смеешься. Радуетесь этой безделушке. Даришь эмоции. Знаешь, когда... Когда я играл с тобой, – все же смог сказать он прямо, – пытался заставить тебя сделать выбор, я по-своему, но был счастлив. Когда ты посылала Кея к черту, когда брала Антона за руку, когда злилась из-за телефонных розыгрышей. Я никогда столько не смеялся и никогда так не ждал наших встреч. После Алины и череды всех тех девушек во мне словно что-то сломалось, и я мог наслаждаться только музыкой, но не человеческими отношениями. Долго бежал от всего этого. Не признавал, что мне кто-то нужен, хотя все мои игры были, скорее, играми не с другими, а с самим собой. Тот, кого ты знаешь, как Антона, пытался доказать тому, кто известен тебе, как Кей, одну простую вещь. Что еще не все потеряно. И что и я могу быть достойным чего-то большего, чем жадность.

– Жадность? – повторила я удивленно.

– Жадность до моих денег, славы, тела, – ухмыльнулся он и потер лицо руками.

– Что же ты сделал с собой, Антон? – спросил я вдруг печально.

– Все в порядке. Теперь все должно быть в порядке.

Ели мы молча. И стало чуть легче. Мы обменивались не словами, а взглядами, улыбками, прикосновениями. И стало не важно, что это место мне не подходит.

– Не попадает в ноты, – заметил через какое-то время Тропинин. Говорил он о пианисте, что развлекал изысканную публику этим вечером.

– Ты умеешь играть на фортепиано? – улыбнулась я. Сложно было представить Кейтона, чинно сидящего за фортепиано, а не стоящего напротив микрофона с гитарой в руках перед беснующейся толпой.

– А почему я должен не уметь? – вопросом на вопрос ответил он. – Я музыкант. Возможно, я кажусь тебе беспечным рок-стар с толпами фанаток и неадекватными поклонниками, который только и делает, что зависает в клубах и догоняется, но я много работал над собой. Да, мне легче, чем другим, даются вокал и игра на инструментах, но я много трудился, Катя, – с какой-то даже горечью поведал парень. Кажется, он не хотел, чтобы я считала его звездным бездельником. – К тому же у меня абсолютный слух, – добавил он с киевскими интонациями. – Ловлю разницу в восьмую тона.

– Наверное, тебе нелегко, да? – недовольно поглядев на проходящую мимо девушку, которая засмотрелась на Тропинина, спросила я.

– В повседневной жизни это больше мешает, чем помогает, – не заметил он подвоха в моем вопросе.

– Бедняжечка, – склонила я голову набок. – Бремя гениального музыканта.

Мою шутку не оценили, и я осталась довольна.

Когда нам, вернее, мне подали граните – итальянский десерт, похожий на дробленый фруктовый лед, мой телефон, лежащий на столе рядом с навороченным смартфоном Антона, завибрировал.

– Это Нина, – взглянула я на экран. Антон только кивнул, поняв, что я хочу ответить на звонок.

Не успела я поднести мобильник к уху, как услышала родной голос подруги, оглушительно громкий и не особо приятный. О том, что я на свидании с Антоном, подруга уже знала – я написала ей об этом в сообщении. В ответ подруга обругала его, как дворняжку, подозреваю, ему она была куда более рада, чем Максиму – моей первой любви, с легкостью разбившей мне сердце на тысячи осколков. Я лишь недавно склеила его заново.

– Что, Радова, весело тебе там? – осведомилась трубка. – Извела блонди? Помни: твоя задача – оттроллить этого недоноска так, чтобы он плакал теми местами, которыми плакать человек в принципе не может.

– Это какими? – уточнила я. Антон весело поглядывал на меня.

– Детородными, – весело отозвалась подруга.

– Нина!

– Что Нина? – возмутилась Журавль, которая, судя по шебуршанию в трубке, разворачивала что-то съестное. – Радова, он скот, каких еще поискать. Его нужно проучить! Сотня бородатых уродов! – воскликнула она залихватски, как пират. – Жалко, я еще не в городе!

Хоть говорила Ниночка громко и уверенно, но мне казалось, с ней что-то не так. И я даже знала, что.

Во всем виноват был друг Кея – синеволосый барабанщик с развязной улыбкой и манерами, далекими от джентльменских. Он стал для Ниночки кем-то более значимым, чем кто-либо из многочисленной армии ее поклонников. А кто в здравом уме и твердой памяти не клюнет на эффектную современную девушку со внешностью ангела? Несмотря на свой несносный характер и тотальную нелюбовь к человечеству, Журавль была красива и умела

обаять людей, ну а также наврать им с три короба и легко развести. Келла оказался не таким. Более того, решил развести ее сам. В итоге эти двое разругались и расстались. По сухому, как раскаленная пустыня, уверению подруги, – навсегда.

– Передай, что я его ненавижу, – сообщила скучным голосом Нинка. – Хотя нет, стой, – спохватилась она. – Он же пыль. Кто в своем уме ненавидит пыль и вообще обращает на нее внимание? Пыль стирают. Передай ему, что я сотру его с лица земли. – В голосе подруги прорезались воистину демонические нотки.

– Хорошо, передам, – согласилась я. – Как ты?

– Как хрен, – никогда не страдала любовью к изящной словесности Нинка.

– Это как? – заинтересовалась я.

– Хрен – король тени, – мрачно заявила Журавль. – А я сейчас сижу в чертовой тени! Обгорела. И хочу домой. Я столько тусовок пропустила уже! А тут еще эта старая крыса Эльза Власовна опять собирает всех моих тошнотворных родственничков в своем логове. Наверняка завещание будет писать.

– Только не говори, что ты до сих пор думаешь о ее наследстве! – в ужасе воскликнула я.

– Как я не могу не думать о таких бабках, Катька? Это ты у нас в облаках витаешь. Такие, как ты, жизнь заканчивают, слоняясь по улице с коробкой вместо дома. А я хочу жить достойно. Достойно моего уровня, разумеется, – всегда была высокого мнения о себе Ниночка. – Да-да, папочка, – повысила она голос. – Иду! Минутку! Отец мой свирепствует, – поведала она мне печально. Слово отец она произносила очень забавно, с ударением на «о». – Узнал вчера, что его деловой партнер, тот еще придурок, скажу я, купил себе на Лазурном берегу недвижимость. А у нас ее нет, – хмыкнула она. – Теперь папочка изволит гневаться, а мы все огребаем. Да-да, папа! – крикнула она вновь и вздохнула. – Я пойду. Скоро приеду. И смотри мне...

Что я должна была смотреть, я так и не узнала – связь оборвалась.

Все это время Антон смотрел на меня, почти не мигая, с самым серьезным выражением лица.

– Что? – не поняла я, кладя мобильник на стол рядом с бокалом с соком.

– Ты красивая, – сообщил он мне, кажется, совершенно не к месту. Я инстинктивно ждала, что сейчас Тропинин в лучших традициях Кея как-то изощренно пошутит, будет смеяться и гадко ухмыляться, но ничего такого не произошло.

Я нервно рассмеялась, прижав на мгновение обе ладони ко лбу.

– Кажется, я еще не привыкла.

– К чему?

– К тому, что ты можешь быть, – я замолчала, подбирая осторожно нужное слов, – нормальным.

– А я ненормальный, – вдруг улыбнулся Антон мне криво и иронично. – Ты готова быть с таким, как я, ненормальным?

– А что мне остается? – я протянула руку и коснулась его щеки. Мимолетное прикосновение – и... Нет, не ток прошелся по телу, и голова не закружилась, охваченная умопомрачительным вихрем чувств, и не захотелось падать вечность, обняв Антона...

Я просто вдруг поняла, что все сделала правильно.

Глупое чувство, не так ли?

Но я точно знала, что сейчас я тут на своем месте и со *своим* человеком.

И мне это нравилось.

Я забыла обо всем и поняла, что замерзла, только тогда, когда внимательный официант выдал мне слабо пахнувший лавандой клетчатый плед, который я накинула на плечи. Кей от пледа отказался – кажется, ночная прохлада реки не доставляла ему никакого дискомфорта. Лишь успокаивала и дарила умиротворение.

– Ты никогда не мерзнешь? – спросила я его в шутку. Мои руки замерзли, и я грелась о белоснежную кофейную чашку. Он отрицательно покачал головой и в знак доказательства протянул свою руку и взял мою ладонь в свою.

Дымка знакомого чувства накрыла меня с головой. Какие у него все же странные руки – я заметила это давно, когда впервые наши пальцы соприкоснулись. Не холодные, но и не горячие. Совершенно обыкновенные, с выступающими костяшками и широким крепким запястьем. Надежным.

– А ты помнишь, когда я впервые взяла тебя за руку? – чуть лукаво спросила я, наслаждаясь и шумом никогда не спящей реки, и рассыпавшимися на черном непрозрачном пластике ночного неба звездами-стразами, и нашей странной близостью, и блеском в его глазах, которые сейчас казались темно-серыми, и даже своим чуть учащенным сердцебиением.

– Клуб, – быстро ответил он. – Когда тебя понесло в эпицентр драки.

– А вот и нет, – отвечала я, широко улыбаясь. Голос мой был почти торжественным. – Я взяла тебе за руку у нас дома. В тот день, когда ты делал вид, что чуть не попал под машину!

Кажется, Тропинин едва сдержался от смеха.

– Ах да, машина. Ты сама это решила, Катя, – вполне корректно напомнил он мягким, обволакивающим голосом.

Я была слишком наивной.

И сейчас недалеко ушла. Хватит таять от его голоса и взгляда.

Как бы я не пыталась – не получалось.

Еще часа полтора мы просто сидели и разговаривали. Обо всем. О моих мечтах и его планах. О прошлом, о будущем. О наших жизнях, которые вдруг переплелись. Просто так общаться с Антоном оказалось довольно комфортно – глупым он не был, и беседу умел поддержать на уровне, к тому же умел слушать, как тот самый мой невзрачный одноклассник-одиночка в очках и в бесформенной одежде. Изредка, правда, в нем просыпалось что-то от надменного Кея – упрямство или сарказм, и, честно говоря, это было довольно забавно.

Все шло хорошо ровно до того момента, как мы не отправились на прогулку по открытой верхней палубе. Сначала я встретила старого знакомого, что, честно говоря, не очень обрадовало Антона, но меня изрядно позабавило.

На верхнюю палубу из отдельно арендованного банкетного зала, где праздновался с размахом чей-то день рождения, вышла толпа гостей – преимущественно женщин среднего возраста в дорогих платьях, обильно украшенных и в меру нетрезвых, а потому очень радостных. Кажется, почтенные дамы решили вспомнить молодость, были веселы и много смеялись, на ходу опустошая бокалы. Одну из них, невысокую и подвижную, сопровождал симпатичный молодой человек весьма приятной внешности, которого легко можно было принять за ее сына. Однако я точно знала, что никаких родственных отношений между ними нет – это был Влад, тот самый парень с кукольной холодной внешностью, которого Нинка нанимала в специальном агентстве для моего сопровождения на день рождения дочки нашего любимого бессменного мэра. Он был не только хорош на лицо, но и оказался весьма

эрудированным и приятным в общении. Этот Влад умел, кажется, подстраиваться под любого человека, потому что даже капризной Нинке умудрился понравиться. По крайней мере, она осталась вполне довольна его услугами.

Влад тоже заметил меня и поприветствовал вежливым кивком головы, не отпуская локоток своей взрослой спутницы. Выглядел он отлично и вполне вписывался в светскую тусовку: высокий, стильный, интеллигентный, умеющий себя подать. На нем был графитно-серый жилет, а пиджак покоился на плечах его замерзшей, видимо, спутницы.

Он улыбался и внимательно слушал, что говорит очередная клиентка. Только лицо его оставалось все таким же равнодушным, а глаза – холодными и безразличными.

Я довольно искренне улыбнулась Владу – несмотря на выбранную им профессию, о причинах которой во время нашего не слишком длинного знакомства я не поинтересовалась, он вызвал во мне симпатию и, кажется, на какой-то миг его кукольно-фарфоровая маска потрескалась и я увидела живого человека.

– Кто это? – одарил Влада весьма нелестным взглядом Тропинин. Честно говоря, они были одного типажа – я бессознательно выбрала человека, похожего на него.

– Знакомый, – улыбнулась я. Так мало времени прошло с тех событий в особняке мэра, а кажется, минула целая вечность.

Влад вернул мне улыбку. Его серые глаза задержались на Кее, и тот не стал отводить взгляд – это было не в привычках Тропинина. В тяжести взора он, конечно, выигрывал. Было что-то в нем угрожающее и довольно-таки собственническое, что меня не только порадовало, но и посмешило. Его ладонь, покоящаяся на моем плече, чуть сильнее сжала его. Какой он все-таки ревнивый. Не скажу, что ревность – это здорово, ведь это вопрос веры второй половинке, но в умеренных количествах она не может не вызывать умиления.

Влад, кажется, усмехнулся и первым прервал странный зрительный контакт, склонившись к уху женщины, которая что-то сказала ему.

– Я вспомнил, – не слишком приятным тоном произнес Антон. – Он был с тобой и Демоницей на той вечеринке, куда мы были приглашены. И мне он не нравится. Кто он тебе?

– Так, Нинкин знакомый, – не стала вдаваться я в подробности нашего знакомства.

– Даже ей лучше не иметь таких знакомых. Альфонс, – вынес суровый вердикт Тропинин.

– Почему ты так решил, Антош? – удивилась я. Отчасти парень прав.

– Кто еще будет крутиться вокруг богатой женщины, у которой трое детей его возраста, – отозвался он и, видя мой непонимающий взгляд, пояснил: – Она из тусовки матери. Вдова. Наследница большого и очень прибыльного бизнеса. Мать одно время хотела, чтобы я общался с ее старшей дочерью, – усмехнулся он, видимо, что-то вспомнив.

Теперь уже меня кольнула ревность – очень осторожно, тонкой серебряной иголкой.

– И что, вы общались?

Тут Тропинин весело рассмеялся.

– Обошлось. Она никогда не нравилась мне, а я – ей. Впрочем, – добавил он, – ей не нравился не только я, но и вообще все мужчины.

– Скажи, а твоя мама... – несмело начала я.

– Что – моя мама?

– Она не будет против наших отношений? – все же задала я волнующий вопрос и хмыкнула. – Я-то не наследница прибыльного бизнеса.

– Мне все равно, против она будет или за, – отрезал бескомпромиссно блондин. – Не

думай о глупостях. Думай обо мне, – добавил он. – Я думаю о тебе и хочу, чтобы это было взаимно. Я, знаешь ли, эгоист.

Мы зашагали дальше.

– Смотри, как похож на солиста НК! – вдруг раздалось неподалеку. Я резко повернулась, а вот Антон, хвала ему и его выдержке, даже бровью не повел. На нас смотрели три юных создания, которые, видимо, попали на борт элитного ресторана-теплохода вместе с родителями, а после сбежали из-под их опеки на верхнюю палубу. Созданиям было не слишком много лет, и все они выглядели довольно пристойно для поклонников творчества рок-группы «На краю», популярность которой, кажется, росла в геометрической прогрессии. Впрочем, у одного создания был прокол нос, а второе имело выбритый висок. Вполне возможно, что эти детки, как и Нинка, вечерами облачаются в совершенно другую одежду и бегают по концертам и клубам, в которых тусуются любители тяжелой музыки.

– Да ну, это не он. Это мажор какой-то.

Губы Антона тронула легкая улыбочка.

– Но похож же!

– В их официальной группе писали, что парни уже в Москве, – возразили в ответ. – Готовятся к выступлению.

Кто-то, может, и готовится, а кто-то сидит в родном городе, не желая расставаться со мной.

– Я попаду на это шоу, – гордо возвестило одно из созданий. – Билеты уже при мне. В фан-зону.

И ребята удалились прочь.

Я с задорной улыбкой взглянула на Антона, которому разговор не слишком понравился.

– Значит, к выступлению готовишься? – поинтересовалась я ангельским голосом.

– Чертовы фанаты, – проворчал он. Мне стало смешно.

Антон крепко и уже, наверное, почти привычно держал меня за руку, изредка касаясь губами моей щеки, а я смотрела на него сияющими, как подозреваю, глазами, желая, чтобы это продолжалось вечно. Казалось, мы стояли на месте, застыли друг напротив друга, и нам навстречу плыл город, обряженный в шаль из тысяч огней.

Антон вдруг взял меня за руки, слегка сжимая чуть выше запястий, притянул к себе и без предупреждения поцеловал в губы. Я замерла – не от неожиданности, а от того, как стало вдруг тепло в груди. А когда ответила на поцелуй, нежно и медленно, он вдруг отстранился на мгновение, словно пытаясь успокоиться, почти отчаянно взглянул мне в глаза, перевел жадный взгляд на мои губы и не выдержал – запустил одну руку в волосы и вновь начал целовать. Сначала мягко, а затем все более и более уверенно, с напором и...

И поцелуй закончился, не успев толком начаться – нам помешал банальный телефонный звонок. Он был таким настойчивым и долгим, что мы не смогли сопротивляться ему.

– Прости, – выдохнул Антон, нехотя выпуская меня из объятий. Он достал из кармана джинсов телефон и, сердито сдвинув брови, поднес его к уху.

– Андрей, – шепнул музыкант мне перед тем, как ответить. Я только кивнула. Менеджер группы «На краю» был не тем человеком, звонком которого можно было пренебречь.

– У тебя есть ровно минута, – весьма недовольно, со своими царскими нотками произнес парень. Судя по всему, менеджер стал вещать о каких-то весьма важных вещах, потому как Антон слушал его внимательно, однако связь на реке оказалась не слишком хорошей, да и из-за шума воды и поднявшегося ветра слышно было не очень хорошо, поэтому

Тропинин, шепнув, что сейчас вернется, спустился на нижнюю палубу.

Я осталась одна, наедине со своими мыслями и нерастроченной нежностью. Без Антона стало как-то холоднее и не так уютно, и я решила пройти вдоль открытой палубы, не желая возвращаться к крытой.

Теплоход плыл обратно. Я благодушно взирала на чистое небо, не разрешая себе думать о том, что случится, когда Антон уедет, и как будут в дальнейшем развиваться наши весьма странные отношения. И вдруг заметила неподалеку знакомую высокую женскую фигуру. Кулаки непроизвольно сжались. По палубе стремительно, гордо вздернув подбородок, шагала Алина. Меня она не замечала.

Короткое облегающее черное платье с изящно спущенными плечами, алые, в тон крохотной сумочке, туфли на высоком каблуке, броские украшения... Загорелая, умело покрашенная, уверенная, по-своему грациозная, она выглядела великолепно, но не менее противно, чем обычно.

Мы встречались с ней лишь несколько раз, но за это время я успела искренне возненавидеть ее за омерзительный характер, высокомерие и, самое главное, за больную, разрушающую любовь к Антону.

Моему Антону, прошу уточнить.

В сердце расцвела алым цветком тревога.

Я проводила Лескову прищуренным взглядом. Она спускалась вниз – туда, куда ушел Антон.

Она следит за ним? На что надеется? Хочет забрать то, что принадлежит мне?

Не получит. Не позволю ей этого сделать.

Я осторожно спустилась следом за ней на полутемную нижнюю палубу по широкой лестнице с шикарным красным ковром и блестящими гладкими перилами, но так и не преодолела последние три ступени – ноги на мгновение перестали слушаться, воздух покинул легкие, а в руках появилась едва заметная дрожь.

Я не верила происходящему. Не хотела верить. Не могла. Но...

Реальность была жестока.

– Тропинин, – омерзительный голос Алины резанул по ушам, и стоящий неподалеку высокий, с широким разворотом плеч, светловолосый парень в синей рубашке-поло обернулся. Не узнать лицо Антона я просто не могла даже вполуборот. Даже в царящей густой полутьме.

– Я скучала, – продолжила Алине. – А ты?

Кажется, он улыбнулся Лесковой. А она, подойдя к нему, по-хозяйски положила одну руку ему на плечо, а вторую – на пояс. И поцеловала.

Несколько секунд он стоял неподвижно, а после все же обнял брюнетку, как-то по-особенному нежно, почти невесомо, словно не веря.

Теперь его пальцы были в ее волосах, не в моих. И губы касались ее губ, не моих. И душа его была с ней, с этой проклятой Алиной, а обо мне забыла.

Как будто бы меня и не было никогда. И чувств моих не было. И нас двоих не было.

Ничего не было.

Лишь сон.

Я не слышала музыку, не видела и не слышала лиц проходящих мимо людей, стук их каблуков, смех и слова, не чувствовала аромат только что приготовленных блюд, не ощущала,

с какой болью впились ногти в ладони, не понимала, как легко вдруг стало в моей голове. Для меня существовали только эти двое – стоя в полутьме, под картиной в огромной раме, они упоенно целовались, не в силах оторваться друг от друга.

Я словно разделилась на двух человек.

Первая я равнодушно взидала на них, вмиг потеряв склеенное по осколкам счастье.

Все равно. Я так и знала. Любовь? Ее не существует.

А вторая взрывалась от переполняющих эмоций, от негодования, от гнева, от ярости... Просыпалась та самая Катя, которая однажды разрушила спальню Тропинина, та самая, бешеная, неуправляемая, не злая, но обиженная и жаждущая справедливости.

Он в очередной раз предал меня.

Ненавижу.

Убью.

Полутьма шептала мне: «Сделай это». Шум реки шелестел: «Он должен ответить». Взгляды людей словно смеялись надо мной и глумились: «Проглотишь?..»

И только мое сердце молчало.

С этими обрывками мыслей я вдруг взбежала вниз и схватила Антона за предплечье. Он резко повернулся ко мне.

– Не помешаю, любимый? – с этими словами я резко залепила ему звонкую пощечину. Злую пощечину. Сильную.

А потом еще одну и еще.

Я никогда никого не била, но мне почти понравилось это.

Сон ли это?..

Это не было сном. Это было жалкой реальностью, со всеми ее вытекающими последствиями.

Ладонь горела от ударов, глаза – от невыплаканных подступивших слез, душа – от обиды и злости. Но, кажется, след от пощечин на щеке парня горел куда ярче.

Тропинин с силой оттолкнул меня, и я едва не упала. Кажется, его вмиг переполнила ярость, не уступающая моей. Он смотрел в упор серыми надменными глазами, в которых играла неистовая буря, и молчал, крепко сжав челюсти. Мой поступок ошеломил его не меньше, чем меня и Лескову.

Надо было ему с ноги вмазать! И вены перегрызть на шее!

– Ты... Ты что делаешь?! – почти прорычал он. Голос его был каким-то чужим. Да и сам Антон казался странным... Или это обида застилает мне глаза?

– Понравилось? – хрипло произнесла я, не слыша его и даже саму себя. В эти страшные секунды я не могла себя контролировать, выпустив на волю другую Катрину, яростную и не нуждающуюся в объяснениях. – И как... Как тебе? Вспомнил прошлое?

Алина издала странный смешок, картинно положила ладонь на высокий открытый лоб – даже в слабом электрическом свете бриллианты на ее тонких цепких пальцах сияли ярко.

– Простое? – каким-то чужим голосом, но со старыми киевскими интонациями бросил Тропинин. Он хотел дотронуться до щеки, но нервно одернул пальцы и сжал в кулак. На меня парень глядел с неприкрытой ненавистью и отвращением. Красивые правильные черты лица словно исказились, как в кривом зеркале. Что-то в нем было не так, но что, я не могла понять, запутавшись в собственных эмоциях и обрывках бессвязных мыслей.

А дальше события развивались почти со скоростью света.

– Это же Катенька, – сквозь радостный смех произнесла Лескова. А Антон,

выругавшись, вдруг больно схватил меня за руку, притянул в себе и прошипел:

– С ума сошла, дешевка? Думаешь, я тебе это с рук спущу? – и он вдруг замахнулся на меня почти с удовольствием. – Решили поиграть со мной?

Наверное, он бы ударил меня, но его руку вовремя перехватили – знакомая широкая ладонь с длинными пальцами крепко стиснула запястье.

Перед нами стоял... Антон.

Второй Антон.

Мой Антон.

В синей футболке-поло и серых джинсах. Злой почти до безумия – его лицо было искажено гневом ничуть не меньше, чем лицо его двойника.

Воздух, кажется, похолодел.

Алина резко перестала смеяться.

И тут до глупой Кати все-таки дошло.

Не двойник.

Брат.

Брат-близнец. Кирилл. Тот самый, с которым у Антона были плохие отношения с подросткового возраста. Которого любила мать. Который стал ее гордостью. А для Антона – врагом.

Ноги у меня подкосились от осознания того, что я только что сделала.

Как же так?..

– Тронешь ее – и ты труп, – подозрительно спокойным голосом сообщил *мой* Антон. *Чужой* презрительно сощурился и нехотя отпустил меня, полностью переключившись на Кирилла. Атмосфера вокруг них словно загустела, и только что искры напряжения не летали между братьями.

– Убери руку, – прошипел Кирилл недобро.

– А то что? – с недоброй иронией поинтересовался Антон. Он оказался чуть-чуть выше и казался несколько больше, мощнее.

– Я тебя не боюсь, придурок, – невпопад и с апломбом сообщил ему близнец.

Антон отпустил его запястье, закрывая меня спиной и полностью игнорируя побледневшую Лескову. Братья обменялись откровенно злыми взглядами, словно читая мысли, и вдруг как-то одновременно схватили друг друга за воротники. Люди, проходящие мимо, одаривали их изумленными взглядами.

– А зря не боишься, – ласково прошептал Кей, встряхнув брата. – Я все еще сильнее.

– А я все еще умнее, – почти выплюнул ему в лицо близнец.

– Сомневаюсь.

– Я называю это тупостью, а не сомнениями. Ты такой же тупой, как и был. Музыкантишко, – тонна презрения ультрамариновой электрической волной обрушилась на Антона.

– Маменькин сыночек, – отвечал тот, выдерживая эту волну. И добавил непечатное выражение, которое при мне старался не употреблять.

– Все еще гредишь о мировой славе? Хочешь стать легендой рока? – издевательски спросил Кирилл, зная куда бить.

– Все еще перебиваешься подачками? – точно таким же тоном осведомился Антон, криво ухмыльнувшись.

С одной стороны, это было забавно – братья вели себя как нахохлившиеся подростки. Но

с другой – они оба балансировали на опасной грани и готовы были сцепиться прямо сейчас. Я кожей чувствовала исходящую от них обоих ненависть.

– Пош-ш-шел ты, – по-змеиному прошипел Кирилл.

– Забыл про последний раз? Я повторю, – любезно пообещал ему брат.

Искры готовы были вот-вот превратиться в слепящий сизый огонь.

Еще секунда – и они бы набили друг другу морды.

И все по моей вине.

– Антон, – несмело коснулась я его напряженной спины, и он тотчас оглянулся. –

Пожалуйста, успокойся.

Ледяной взгляд прожигал насквозь.

– Это я виновата. Подумала, что это ты целуешься с ней... С Алиной то есть, – не без труда выговорила я имя бывшей моего парня, а она едва слышно хмыкнула. – И ударила его... Потому что думала: он – это ты.

Антон свел брови к переносице, переваривая информацию. Электрический огонь в его глазах чуть-чуть потух.

– Прости, – сказала я тихо, обращаясь к Кириллу, но глядя в пол, пытаюсь сделать так, чтобы голос не дрожал.

Антон словно пришел в себя, сглотнул и едва заметно кивнул мне. Кирилл точно так же едва заметно выдохнул с облегчением.

Братья одновременно отпустили друг друга, сделав шаг назад – такие похожие и непохожие одновременно. Если, конечно, не считать того, что оба были облачены в синнюю футболку-поло. Только вот я не сразу поняла, на беду себе, что Кирилл одет в белые брюки, а Кейтон – в серые джинсы.

Дикая случайность. И как такое могло произойти?!

Обыкновенно. Ты же ходячее несчастье.

– Решил через очередную крошку унижить меня? – проговорил Кирилл тихо, почти без эмоций, но из-за этого мне и стало страшно. – Я этого так не оставлю, Антон.

– Заткнись, Кирилл. И проваливай. Вместе с ней, – кивнул на затихшую Лескову его брат.

– У нее есть имя, – процедил сквозь зубы Кирилл.

– Антон, – почти жалобно взглянула не на него, а на его брата Алина. – Давай поговорим. Пожалуйста.

– Нам больше не о чем разговаривать. И да, Алин. Если хочешь поиграть, держись подальше от моего брата. Не то, чтобы я питаю к нему теплые чувства, но отец говорил, что у него есть невеста. Выбор матери и все такое. Конечно, она хорошо относится к тебе, – тронула губы Тропинина усмешка, – даже слишком. Но она не обрадуется тому, что ты расстроишь свадьбу ее единственного стоящего сынка.

– Пошли, – схватил Алину за руку Кирилл и буквально потащил ее за собой. Она то и дело оглядывалась на Антона, превратившись из самоуверенной стервы в какую-то послушную собачку, кажется, пыталась даже остановиться, но Кирилл не позволил ей этого сделать.

Они скрылись за углом, оставив нас вдвоем. Антон точно таким же жестом взял за руку и меня и молча повел на открытую палубу, туда, где было прохладно и дул речной ветер. Он задал мне единственный вопрос:

– Он ничего не сделал тебе?

Я лишь помотала головой. Нет, не сделал. Сделала я – ударила его по лицу. Ударила по лицу совершенно незнакомого человека! Как же стыдно!

Сам виноват. Нечего было Кея косплеить и со Стервятником миловаться.

Мы молча прошли к нашему столику, сели друг напротив друга. Я трясущимися руками схватила недопитую чашку с остывшим уже кофе и сделала несколько больших глотков. Антон же сидел неподвижно, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку кресла.

– Что случилось? – первым нарушил он нашу персональную тишину. Голос его был не злым и – чего я боялась больше всего – не равнодушно-холодным. Голос Тропинина был теплым, почти участливым, несколько недоумевающим.

– Я вас перепутала, – глухо отвечала я, не зная, куда деваться от смущения. Не без труда я объяснила Антону, что случилось, и добавила тихо, закрыв рот ладонью:

– И вы оба одеты сегодня в синие футболки.

Чувствовала я себя более чем отвратительно. Позор!

– Он всегда меня копирует, – заявил Тропинин и добавил с чувством: – Идиот.

– А ты говорил, что вы не похожи...

– Мы и не похожи, – мотнул головой Антон. – Кто я и кто он? Я лучше.

Я грустно улыбнулась.

– Нет, серьезно. У нас мало общего, – стоял на своем парень. – В детстве были копиями. Сейчас – нет.

Они и сейчас были почти одинаковыми, но вот только Антон не хотел этого признавать. Стойкая нелюбовь к брату не давали ему видеть то, что видели другие. Или, наоборот, он видел куда больше.

– Я хотела извиниться, – робко сообщила я, чувствуя себя, мягко говоря, не в своей тарелке. – Не успела. Словно в ступоре была.

– Нет. Не извиняйся перед ним. Не заслуживает, – отрезал Антон.

– Ты сильно злишься?

– Нет. Я не злюсь. Но...

– Что «но»? – переспросила я.

– Катя-Катя, как ты могла подумать, что я обману тебя? – с какой-то тоской в голосе спросил внезапно Антон.

– Я... Извини, – я опустила глаза.

– Видимо, я так сильно обидел тебя, что прощения мне заслужить будет трудно? – большими глазами взглянул он на меня.

Я ничего не ответила, лишь склонила голову. И Антон все понял.

– Эй, малышка, что за несчастные глаза? Только не плачь. Хорошо? Я не выдержу, – беспомощно улыбнулся он мне. – Честно, не выдержу.

Я, не отрывая ладони от губ, только кивнула. А он вдруг встал, подошел ко мне сзади, осторожно обнял и положил подбородок на плечо.

– Все хорошо, Катя, – шепнул Кейтон мне своим чудесным обволакивающим голосом. – Ничего страшного не произошло. Ты же знаешь это. Успокойся. А ты и правда врезала ему? – почти с радостью спросил он вдруг. И когда я сказала: «Да», рассмеялся приглушенно.

Алина молча опустила в глубокое мягкое кресло цвета спелой сливы. Красивое загорелое лицо ее было словно искажено от переполняющих эмоций-демонов, которых черноволосая девушка не выпускала из клетки под названием сердце. Своих демонов она предпочитала держать при себе. Как знать, когда они пригодятся?

Сейчас ее сердце рвали несколько демонов.

Демон злости – и как эта сучка с невинным личиком посмела увести ее мужчину? Ее Дракона, которого она воспитывала с подросткового возраста?

Демон ревности – почему Антон выбрал эту Катеньку? Она, Алина, настолько хуже этой шестерки несносной стервы Журавля?

И демон слабости – от одной только случайной встречи с бывшим парнем ноги у гордой девушки подкосились, и ритм пульса изменился, стал рваным, жалким, учащенным...

Слабость – самый порочный демон, самый искушающий и – какой оксюморон – сильный.

Алина не любила чувствовать себя слабой. А когда видела того, кого безумно, почти истерически любила, с другой, то понимала, какая слабая и уязвимая. Ничтожная.

Демоны скреблись и выли, просясь наружу, как псы, но Лескова молчала. За все время, пока они с Кириллом Тропининым шли к своему столику, она не проронила ни слова и теперь, не говоря ни слова, уставилась в одну видимую ей точку на столе, где-то между бутылкой дорогого красного сухого вина и изящной мерцающей свечой. Кирилл что-то говорил, успокаивал то ли ее, то ли себя, ругался сквозь зубы, обещал надрать братцу задницу, грозился сломать его пополам и его девицу вместе с ним.

Своих демонов он всегда выпускал на волю, а потом гонялся за ними, собирал. В детстве Алина в шутку звала его истеричкой. Где оно, детство? В плену на осколках разбитой мечты. Только теперь Алина не верила в мечты и прочую чушь. Она верила в цели и способы их достижения, не всегда приемлемые с точки зрения морали.

Цель у Алины была. А мечты... мечты пусть быются в агонии.

– Ты меня слушаешь? – стукнул Кирилл кулаком по столу, повысив голос, который добрым назвать было нельзя. Словно придя в себя, Алина поморщилась. Ее бесили подобные выходки. Она любила спокойных, почти ледяных мужчин.

– Помни, с кем ты разговариваешь, – недовольно взглянула она на своего спутника. Тот нахмурился, выдохнул, но промолчал, не сводя с девушки взгляда. Он никогда не перечил Лесковой. Как, впрочем, и его брат до определенного времени.

Кирилл сидел, откинувшись на спинку кресла и закинув одну ногу на другую. Одна рука его лежала на подлокотнике, пальцы нервно постукивали по нему, во второй был почти пустой бокал, в котором играли отблески света. Голова чуть склонена к одному плечу, взгляд прямой, уголки губ опущены, тень на неподвижное лицо падает так, что на щеке остается перевернутый треугольник света, как бывает при рембрандтовском освещении, дарующем лицу драматичность.

Дракон тоже так часто сидел. И смотрел на нее влюбленным взглядом. А она улыбалась в ответ и дразнила.

Алина прикрыла ресницы от нахлынувших внезапно воспоминаний.

«Если забыть обо всем, можно подумать, я с Антоном», – с возрастающим раздражением подумала брюнетка и постучала пальцем с длинным вишневым ногтем по своему пустому бокалу, чтобы Тропинин наполнил его. Тот понял ее с полуслова.

– Ну и местечко, – проговорил он несколько брезгливо тоном человека, который привык

бывать в куда более пафосных и респектабельных заведениях, хотя и этот ресторан-корабль считался элитным заведением. Впрочем, родной город Кирилл ласково называл «дырой». – Официанты не заботятся о том, чтобы у гостей были полные бокалы. Нонсенс.

Алина только усмехнулась. По такому поводу она могла и скандал закатить, если у нее было хорошее настроение, но сейчас ей было все равно.

– И этот урод... Откуда он тут взялся? – никак не мог отойти от встречи с близким родственником Кирилл. И щеку еще жгло. Никто раньше его не бил – из девушек, разумеется. – Вечно все портит.

– Вышло забавно. Как тебе его девка? – поинтересовалась Алина довольно-таки ехидно. – Вы же близнецы. Может быть, и она тебя заинтересовала?

Несмотря на то, что вопрос звучало откровенно провокационно, Кирилл обозлился.

– Я не смотрю на подобных девушек. Ты же знаешь. И ты знаешь, *на кого* я смотрю, – с намеком сказал Кирилл. В глазах у него проскользнула непонятная грусть. Алина равнодушно пожала точеными плечиками. Ее интересовало другое.

– Тропинин, тебя ударили. Оскорбили. Ты не хочешь, скажем, – она поболтала вино в бокале, – отомстить?

– Кому? Этой ненормальной? – скривился парень. – Женщинам не мщу. А вот ему – не против, – не называл брата по имени Кирилл.

– Помоги мне убрать Катеньку, – нежно произнесла имя соперницы Алина, допивая вино. Кирилл прищурился. К ним подошел, наконец, официант, чтобы наполнить бокалы, но эти двое не обращали на него внимания.

– Не собираюсь обхаживать ее назло ему.

– Дело не в этом, Тропинин.

– А в чем?

– Я не могу ничего сделать с Антоном, – призналась Алина. – Но могу надавить на его больное место. На эту милую девочку со взглядом овечки.

– Думаешь, она бросит его ради меня? – ухмыльнулся молодой человек. – Не смеши. Глупый план. Не прокатит.

– Ты ей не будешь нужен, – легко согласилась Лескова, одним движением распуская черные блестящие густые волосы. Они рассыпались по плечам, и Кирилл поймал себя на мысли, что хочет запустить в них пальцы. Он почти незаметно вздохнул.

– И для чего я должен с ней общаться? – не понял парень.

– Чтобы посеять сомнения, – весело отозвалась Алина. План ей нравился.

– Сомнения? Какие?

– В сердце Дракона.

Кирилл едва заметно поморщился – он ненавидел, когда Лескова так называла брата.

– Несколько фото, где ты с Катей сидишь в кафе, гуляешь, разговариваешь – ничего особенного, – и в его сердце будут посеяны сомнения. «Почему она с моим братом?» «Он лучше, чем я?» «Что между ними происходит?» Ему лишь нужно чуть-чуть подкинуть пищу для размышлений. А остальное он сам додумает.

– Он, конечно, дурак, но не тупой, – с сомнением проговорил Кирилл. – Думаешь, не поймет, что это специально?

– Какая разница, дорогой мой? Сомнениям безразлично. Они либо есть, либо нет. А если Антон начнет сомневаться, – Алина даже губу закусил от предвкушения, – то половина дела будет сделана.

– А потом ты предложишь напоить ее и сфотографировать меня с ней в кровати дешевого отеля? – развеселился Кирилл. Брюнетка даже расхохоталась, откидывая назад тяжелую черную прядь.

– Фу, как пошло. Я люблю пошлость, но это банально. Нет, конечно. Нужно действовать тоньше. Итак, поможешь? – глядела она на молодого человека, потирая изящное тонкое запястье. Кирилл, как удав, наблюдал за этим незамысловатым жестом.

– Да...

– Отлично. Я всегда знала, что могу рассчитывать на тебя.

Они замолчали на некоторое время.

– Ты успокоилась? – заботливо спросил Кирилл, глядя, как его спутница, на которую он любовался весь вечер, почти залпом, не заботясь, как это смотрится со стороны, осушила бокал.

– Тропинин, думаешь, я могу успокоиться? – улыбнулась она широко, положив оба локтя на стол и чуть наклоняясь к нему. Вырез на черном платье стал более открытым, соблазняющим, но Алину это ничуть не смутило.

– Мне успокоить тебя? – не повелся на это Кирилл, продолжая смотреть на черноволосую девушку, наверное, точно так же, как сама она глядела на его брата.

– Попробайся, – задорно блеснули темные глаза, умело накрашенные и дерзкие.

– Попробуюсь, – уверенно отозвался парень. – На большой земле, – хмыкнул он. – Впрочем, – глянул он на дорогие швейцарские наручные часы эксклюзивной работы, обхватывающие его запястье, – скоро там будем. Уйдем последними. Не хочу столкнуться с ним.

– Поддерживаю.

Они замолчали. Алина сделала несколько селфи на свой телефон роскошного золотого цвета известной марки и выложила в популярном приложении обмена фотографиями. Кирилл просто сидел в своем кресле и думал, думал, думал. Редкий пепельно-русый оттенок волос выделял его среди других людей. Может быть, Кирилл был не такой харизматичной личностью, как его брат, но свой шарм имел однозначно – эгоистичный шарм, с легким налетом дерзости, граничащей с безразличием; с ароматом дорогого одеколона, смешанного с запахом дождя, с привкусом «Маргариты» на искусанных губах; тот самый шарм, на который так часто ведутся девочки, называемые его братом «хорошими».

Да, они были весьма похожи, хотя те, кто знал обоих братьев, никогда их не путали. И забавно сегодня получилось – они оба надели одинакового цвета рубашки-поло. Да и прическа у них стала одинаково-удлиненная, но если бы Кирилл знал, он бы подстригся. Не мудрено, что девчонка перепутала их, несмотря на разный цвет волос, хотя в темноте, как говорится, все кошки серы.

Кирилл дотронулся до щеки. Горячая штучка. Но глупая. И прощать ее Тропинин не собирался, он вообще с трудом что-то кому-то прощал. Только вот мстить собирался не ей, а брату. Наверное, метод Алины подойдет. Почему бы и не поразвлечься?

Кирилл обхватил колено сцепленными в замок пальцами, и взгляд его упал на кольцо безымянного пальца правой руки. Кольцо из белого золота с россыпью бриллиантов круглой огранки ослепительно блестело даже при слабом освещении. И Кириллу не нравилось то, как ярко оно блестит. Но снимать его тут, при Алине он не стал.

И зачем вообще нужно было покупать эти чертовы кольца? Свадьба еще не скоро. Помолвочные... придумают тоже, идиоты.

Так захотела мать невесты, его собственная мать вежливо поддержала, а перечить ей Кирилл считал лишним. С ней стоило общаться иначе, манипулировать ее эмоциями... Однако при всем этом он еще и уважал мать, чтобы спорить с ней по пустякам.

Алина перехватила его взгляд и заметила с усмешкой:

– Забавно. А она похожа на Катеньку, не так? – в ее голосе не было никакой ревности, и это злило. – Как ее зовут?

– Дина.

– Жа-а-алко, я думала, что Катя, – протянула Лескова, потеряв всякий интерес к невесте друга детства. – Как я ее ненавижу, – прошипела она. – Вздумала тягаться со мной? Зря.

С корабля-ресторана, они действительно сошли одними из последних, благополучно миновав повторное столкновение с Антоном и Катей. У Алины приятно кружилась голова, ставшая легкой и чуть-чуть безумной. В темноте свежей улыбчивой ночи ей казалось, что рядом шагает ее Дракон, и это его тень падает на асфальт, и его рука заботливо поддерживает ее под локоток, и девушка, не выдержав, взяла своего спутника-иллюзию за подбородок и поцеловала – грубовато для девушки, властно, но чувственно и вполне искренне. Кирилл, который прекрасно понимал ее состояние, все же поддался – он всегда ей поддавался, и обнял, крепко, почти болезненно прижимая к себе, наконец, запустив пальцы в волосы.

– Тропинин, просто поехали туда, где никого нет, – шепнула ему Алина, взяла за руку и сама повела к машине.

Эти двое не видели, как на причале за ними наблюдает пара больших грустных глаз, принадлежащих девушке, стоящей в спасательной тени. Среднего роста, с длинными темно-русыми прямыми волосами, забранными в низкий хвост, она казалась младше своего возраста, но была довольно хорошенькой.

На пальце у нее было почти такое же кольцо, как и у Кирилла.

Девушка наблюдала за тем, как Кирилл и красивая статная брюнетка садятся в его машину и снова целуются. Слез в ее глазах не было, но не выдержав, она прислонилась к холодной стене нависшего над ней здания.

Если сегодня и светили звезды, то из города их было видно совсем плохо.

* * *

Сложно было вспомнить, когда я гуляла ночью последний раз.

Беззаботно шагая по высокому узкому бордюру, я чувствовала себя маленькой девочкой, которой то и дело подмигивают фонари и сонно улыбаются здания. Антон шел рядом с вполне себе умиротворенным лицом и держал меня за руку.

В уютном парке, по которому мы прогуливались, людей не было, и на нас смотрели лишь деревья, стеной росшие вдоль дороги. Парк находился недалеко от моего дома, и отсюда были видны окна нашей квартиры на двенадцатом этаже – в отличие от прочих, в них горел свет, несмотря на поздний час.

– Интересно, кто опять в гостях? – спросила я задумчиво, глядя вверх.

– Я могу быть твоим гостем, – вставил Антон.

«Такой гость – в горле кость», – вспомнила я нехотая изречение Леша. Помнится, он как-то имел неосторожность ляпнуть это при Крабе, который весь вечер разглагольствовал о том, как низко пало современное искусство вообще и литература в частности, а один он,

дескать, поднять всю российскую словесность не в силах. Краб услышал фразу дяди и обиделся. Но он был не таким человеком, чтобы встать и по-английски уйти. Сначала папин друг-писатель затеял скандал, а затем заявил, что он будет гостить у нас до посинения, уточнив при этом, что до посинения Лешиного. Дядя тоже обиделся и заявил, что в таком случае он покинет этот, как он выразился, «хлев, в котором пасутся козлы», и Томасу пришлось бегать между ним и Крабом и мирить. В итоге спасло нас от такого «дорогого гостя» то, что Крабу нужно было ехать в столицу на презентацию очередного невероятного постмодернистского произведения.

Я рассказывала об этом Антону, и он, любивший истории о нашей семье, смеялся. Так мы и дошли до конца парка, продолжая держаться за руки, как какие-то подростки. На улице было тихо, спокойно, по-летнему беззаботно. Произошедшее на борту теплохода забылось, все обиды в эти минуты стерлись из памяти, и мы просто шли вперед, наслаждаясь друг другом, черничной ночью с высоким небом, неясным шумом города и даже приглушенным светом фонарей-охранников, которые словно стояли на страже безмятежности этого парка с чуть слышно шелестящими листьями.

Мы перешли дорогу, и теперь наш путь лежал во дворы. В одном из них я заметила карусель и попросила Антона меня покатать. Возражать он не стал, однако так меня раскружил, что вместе с каруселью закружилась и голова.

– Ты специально! – сердито сказала я, едва сошла на землю и ткнула пальцем в грудь Антон. Он перехватил мою руку и поцеловал запястье, подозрительно улыбаясь. Я отчего-то смутилась.

– Катя, давай поиграем, – прошептал он. – В Волка и Красную Шапочку?

– Ты мне это дело брось, – вырвала я назад ладонь и погрозила Антону пальцем. – Знаю я твои игры, Тропинин. Смотрела ваши умопомрачительные клипы.

– И как тебе наши клипы? – поинтересовался он между делом.

– Странноватые, – честно призналась я. – Картинка – цепляет, но есть в них что-то жуткое. Ты так красиво поешь, Антош, – коснулась я его щеки. – Ты мог бы петь чудесные песни о любви и о жизни, а ты выбрал ненависть и смерть.

Я замолчала, подумав вдруг, что могла ненароком обидеть его. Знаю я этих творческих личностей...

Они все с приветом. Чем больше творческая жилка, тем привет мощнее.

– Я подумаю, – серьезно кивнул Тропинин. – Значит, о любви... – Он задумался и уточнил:

– Что-нибудь приторно-сладкое?

– Почему если о любви, то значит «приторно-сладкое»? – возмутилась я. – Любовь, по-твоему, такая на вкус? Ты точно любил когда-нибудь? – поинтересовалась я невинным голосом. Антон попался на эту удочку.

– Любил, – живо ответил он мне.

– И какая была любовь к Алине? – поинтересовалась я вдруг, сама не зная, зачем.

– Ты напивалась когда-нибудь? – невпопад спросил Антон. Легкий ветерок встрепал ему волосы.

Мы остановились. Я глянула под ноги – мы стояли на тротуаре, прямо на детских «классиках», начерченных белым мелом на асфальте. Он – на четверке, а я – на двойке.

– До какого состояния? – уточнила я. Алкоголь не вызывал во мне восторга и трепета.

– До состояния, когда на утро не помнишь, что было.

– Только раз, когда ты довел меня на дне рождения Лизы, – сухо ответила я, не без оснований подозревая, что в жизни Тропинина такое случалось не раз, не два и даже не три.

– Моя любовь была такой, девочка моя, – слабо улыбнулся далеким воспоминаниям молодой человек. – Как алкоголь. Со всеми вытекающими. Сначала это был запрет. Тот самый, из мира взрослых, который так хочется нарушить. Потом восторг – не от алкоголя, а от самого факта, что смог. Что попробовал, что нарушил правила. Затем головокружение – алкоголь ударил в голову. А потом новый бокал, и еще один, и еще, и еще. И ты пьян. Весел, обманчиво свободен. Раскован. Не помнишь, что делал и зачем. Но чувствуешь, что было кайфово. А знаешь, что наступает потом? – внимательно посмотрел на меня Антон. – Похмелье. Однажды ты просыпаешься, не понимая, что делал и зачем пил. И в голове стучит отбойный молоток. И так хреново, Катя. Вот такой и была моя первая любовь. Яркой, пьянящей, с пропавшими воспоминаниями и мерзким пробуждением. Со вкусом помоев во рту.

Я вздохнула, убирая обеими руками непослушные волосы за спину. Слушать эти откровенные слова было страшно. Антон так говорил о своих чувствах к Алине, что мне показалось, будто бы ревность опустила мои ладони в ванну с холодной водой и кубиками ядовитого льда.

Я знала, что Алине не вернуть Антона, что между ними ничего нет и не будет, но слушать о чувствах к другой, пусть даже уже не чувствах, а воспоминаниях, было почти пыткой.

Ты же сама начала этот разговор. Терпи.

– Что с тобой? – спросил Антон.

– Ты так рассказываешь о том, что было между тобой и Алиной, что я чувствую себя совершенно ненужной.

– Глупости, – свел он брови к переносице, на которую падала причудливая тень.

– А если я окажусь твоим очередным алкоголем?

– Ты – шоколад, – погладил он меня по волосам. Это незамысловатое простое касание успокаивало.

– Это не изысканно. По-детски.

– Не носи глупостей, – вдруг рассердился вмиг Антон и выдохнул, словно успокаиваясь. – Кажется, мне придется кое-чему научиться.

– Чему? – подняла я на него глаза.

– Поднимать тебе самооценку. Раньше я этого никогда не делал. Но если мне придется тысячу раз повторить тебе, что ты – особенная, я повторю это. И заставлю тебя слушать. – Его тон был весьма серьезным. А в глазах летала неуловимая смешинка.

– А твоя самооценка наверняка зашкаливает, – проворчала я, уткнувшись лбом в его плечо на несколько секунд.

– Могу с уверенностью сказать тебе, что я лучше большинства людей, которых сам же встречал. Но не лучше тебя, Катя. А какой была твоя любовь к фотографишке? – спросил вдруг он без перехода, и я удивленно взглянула на его лицо. – С каким вкусом?

– Его зовут Максим, – напомнила я.

– Мне все равно, как его зовут, – отмахнулся блондин. – Ответь.

– Моя любовь к нему была-а-а... – Я задумалась. – Не знаю. Это было как... Как сияние солнца, когда лежишь летним жарким днем на песчаном пляже и слышишь, как волны бьются о берег. И в голове нет никаких мыслей. А когда открываешь глаза, то над тобой

только километры неба. А вкус – вкус подтаявшего на солнце мороженого.

– Солнце – самый большой объект Солнечной системы. И ее центр. А кто тогда я?

Я хотела сказать, что он – моя Вселенная, но промолчала. Теперь его очередь мучиться.

Чтобы не отвечать, я наклонилась, подняла огрызок мела и нарисовала на асфальте кривоватую бабочку.

– Да, детка, – присел на корточки рядом с рисунком, освещаемым фонарем, Кей, – талант отца обошел тебя стороной. Дай-ка мне.

– И что ты собрался рисовать, талантливый наш? – в шутку обиделась я. Мне давно было известно, что рисовать – это не мое.

Мне ничего не ответили, но вскоре я увидела шедевр его живописи.

«Ты – моя», – гласила надпись на асфальте. Антон улыбался.

Он бы еще тебе на спине крестик нарисовал, как отметину, что ты – его собственность.

Отстань, почему ты вечно влезашь в самые романтические моменты?!

Потому что я чувю – скоро тебя вновь обманут, милая, но крайне глупая Катя.

– А на что похожа твоя любовь ко мне? Какого она вкуса? – выдернул меня из мыслей негромкий обволакивающий голос Тропинина. Наверное, если бы я раньше услышала такой его голос, я бы и не поняла, кому он принадлежит – Антону или Кею.

– Чувства к тебе похожи на то... Когда сидишь на незнакомом берегу реки августовской ночью, – прислушалась я сама к себе и словно увидела эту картину. – Слышишь шум реки, шелест листьев, ежишься от легкого холода. Рядом тлеет костер и запах дыма витает в воздухе. И звезды в этой ночи мерцают как светлячки. И звездное небо отражается в темной глади воды. И в руках вода – родниковая. Чистая, свежая.

– И ты сидишь одна на этом берегу? – спросил Антон, словно подсмотрев мое мимолетное видение.

– Одна.

– А я?

– А ты сидишь на берегу напротив, – отвечала я.

– И мы всего лишь смотрим друг на друга? – почти прошептал он.

– А что нам остается делать? – пожала я плечами.

– Я могу переплыть реку, – предложил Антон искренне. – Я хорошо плаваю, – зачем-то уточнил парень, хотя я теперь и так уже знала, что когда-то он серьезно занимался плаванием и даже имел юношеский разряд. Возможно, если бы не его мама, Антон мог быть не знаменитым музыкантом, а знаменитым спортсменом. Как знать...

– Но я не хочу ждать, пока ты переплывешь эту реку, – возразила я, понимая, как странно звучит наш разговор. – Мы должны встретиться на середине реки.

– Ты умеешь плавать?

– Очень плохо, – призналась я.

– Но тогда ты можешь утонуть, – слишком серьезно подошел к моей фантазии Тропинин.

– Я постараюсь этого не сделать, Антон, – пообещала я.

Он вновь взял мою руку в свою, и мы пошли дальше, оставив тихий дворик с каруселью и «классиками».

– Знаешь, почему я стал плавать? – вдруг спросил Тропинин.

– Почему? – любопытствовала я.

– В детстве, когда мать с отцом еще жили вместе, мы всей семьей поехали на реку. Кирилл был на берегу, помогал матери, а я зашел дальше, чем следовало. Течение было быстрым, меня стало уносить. Я испугался, пытался выплыть, стал захлебываться. Начал тонуть.

Я сглотнула – о прежней жизни Антона я знала ничтожно мало, и эта его история, рассказанная обыденным голосом, страшила.

Видя мои глаза, парень лишь улыбнулся.

– Ничего страшного не произошло, даже и мать, наверное, не помнит об этом. Отец был рядом и помог мне, вытащил, даже ругать не стал. Мне было страшно, но я молчал. Боялся, что мать начнет кричать. Я никому этого не говорил, Катя, но с тех пор я страшно боялся воды. Даже в душ идти одно время не хотел, – ухмыльнулся он, и я представила картину, как мама заставляет маленького Антона идти мыться, а он упрямится и твердит, что никуда не пойдет. Наверное, это было забавно, но в эти секунды мне не было смешно.

– Ты стал плавать, чтобы побороть страх перед водой, да? – спросила я.

– Да. И я сделал это. – В его ровном голосе не было ни хвастовства, ни торжества – лишь сухая констатация факта. – С трудом, но я полюбил воду. И сам стал водой, – посмотрел он мне в глаза. – Забавно? Я стал своим страхом. Стать тем, чего боишься, – высшая форма самоистязания. Я в этом спец, – добавил Антон шутливо.

– Ты, – я осторожно перебирала слова в уме, – весьма необычный человек, Кейтон Тропинин.

Он одарил меня задумчивым взглядом.

– Многие даже во взрослом возрасте не могут справиться со своими страхами. – Я вспомнила и о своей собственной гемофобии – панической боязни крови. Наверное, для Антона вновь оказаться в воде было сродни тому, если меня попросят умыть руки и лицо в крови.

– Ерунда. Просто всегда нужно знать, к чему стремишься. Вот и все, – отвечал он и со вздохом констатировал:

– А вот и твой дом.

Мы действительно уже пришли и стояли напротив подъезда, около которого были наставлены машины. Какие-то умники припарковались прямо посреди дороги, разделяющей дом и двор. Черные бока здоровых машин лоснились под желтым неживым электрическим светом.

– Ты точно хочешь домой? – с сожалением спросил Антон.

– Да, точно. Я не была дома несколько дней.

– А завтра? Завтра мы встретимся?

Я улыбнулась. Все во мне требовало сказать ему: «Нет», отомстить, помучить, и я произнесла лишь:

– Не знаю.

– Это намек? – внимательно посмотрел на меня Тропинин.

– Намек на что?

– На то, чтобы решал я, раз ты не знаешь?

– Может быть, и так.

– Твоя сумочка осталась в моей машине, – сказал Антон с радостной улыбкой, и я поняла, что он специально не напоминал мне об этом. Чтобы у него был повод для встречи.

Продуманный мальчик. Ты смотри, Катюша, тебе как раз такой и нужен. Ты

будешь головой вертеть, на облачка засматриваться, а он станет заниматься организацией вашего быта. Идеально.

– Я могу принести твою сумочку завтра, – предложил хитро Тропинин.

– Хорошо, – кивнула я, заранее радуясь новой встрече.

– Договорились, – серьезно сказал Антон, и уголки его губ чуть поднялись, словно в тщательно скрываемой улыбке. – Идем, Катя, провожу тебя до квартиры.

– Какой ты благородный, – хихикнула я, разрешая взять себя под руку.

– Адекватный, – возразил парень.

Я открыла тяжелую дверь, и мы вошли в подъезд. Лифт, слава богу, работал, и это, кажется, огорчило Тропинина – он был бы не прочь застрять в нем на пару часиков.

Однако не успели мы с Антоном выйти из лифта, как на нас уставились двое весьма накачанных молодых мужчин в черных костюмах, которые едва ли не трещали по швам. Из-под ворота пиджаков у обоих тянулась к ушам витая проводная гарнитура.

Качки стояли по бокам от двери нашей квартиры, словно охраняли ее. И выглядели не слишком приветливыми. Увидев, куда мы направляемся, они отрицательно покачали головами, мол, нет, нельзя.

– Что это значит? – нахмурился Антон, шагнув вперед и как-то инстинктивно, что ли, заслоняя меня. – Кто вы такие?

Один из охранников буркнул по-английски, что русским он не владеет.

Я озадаченно почесала нос, думая, что бы им ответить и вообще, может быть, стоит позвонить в дом родной и узнать, что это за мужики трутся около нашей двери и не пускают в квартиру. Тропинин же отреагировал на происходящее быстрее. И тут мне довелось лицезреть хоть и короткую, но весьма забавную миниатюру, в которой милый хороший Антон превращался в высокомерного невыносимого Кея.

Парень тряхнул рукой, словно смахивал прилипшую паутину, и одарил мужиков в костюмах весьма красноречивым заносчивым взглядом. Что ни говори, но искусство унижать взглядом дано далеко не всем.

– По какой причине мы не можем попасть в нашу квартиру? – явно забыв, что это моя квартира и моих родственников, на хорошем английском поинтересовался мой спутник. Голос его был неспешен и мрачен, а на лице было написано что-то вроде отвращения.

Мужчины переглянулись. Не скажу, что тон и взгляд Тропинина пробрал их, но, по меньшей мере, сорвал пленку невозмутимости с их лиц.

– Простите, но вы не входите в список гостей, – почти вежливо ответили ему.

– Покажите мне этот список, – ничуть не смутился Тропинин.

– В этот список входит только один человек.

– Кто?

– Вас это не касается.

Кейтон начал злиться. Я видела это по его лицу, а потому тронула за плечо.

– Успокойся, Антон. Я просто позвоню домой и узнаю в чем дело.

– Они меня раздражают, – заявил он, глядя прямо в глаза одному из типов, охраняющих по какой-то причине нашу дверь. – Почему ты должна спрашивать у этих придурков разрешения, чтобы попасть в собственный дом?

В этот момент телефон, который был в заднем кармане его джинсов, завибрировал – я услышала короткий характерный звук, а вот охранники, кажется, этого не услышали. Видя, что Антон вдруг резко завел руку за спину – с целью достать телефон, разумеется, они вдруг

оживились, явно подумав о другом. Я и глазом моргнуть не успела, как они молниеносно выхватили пистолеты и нацелили на Тропинина.

У меня сердце в пятки ушло, а на лице Кейтона не дрогнул ни один мускул.

– Сэр, не делайте резких движений, – предупредительно сказал один из мужчин все на том же английском, второй же в это время что-то спешно заговорил в рацию. – Пожалуйста, поднимите руки вверх и медленно повернитесь спиной.

Антон одарил охранников еще одним весьма красноречивым взглядом. Кажется, он хотел сделать что-то другое, но посмотрел зачем-то на меня и выполнил их требование, подняв вверх руки, одна из которых сжимала телефон – именно его бдительные мужики и приняли за оружие.

Убедившись, что Тропинин не представляет опасности, они вновь попросили нас уйти.

– Пошли, – схватила я его за рукав и потянула к лестнице. Люди с оружием, мягко говоря, нервировали. Правда, больше я боялась не за себя, а за Антона, которому страсть как не нравилось подчиняться чужим правилам.

– Вот ублюдки, – прошипел он этажом ниже.

– Перестань, – ласково погладила я его по ладони. – Вышло недоразумение. Я сейчас Леше позвоню – как самому адекватному, – пояснила я свой выбор.

Дядя взял трубку не сразу, и голос у него был не сказать, чтобы самый счастливый. Верный признак незваных гостей.

– О, это ты, – обрадовался мне Алексей. – Как дела, Катька? Охомутала своего принца? Я тебе еще раз скажу – это самый лучший вариант для тебя, – нудно завел он старую шарманку, наверное, думая, что я все еще в доме у Валерия. Очень уж ему приглянулся тот факт, что Антон – парень небедный. Меркантильный до мозга костей дядя педантично напоминал мне о том, что Тропинин – шанс всей моей жизни и от души советовал не упускать его.

– Хватит, – покосилась я на «самый лучший вариант», стоящий рядом, и не понимая, слышит он слова дяди или нет.

– Что значит – хватит? – громко возмутился тот. – Я забочусь о твоём будущем! Мне не улыбается связаться родственными отношениями с каким-нибудь нищеводом, максимум которого – однокомнатная в ипотеку на триста лет! А Антошка парень с обеспеченным будущим! Ты только подумай о перспективах, Катька. Хватит прятаться, выйди к своему принцу и дай ему помочь нашей семье! Обеспеченная племянница – обеспеченный дядя, – закончил он свою речь выразительно.

– Давай поговорим об этом потом, – рассердилась я. – Вообще-то мы стоим под дверью.

– А чего под ней стоять? – удивилась трубка. – Заходите, я вас блинчиками угощу. Я же тут за кухарку. Или, – спохватился Алексей, и голос у него стал издевательски-понимающий, – вы постигаете азы подъездной магии? Так тебе надо было ключ от чердака взять, – дал он «дельный» совет.

– Глупый ты, Леша, и шутки у тебя глупые, – косясь на странно улыбающегося Антона, пробурчала я. – Мы не можем попасть домой. Нас не пускают.

– А-а-а, – догадался он наконец. – Охрана итальяшки. Уно моменто, – почему-то перешел дядя на итальянский. – Сейчас все решим в лучшем виде.

– А что происходит? – никак не могла взять в толк я.

– Нашествие гостей происходит. Благодарю своего несносного папашу, Катька. Как увидишь, так и скажи: «Спасибо тебе большое, отец родной!». И в пояс поклонись. Это по

его вине в нашей квартире вечно тусуются ненормальные всех сортов. Позавчера Славон с дружками зависали, вчера бомжи, которые себя за художников-авангардистов выдают, лакали чуть ли не с пола, сегодня этот макаронник приперся.

Леша велел нам шагать в квартиру, заявив, что сейчас во всем разберутся.

– Вот и все, – улыбнулась я Антону, убирая мобильник от уха. – Пойдем? Хотя я могу дойти и одна. Уже совсем поздно.

– Я с тобой. Прослежу. Стой, Катя, – вдруг схватил он меня за плечо, развернул к себе, прижал к стене и поцеловал. И я не могла противиться этому – обняла в ответ, подавшись к нему всем телом, словно ища защиты. Я запустила пальцы в его волосы, растворяясь во все еще непривычных объятиях...

Но поцелуй длился недолго – несколько ударов сердец, не более. Пришлось подниматься наверх – входная дверь открылась, и на лестничной площадке раздались веселые голоса, среди которых я узнала голос собственного отца.

Мы прошли мимо погрузневшей охраны, которой было велено нас пропустить, и Антон, входя в квартиру, улыбнулся широко и показал мужчинам средний палец. Я ткнула его в бок.

– Что ты как маленький ребенок.

– Зато весело, – подмигнул он мне.

А в прихожей нас уже ждали Томас с завязанными сзади на какой-то невнятный шнурок волосами и облаченный по обыкновению своему в клетчатую рубашу и двое незнакомых мужчин, которые в антураже нашего коридора смотрелись весьма чужеродно – как бабочка на пирате. Первый – весьма невыразительный, довольно высокий, но тщедушный тип лет сорока с совершенно скучным, почти брезгливым выражением лица, с зализанными набок волосами мышиного цвета. Угольно-черный костюм в серую тонкую полоску, галстук скупого пыльного цвета и деловые часы на тощем запястье – то ли настоящие, фирменные, то ли искусная подделка – дополняли образ этакого въедливого офисного работника. Он стоял позади и был скорее фоном, на котором сиял второй гость – невысокий худощавый и загорелый мужчина лет шестидесяти, с шикарными усами, орлиным профилем, залысинами и золотыми яркими печатками на длинных пальцах. Он был подвижен, востроглаз и неуловимо элегантен. То ли дело было в весьма дорогой на вид и ладно скроенной одежде, то ли в личном очаровании, смешанном с импульсивностью и жизненной силой. Вероятно, в далекой молодости этот человек был весьма хорош собой и пользовался успехом у женщин. Впрочем, и с возрастом подобные типы не перестают обращать внимание на дам, предпочитая купаться в их внимании.

Я первой поздоровалась – на английском. Антон настороженно кивнул. Он, в отличие от меня, не обладал иммунитетом на появление самых разных гостей в нашем нескучном доме.

– Джино, это моя дочь Катрина! – радостно заговорил Томас. Приглядевшись, он увидел Антона и добавил еще более радостно: – И мой зять. Музыкант, – панибратски положил он руку на плечо Тропинину. – А это – Джино Бартолини, мой замечательный итальянский друг и почитатель!

Итальянец, смеясь, что-то быстро и радостно затараторил, и переводчик сказал скучным гундосым голосом:

– Господин Бартолини очень рад знакомству с вами. Особенно с такой очаровательной молодой девушкой, как вы, Катрина.

Дабы показать, как он рад, господин Бартолини заключил в объятия сначала меня, бурно

расцеловав в обе щеки, а затем и Антона. Я думала, что он начнет вырываться или хотя бы состроит невыносимую рожу, но тот был спокоен, как танк, и приветливые объятия незнакомого итальянца воспринял как должное – вытерпел, что называется.

Господин Бартолини походил на настоящий вихрь. Он много, со вкусом жестикулировал, громко и эмоционально говорил – с таким надрывом, и вообще его казалось слишком много для нашей прихожей. Он словно занимал все ее пространство, потеснив даже Кея и Томаса.

– Вы очень напоминаете ему дочь, – продолжал переводчик нудно и гундосо. – У вас невероятные глаза. В них много света. Вам повезло, юноша, – было адресовано уже Тропинину, и тот лишь кивнул, как бы говоря: «Я знаю».

Итальянец радостно оскалился мне, и я робко улыбнулась в ответ, думая о том, что это, конечно, здорово, но не пора ли ему покинуть наш дом?

– Ну что же мы стоим в гостиной? – засуетился Томас. – Прошу, проходите, проходите! Мы с Джино обсуждаем важнейшие проблемы – воспитания художественного вкуса и эстетического освоения современного мира изобразительного искусства молодежью. Ведь далеко не все такие тонко чувствующие, как Антон, – пожаловался папа, видимо, вспомнив, как тот восторженно говорил о его работах.

– Куда уж нам, – пробурчала я. Подумать только! Дочери не было дома несколько дней, она жила непонятно у кого, а он и не чешется! Все об искусстве разглагольствует!

– Дело в том, Джино, что дочь категорически не разбирается в моем творчестве, – уже обращаясь к гостю отец, – и в творчестве моих современников, – добавил он с долей некоторого презрения. Как я уже говорила, Томас считал себя истинным гением, а вот своих коллег, хоть и уважал, частенько обзывал «бездарными детьми профанации».

Итальянец засмеялся, ударил в ладони и что-то стал весело говорить, и уже через несколько секунд его переводчик проскрипел:

– Мужчины – творцы, а женщины – музы.

Томас согласно закивал. Антон хмыкнул в кулак. Я нахмурилась.

– Это еще почему? Среди женщин много талантливых творцов в разных сферах искусства, – вполне себе искренне возмутилась я такому повороту.

Переводчик загундосил. Итальянец что-то продекламировал на родном, непонятном мне, но звучном языке, и нам вновь дали перевод:

– Искусством должны заниматься мужчины! Ведь искусство – это вечная женщина, которой нужны самые опытные и нежные любовники! А для женщины быть собой – уже искусство.

– *Per amore dell'arte!* – провозгласил Томас громогласно и захохотал. К нему присоединился гость и даже предатель Тропинин. Им всем троим отчего-то стало жутко весело, как будто они знали какую-то неподвластную мне тайну.

– Из любви к искусству, – дал перевод тщедушный тип в костюме в полоску, почему-то ухмыльнулся и пояснил: – В итальянском языке искусство – *arte* – существительное женского рода.

Я покачала головой. Собрались тут... искусствоведы.

– Но что значит быть собой? Что значит «искусство быть женщиной»? – начал с вдохновением развивать тему Томас. – Быть хранительницей очага, боевой подругой, богиней в пос... Ах, Катенька, – махнул он рукой, отчего-то засмутившись, – не слушай и отойди в сторонку, когда взрослые разговаривают.

Я, наверное, едва ли не побагровела от возмущения. Итальянец с умилением посмотрел

на меня и заговорил.

– Господин Бартолини говорит, что вы – вылитая Доминика, – сказал переводчик и пояснил:

– Доминика – дочь господина Бартолини.

– Любить – это тоже искусство, – продолжая тему, сказал Антон, глядя при этом только на меня. – Самое сложное.

– Все верно! Я любил своих женщин, как произведение искусства! – тотчас согласно вскричал гость.

– А я – как само искусство, – тихо, почти неразборчиво проговорил Антон.

– Верно мыслишь, сынок! – обрадовался Томас. – Не желаешь присоединиться к нашему обсуждению? – с широкой улыбкой посмотрел он на Тропинина, пребывая в явном восторге от визита господина Бартолини.

– А почему ты меня не зовешь? – сдвинула я брови. Начинается! Ну, как всегда. Вообще обнаглели!

– Катенька, – беспомощно улыбнулся Томас. – Ты же совершенно ничего не смыслишь в современном искусстве.

Я чуть кулаки от негодования не сжала.

– Приглашаю в лагерь тупых, – раздался с кухни недовольный голос Алексея, которого, видимо, тоже не приняли в ряды ценителей живописи новой эпохи. – Трижды постучать головой об косяк. Вход по паролю: «Я чмо».

– Захлопнись, – посоветовал с улыбочкой младшему брату Томас и, схватив обоих гостей под руки, потащил в свою комнату, обставленную еще более устрашающе, чем гостиная. – Катенька, помоги Алексею, – крикнул он напоследок, и я едва расслышала его из-за раскатистой речи итальянца, который докопался до Антона.

Вот так Кейтон и попал к нам в гости во второй раз.

Я только головой покачала и пошла на кухню, к дяде. Судя по всему, Нелли не было, а Эдгар, как и всегда, заперся в своей комнате. По сведениям сестры, брат усиленно переписывался с некой девушкой из Владивостока. На нее было жутко интересно взглянуть нам обеим, но пока что этого сделать не удалось.

На кухне было светло и уютно – как и всегда.

– Прилетела пташка на крыльях любви, – встретил меня Алексей, в кружевном передничке хлопоча над плитой. Судя по всему, он готовил угощения для господина Бартолини.

Я села за стол, налив горячего чая, понимая, как за прошедшие дни соскучилась по родному дому.

– Молодец, племянница, горжусь, – продолжал Леша, ловко переворачивая блин в сковороде. – Привязала к себе этого добра молодца.

– Антона? – уточнила я.

– А у тебя много добрых молодцев? – насмешливо спросил дядя. – Смотри, Катька, не упусти парня, – вновь в тысячный раз за последние дни напомнил он мне и продолжил свою любимую песню:

– Я тут пробил по своим каналам, эти Тропинины – люди далеко не бедные и влиятельные.

– Отстань ты от меня, – искренне возмутилась я, все еще, кажется, не осознавая, что происходит со мной и моими чувствами и как так получилось, что Антон вновь у меня дома,

сидит за стенкой и обсуждает что-то с моим отцом и итальянским эксцентриком, охрана которого караулит нашу дверь. – Лучше скажи, кто это? – шепотом спросила я.

Леша фыркнул:

– Сумасшедший, кто еще.

– Почему ты так решил? – удивилась я.

– А кто еще будет любоваться на работы твоего папочки и восхищаться, как же гениально написано? – резонно заметил дядя. – Ну а вообще это итальянский миллионер, – усмехнулся Леша. – Он как приехал, представился, так я его имя сразу «погуглил» и просто впал в афиг, – не изживала себя в его речи привычка использовать жаргонизмы. – Из семьи потомственных богачей. Получил капитал от своего папочки и продолжил семейное дело – что-то связанное с недвижимостью. Сейчас управление передал то ли детям, то ли внукам, а сам ездит по миру и занимается меценатством. Грехи, наверное, замаливает, – хмыкнул Леша.

– Какие грехи? – удивилась я.

– Раз итальянец и богатый, наверняка связан с мафией. Коза ностра и все дела, – заявил бескомпромиссно Леша. – «Крестного отца» смотрела?

– Книгу читала.

– Ну вот. Представляешь тогда, кто это?

– Глупости, – возмутилась я. – Ты как Нинка, на всех наговариваешь!

– А ты как ребенок, всему веришь, – не остался в долгу дядя. – А ну-ка, помоги накрыть на стол. Будем потчевать дорогого гостя экзотическими блюдами, – с грохотом бахнул он на стол банку с огурцами, заботливо засоленными бабушкой.

– Думаешь, ему понравится? – скептически оглядела я банку.

– Понравится – не понравится, не в этом вопрос, – подмигнул мне дядя. – Главное – удивить. Экзотика – слабость богатых, – наставительно заметил он с таким видом, будто сам ворочал миллионами. – Ибо удивить того, кто видел все – очень сложно.

– Удивляй-удивляй, – только и оставалось проворчать мне.

Я помогла дяде, а после была сослана в комнату Томаса. Честно говоря, я устала и хотела спать, но еще больше мечтала остаться с Антоном наедине.

Когда я вошла в комнату, разговор был в самом разгаре. Папа устроил презентацию Тропинину. Глаза его блестели, он махал руками, и атмосфера вокруг него была взбалмошно-вдохновенная.

– Дорогой мой друг Джино, Антон не только ценитель искусства, – вещал важно папа, – но и музыкант, и музыкант, смею заметить, популярный!

– Господин Бартолини говорит, что вкладывал деньги в музыкальную индустрию, – говорил, между тем, как робот, гнусавый переводчик, – и поэтому очень уважает музыкантов.

– Только тот, кто умеет слушать музыку, сможет стать ее проводником в человеческий мир, – поднял указательный палец вверх Томас, и на какое-то мгновение мне показалось, что музыка – это загадочное существо, живое и весьма странное. Как Тропинин. – А еще Антон талантлив, как же без этого! Поцелован музой, окрещен талантом, вдохновен самой жизнью!

Я чуть не закатила глаза. У «поцелованного музой» едва заметно дернулся уголок губ. Я, присев рядом, незаметно коснулась его крепкого предплечья. Он же в ответ сжал мою ладонь.

– Талантливый музыкант! – вскричал итальянец, и в его вроде бы добродушном взгляде появилось что-то хищное и хулиганское. Наверняка ему, человеку богатому и влиятельному,

имеющему дело с индустрией шоу-бизнеса, не раз и не два представляли «талантливых». – Великолепно! Пусть он сыграет мою любимую песню!

– Какую же, позвольте узнать? – полубопытствовал Томас. Он, как и всегда, пребывал в блаженном неведении, считая, что миллиардеру крайне интересно слушать о чьих-то талантах.

– Разумеется, «Вернись в Сорренто», – сказал гундосее, чем обычно, переводчик, выслушав эмоциональную речь итальянца. – Пойте, – велел он Тропинину. – Господин Бартолини не любит просить дважды. Но, – поднял палец вверх мужчина, копируя итальянца, – он любит караоке.

Злая Катя внутри меня заплодировала. Это ж надо, великому Кею приказали петь!

Сейчас чье-то ЧСД пойдет трещинами и развалится.

Однако лицо Антона оставалось вполне себе спокойным.

– Это, как бы сказать, – замялся на мгновение Томас, – сынок играет тяжелый рок.

Переводчик едва заметно поморщился – видимо, подобную музыку не ценил, однако вновь перевел слова папы своему шефу.

– Тяжелый рок! – восхитился господин Бартолини еще больше и даже вскочил. – Я люблю любой рок! И тяжелый и легкий! Тогда я хочу Лучо Баттисти! «Моя вольная песня»! – И он напел ее на родном языке.

– Никогда не слышал, – покаялся Томас.

И не услышишь, папочка. Кое-кто настолько высокомерен, что играет только за деньги, ха-ха.

– Но ведь прекрасного на свете так много, а я один, – сам себя оправдал папа. Он никогда не страдал заниженной самооценкой. – Сынок, споешь? И я послушаю.

– Томас, я попадаю в ваш лагерь, – отозвался Антон задумчиво. – Не знаком с творчеством Лучо Баттисти.

Гость с усмешкой посмотрел на Кея.

– Господин Бартолини крайне не любит, когда его просьбы остаются без внимания, – с явственным намеком сказал злорадно переводчик. – Вы же гениальный, – добавил он. – Наверняка сможете исполнить «Вольную песню».

– В нашем доме желание гостя – закон! – не унывал совершенно и Томас. – Сейчас мы что-нибудь придумаем, и мой итальянский друг непременно услышит то, что хочет, – и он крайне очаровательно улыбнулся своему Джино, подняв вверх оба больших пальца.

С одной стороны мне было смешно наблюдать за Антоном, но с другой – стало за него обидно. Из-за чрезмерной похвалы Томаса этот Бартолини думает, небось, что ему Кея пихают в качестве протеже – мол, посмотрите, какой он гений от рока.

– У нас же были гитары? – спросила я невинным тоном. – Может быть, Антон послушал бы эту песню в Интернете, а после спел под аккомпанементы?

– О! Именно! – щелкнул пальцами папа. – Отличная идея, Катенька!

– Гитары? Во множественном числе? – приподнял бровь Антон. Тот факт, что сейчас его талант будут эксплуатировать, он словно и не заметил.

– У нас завалялась парочка, – шепотом отвечала я, разочарованная его спокойным выражением лица. А где звездные капризы? А где знакомая презрительность во взгляде? А где мерзкая холодная улыбочка?

Катя, Катя, разве так себя ведут влюбленные девушки?

Может быть, у меня бабочки не все воскресли.

А ты злопамятнее, чем я думала. Пусть наш мальчик тут, как клоун, с гитаркой поскочет, верно?

Антон отчего-то смотрел на меня крайне насмешливо. Так, словно читал все мои мысли.

Своей гитары у нас, естественно, не было, лишь хранилось в кладовке старое электронное пианино, на котором я когда-то занималась. Зато гитары – и не только их – оставляли случайно наши нескончаемые гости, среди которых в свое время были и любители бардовской песни, и длинноволосые рокеры старой школы, и интеллигентный музыкальный квартет, и дирижер местной филармонии, и едва ли не половина его оркестра. Кого только не видел наш дом за последние пятнадцать лет.

Гости не только музицировали на радость Томасу и назло соседям, но также частенько оставляли свои драгоценные инструменты. Конечно, они за ними возвращались, ибо для музыканта нет ничего важнее, однако парочка гитар так и осталась у нас. Помнится, на одной из них не так уж и давно играл Келла, а Нинка сидела рядышком, положив ему голову на плечо, и слушала.

Господи, какое чувство дежавю... Если она сейчас увидит Антона в моем доме, ее приступ нескончаемого бешенства хватит! А после – родимчик, как говорит дядя Боря.

– Гитары... Неплохо, – кажется, что-то решил Тропинин. – Переведите, – спокойным, но не терпящим возражения тоном обратился он к помощнику господина Бартолини. Я только чуть рот не открыла от удивления. Зато Томас засиял, как начищенный пятак.

– Я подготовлюсь к выступлению – это не займет много времени. И спою.

Щуплый переводчик весьма недобро глянул на музыканта, посмеявшегося ему приказывать, но все же передал эти слова итальянцу. Тот согласно закивал.

– Господин Бартолини безмерно счастлив и ждет концерта, – пресным голосом сообщил переводчик.

– Ох, Джуно, мой друг, – флиртованно положил итальянцу на плечо руку Томас. – Нас ожидает чудное квартирное выступление. Только вот наверняка нам начнут мешать. Знаете ли, Джуно, у нас крайне чувствительные соседи! – стал жаловаться Томас. В последнее время, после того, как его в очередной раз называли сатанистом, а нашу квартиру – берлогой ужаса, это стало его коньком. – Не знаю, как в Европе, в благословенной солнечной Италии, а вот в нашей замшелой России к искусству относятся с неуважением и предубеждением. Особенно если искусство выходит за границы рамок их сознания... Ну или просто громкое.

– Ты серьезно сделаешь это? – тем временем шепнула я Тропинину, ожидая, честно говоря, отказа.

– Я музыкант, – тихо ответил он мне, беря за руку и вежливо кивая миллионеру, словно обещая, что желание того исполнится.

Мы вышли в коридор.

– Показывай свои гитары, – решительно произнес Антон, глядя на меня, не мигая, как кошка на добычу. Стояли мы почти вплотную.

– Они не мои. Их, знаешь ли, у нас забыли. А лежат они в кладовке, – улыбнулась я.

– Жестоко вы с инструментами, – тронула его губы легкая улыбка-усмешка, и я не знала, шутит ли он или говорит всерьез. – Веди, Катя.

– Следуй за мной, мой рыцарь, – фыркнула я, отчего-то избегая смотреть парню в глаза. Как будто знала – посмотрю один раз и не смогу отвести взгляда; буду очарована им и сделаю все, что он захочет.

Около незаметной двери, ведущей в крохотную кладовую, более похожую на свалку

ненужных вещей, куда я старалась без надобности не заглядывать, боясь расчихаться от пыли, Антон внезапно остановил меня и, положив руки на плечи, поцеловал – коротко, неспешно, просто, без изысков, но разбудив во мне миллион чувств. Губы горели, а в руках появилась слабость. И я хотела продолжения, но Антон уже отстранился с довольным лицом, как будто бы зная, что происходит со мной, и уверенно открыл дверь.

Вот же сволочь! Он меня дразнит!

– Прошу, девочка моя, – галантно пригласил меня войти первой Антон. – Тебе понравится моя импровизация, – добавил он зачем-то и ласково провел рукой по моей щеке. Я хотела коснуться его лица в ответ – просто чтобы понять, что он – не фантом, не призрак, не видение, но... Нам помешали.

За спинами раздалось выразительное цоканье. Неподалеку от нас, прислонившись спиной к косяку и скрестив на груди руки, стоял в весьма выразительной позе Алексей. В глазах его было то ли осуждение, то ли возмущение с толикой восхищения.

– Чего? – смутилась я – взгляд дядюшки едва ли не сверлил насквозь.

– Того, – передразнил меня он. – Вот, значит, как. В кладовку пойти решили. Для импровизаций. Больше мест никаких нет, как кладовка.

– Ты о чем? – не сразу поняла я.

– Да так, о своем, о девичьем, блин. Борщ вам сварил, не знаю, как предложить. – Леша театрально вздохнул. – Катя, у тебя комната свободна, там бы могли... кхм... обосноваться, импровизировать вволю, – покачал головой дядя. – Зачем в кладовке-то прячетесь?

– Не прячемся мы там!

Я покраснела, поняв, на что так усиленно намекает родной дядя. Лицо же Тропинина осталось невозмутимым; более того, мне показалось, что ситуация его искренне потешает.

– Ладно, Катька, она как ребенок, но ты-то, друг мой, уже взрослый человек, опытом обремененный, так сказать, – укоризненно обратился дядя уже к Антону, до которого смысл его слов дошел гораздо быстрее. – Объяснил бы, что в кладовке – тесно и неудобно. И жутко пыльно. Там ведь наша королевшна не изволит убираться. Это я тут вместо прислуги, – не смог не добавить Леша, искренне считающий, что весь дом держится исключительно на его плечах, тех самых, на которых накинута очередной брендовый пиджак. – И готовлю, и убираю, и скоро, наверное, трусы за ними всеми стирать начну. На руках. Потому что машинка барахлит.

– Леша, да хватит уже, – рассердилась я. – Если я отсутствовала некоторое время, это не значит, что я ничего не делаю!

– Ой, Катька, не причитай. И вообще, Антон, – не слушая меня, обратился к парню дядя. В голосе его сквозило неприкрытое ехидство. – Я, конечно, все понимаю, дело молодое, да и я не безгрешен, и экстрим уважаю, но ты не борзей так. Ее отец хоть и лох, – обласкал он старшего брата, как мог, – но дома, да и я, как-никак, дядя родной. Я не то, чтобы поборничек нравственности, – хмыкнул Леша, совершая странные пасы в воздухе одной рукой, – но это же наша Катька. За ней только глаз да глаз.

– Я понял, – чуть склонил голову Антон. Нет, серьезно, ему это нравится! Его это веселит!

– Леша, – каменным голосом произнесла я, устав слушать этот бред. – Мы пришли за гитарой.

– Как же, – не поверил, естественно, тот. – Теперь это так называется, – растянулись его губы в ехиднейшей из улыбочек, – поиграть на гитаре. Постучать ложками. Погреметь

маракасами. – И он сам, довольный своей шуткой, заржал.

– У тебя совсем ум за разум заехал, – устало проговорила я. – Мы пришли за гитарой. Потому что итальянский гость попросил Антона ему сыграть.

– Отмазывайся-отмазывайся, – явно не поверил родственник и, окинув нас последним подозрительным взглядом, ушел.

– А мне нравится ход мыслей твоего дяди, – шепнул мне на ухо Антон и зачем-то подул сзади на шею – я высоко заколола волосы заколкой, и теперь лишь несколько тонких прядей обрамляли лицо и касались скул.

– Вы оба – идиоты, – прошипела я, резко обернувшись. – Иди и выбирай гитару.

– А если у меня аллергия на пыль? – веселился он, явно припомнив слова дяди.

– У тебя она на лимоны была! – припомнила я.

– Моя самая большая аллергия – на глупость, – шепнул мне Кей и тихо засмеялся.

– У тебя с печенью все в порядке? – буркнула я. – Говорят, когда аллергия, с нею проблемы. Пьете, господин Тропинин? Или наркотиками балуетесь? – положила я ему руку на плечо. Никогда не прощу ему, что он курил травку! И подозреваю, не один раз, и не только ее!

Господи, Катя, это музыканты. Они на воде сидеть должны, что ли?

Ну не на кокаине же!

– Мне так нравится твоя заботливость, – я не знала, шутит ли он, или говорит серьезно.

– Выбирай уже гитару, Антон, – вздохнула я. В кладовке их было две. Поскольку в гитарах я не разбиралась, они казались мне похожими, но вот Тропинин, видимо, знал в них толк, ибо заинтересованно сначала взял в руки одну, затем вторую. Провел пальцами по струнам, извлекая звук, осмотрел внимательно, почти с любовью.

Первую, с корпусом из черного дерева, на котором был изображен аэрографический паук с ангельскими крыльями, он со вздохом отложил в сторону. Вторую – более простую на вид, даже чуть потрепанную, с корпусом из красного дерева, на котором были чьей-то щедрой рукой нацарапаны значки анархии, портрет девушки и пара бунтарских надписей, он из рук больше не выпустил – выбрал ее.

– Паук не понравился? – уже в своей комнате, стоя перед сидящим на моем диване Антоном, легкомысленно спросила я. Мне казалось, он выберет первый инструмент, более стильный и новый.

– Никогда не играл на Yairi, – признался светловолосый парень.

– Что это? – заинтересовалась я, отодвигая ногой стопку манги под стол. Отчего-то не хотелось, чтобы аккуратный Антон, у которого в комнате царил порядок, подумал, что мы с Нелли – запущенные неряхи.

– Японская компания, производящая гитары. Их мало экспортируют из Японии, поэтому достать сложновато, – пояснил Тропинин. Его взгляд был полон восхищения, да и вообще, как я потом заметила, к гитарам он относился куда более бережно, нежели к людям, и это даже стало моим маленьким глупым поводом для ревности.

– Но вообще любопытно, – продолжал он задумчиво. – Видимо, я не скоро перестану поражаться твоему дому, Катя.

– Поясни, – потребовала я.

– У вас в чулане...

– Кладовке, – поправила я его, но Тропинин будто не слышал.

– ... хранятся две потрясающие гитары, – он почти нежно провел ладонью по грифу. –

Yairi и Taylor. Отменные модели. Просто лежат. Без дела, Катя. Понимаешь? Просто. Лежат. Без. Дела. В чулане. А, черт, это же... – он замолчал, видимо, не желая говорить при мне нецензурные выражения – такой невыносимой казалась ему эта крамольная мысль.

Я села рядом.

– А если обе гитары такие классные, как ты выбрал?

– На «тейлоре» играл какой-то мудак, – самодовольно заявил Антон.

– Почему же? – заинтересовалась я.

– Малышка поцарапана.

– Просто ее забыли у нас лет так пять назад, – улыбнулась я ему нежно и слегка помрачнела. Лица того, кто оставил эту гитару, я и не помнила, зато помнила тот день, когда он появился в нашем доме. Но об этом я не хотела сейчас и думать. – И на ней много кто играл.

– Не понимаю, как можно забыть гитару. Я не доверяю таким людям. Оставить гитару – это как оставить... – он вновь замолчал, зачарованно смотря на гитару.

– Животное? – предположила я. – Предать его?

– Предать можно равного или вышестоящего. Инструмент – нечто больше, чем животное. Это продолжение музыканта, – пояснил мне Антон совершенно серьезным голосом свою позицию. – Это равносильно предательству самого себя.

Тропинин улыбнулся – и опять я не понимала, шутит он или говорит всерьез. Все-таки мне предстоит еще многое узнать об этом человеке.

И я хочу узнать его так хорошо, как он знает себя.

Несколько минут Антон увлеченно настраивал гитару на слух. А я искала нужную песню в Интернете. Вскоре мой палец коснулся кнопки «плей», и комната наполнилась приятной музыкой. «Моя вольная песня» была довольно старой, но красота ее за годы существования никуда, естественно, не делась.

Антон слушал внимательно, и мне даже казалось, что видит он не кадры из видео, а ноты, вылетающие за пределы экрана.

Мы прослушали песню трижды, без остановок, и за это время мой светловолосый музыкант ни разу ничего не сказал. Он то ли запоминал, то ли пытался вникнуть – но не в слова, а в само звучание, в его глубинный эмоциональный уровень.

На его лбу появились едва заметные морщинки, в глазах – новое незнакомое выражение. В эти минуты мне открывался совершенно другой человек, тот, кого я не видела в незаметном рассудительном Антоне, не замечала и в эпатажном самовлюбленном Кее. Да, я прекрасно знала, что этот человек – музыкант, что он отлично играет на нескольких инструментах, здорово поет, много репетирует, выступает, записывается в студии, но я не осознавала, наверное, насколько это все важно для Тропинина, насколько он сам состоит из музыки. Я воспринимала его сквозь призму отношений. И он не давал возможности начать воспринимать его как-либо иначе – и только сейчас стал открываться.

Кто он на самом деле?

Эй, Кейтон, я узнаю о тебе все.

– Итальянский не потяну, – честно сообщил парень, нажав на «стоп». – Не знаю его.

– Может, будешь петь на русском? – предложила я, вспомнив, как ловко он придумал «Колыбельную» в автомобиле, когда они вместе с Келлой везли меня и пьяную Нинку домой.

– Не буду, – отрезал Антон. – Не собираюсь поганить хорошую вещь.

– Что значит поганить? – нахмурилась я. – Ты же пишешь стихи для песен, почему бы

тебе...

– Нет, – покачал он головой. – Эта песня хороша, хоть и звучание старое, и стиль не мой, но в ней есть индивидуальность. Я не повторяю. А копировать не желаю.

Он вдруг стал наигрывать мелодию на гитаре – все-таки запомнил. Или пропустил сквозь себя. Не знаю, как называется это у музыкантов. В музыкальной школе я всегда зубрила ноты и могла сносно по ним играть в конце обучения, но вот на слух подбирала отвратительно.

– Ты знаешь, чего он ждет? – вдруг спросил у меня Тропинин, резко заглушив ребром ладони струны.

– Песню? – непонимающе спросила я.

– Нет, – он прикрыл ресницы, как будто прислушиваясь к себе. – Он – слушатель. А слушатели ждут не песен. Вернее, не только их.

– А чего же? – приподняла я бровь.

– Они ждут эмоций, – с полуулыбкой отозвался Кейтон. – Эмоций, которые подарит или песня, или выступление, или игра – как тебе будет угодно. Ты можешь исполнить композицию идеально с технической точки зрения, но вот тут, – он легонько коснулся груди с левой стороны, – все останется по-прежнему. А можешь сыграть так, что адреналин зашкалит за все пределы. И внутри все рванет. Каждая жила, каждая вена. Я называю это пробуждение, – продолжал парень с легкой душой, чем-то вновь неуловимо напоминая мне Томаса. – Многие не могут самостоятельно пробудить в себе эмоции, чувства, память. И им нужны стимуляторы. Им нужны мы. Те, кто может катализировать процесс пробуждения.

Он говорил с таким убеждением, так захватывающе, волнительно, с едва заметным надрывом, что я буквально заслушалась его звучным голосом с интонациями человека, увлеченного своим делом почти до болезненной тонкой грани, неистового и идущего вперед, несмотря ни на что.

– Я хочу заставить этого итальянца, – он замолчал, подыскивая слово, – проснуться.

– Зачем?

– Это ведь интересно. Понять, как и чем можно зацепить человека. Да и я не делаю ничего наполовину. Он хочет, чтобы я выступил, и я покажу, на что способен.

В эти минуты Антон еще больше притягивал меня к себе, но не внешностью – внутренней энергетикой.

– Закрой глаза, – попросил он вдруг.

– Что? – не поняла я.

– Закрой-закрой, – сказал он и, как в награду – себе, не мне, поцеловал в щеку. Такое простое действие, почти неуловимое прикосновение – и меня прошла волна воздушной нежности.

– Сядь удобно. Расслабься. Отпусти мысли, – словно гипнотизер, говорил он. – И просто слушай.

Я откинулась на спинку дивана, а он взял ноутбук с моих колен и вновь включил песню, держа меня за руку. То ли виною стали его слова, полные убежденности, то ли сам факт его присутствия, то ли накопившаяся физическая и эмоциональная усталость, но в какой-то момент мне показалось, что я иду по бесконечному пляжу с белым песком и спокойным морем, ленивые волны которого накатывают на берег. Ветер развеивает волосы. И так легко вдыхать соленый теплый воздух полной грудью. А рядом – Антон.

Музыка закончилась внезапно – Тропинин просто выключил ее на середине. И сел

напротив – так, что мои вытянутые ноги оказались между его коленями, на которых он стоял, опираясь одной рукой о спинку дивана и склонившись ко мне.

– Ты чего? – провела я ладонью по его груди и сама смутилась от такой близости.

– Что ты почувствовала? – заглянул он мне в глаза. Кажется, блондин ждал от меня чего-то. – Какой для тебя была песня? Какие эмоции вызывала?

– Мне казалось, я стою на берегу моря, – смущенно призналась я. – И было солнечно и... тепло. Безмятежно. Зачем тебе все это, Антош?

– Ты доказала – в очередной раз – музыка рождает эмоции.

Он коснулся своими губами моих и замер – возможно, ждал, что я начну поцелуй или оттолкну, но нас опять прервали, причем очень неожиданно.

Дверь распахнулась, как от пинка. В проеме появилась Нелли с покрасневшими щеками.

– А вот и я! – заорала младшая сестра радостно. – Ты вернулась, Ка... – Тут она заметила нас на диване, неправильно что-то поняла, а потому ее фраза оборвалась на полуслове. Антон тяжело вздохнул и просто сел рядом.

– Вы могли бы закрыть дверь! – заверещала Нелли на высокой ноте, делая вид, что закрывает глаза ладонью. – Ксо! Ой, Эл, то есть Антон, то есть... – Она замолчала потрясенно, не видя моих знаков покинуть комнату.

– Что там опять? – как на зло, проходил мимо Алексей.

– Я зашла, а они тут... – нажаловалась сестра.

– Что – тут? – посмотрел на нас заинтересованно дядя. – Голубки все не унимаются? Гитару еще не расчехлили? – вспомнил он мои слова о том, что мы с Антоном ищем гитару.

– Любят друг друга они тут, – заявила Нелли нагло и с ухмылочкой уставилась на нас, явно проверяя реакцию.

– О, дитя, что ты несешь, – закатил глаза Леша. – Но на всякий случай – закрывайте двери. Она еще слишком мала, чтобы быть свидетелем некоторых сцен.

– Отстаньте от нас! – вскочила я на ноги. – Что вы несете! Мы тут просто общались! Антон готовится к выступлению!

Алексей с хохотом удалился, Нелька, бросив рюкзак в угол комнаты, заявила:

– А я знаю, что ты – музыкант из НК!!! С тебя теперь билеты на все концерты, мерч и автографы всей группы!

А после, радостно смеясь, убежала на кухню следом за дядей.

– Ты влип, Тропинин, – слабо улыбнулась я. – Нелька очень жадная.

– Я все слышу! – раздалось из коридора. – Бака!

– Ей повезло, что я щедр, – не расстроился Антон.

– Я прослежу, чтобы она никому ничего не сболтнула, – пообещала я, зная, как инкогнито важно для группы, и напомнила:

– Нам пора идти к гостю. Ты решил, что будешь делать? – спросила я.

– Все просто. Он хочет вольной песни – пусть сам исполняет ее. Я, так и быть, буду аккомпанировать.

Глаза у меня расширились. Лицо же Антона, напротив, светилось самодовольством. О, Господи, что за характер! Он везде сам себе придумывает сложности!

– Кей, – по старой привычке назвала я его сценическим псевдонимом. – Он сказал, чтобы ты спел.

– Людям свойственно ошибаться. Пойдем, – схватил он меня за руку.

Наше появление итальянца весьма обрадовало, впрочем, как и Томаса, и лишь переводчик был недоволен, а, может быть, его лицо всегда казалось постным.

– Господин Бартолини, – произнес Тропинин официально. Холодные серые глаза столкнулись с обжигающе-кариими. – Я познакомился с песней, о которой вы говорили. С удовольствием сыграю ее. А петь предлагаю вам.

– Вы знаете, господа, это не совсем то, что подходит господину Бартолини, – заявил тотчас переводчик.

– Переводите, – стоял на своем Тропинин.

– Сынок, ты уверен? – забеспокоился отчего-то и Томас. Антон кивнул.

Переводчик посмотрел на него, как на сумасшедшего, одернул руку, которая, видимо, тянулась к виску, чтобы покрутить около него, но послушно сказал что-то итальянцу. Тот удивленно вскинул угольные брови.

– Я? – ткнул он себе в грудь указательным пальцем, при этом смешно оттопырив мизинец. В лучах электрического света засияли бриллианты его перстней. – Я должен петь? – и он гомерически расхохотался. Уголок губ переводчика тоже дернулся в усмешечке. Мол, давай, дурень, зли господина Бартолини, посмотрим, что из этого выйдет.

– Не хочу портить великий итальянский язык своим произношением, – не смутился Тропинин. Он железный человек, что ли? Или титановый? Ничем не пробить.

– Но я хотел послушать вас, синьор музыкант, – с огромным любопытством посмотрел на Кея господин Бартолини. – Как пою я, мне известно. А как вы – совсем нет.

– Могу включить вам свою любую песню, – парировал тот. – Не считите за дерзость. Но мы можем поэкспериментировать. Я буду играть вам эту песню столько, сколько вы захотите, пока на пальцах не появится кровь, – несколько пафосно, что, впрочем, Кею было свойственно, заявил фронтмен знаменитой группы, усаживаясь на угол кресла, которое в обители Томаса больше напоминало алое бесформенное нечто со спинкой и подлокотниками.

Переводчик почти предвкушал, как господин Бартолини разразится гневными высказываниями, но этого, к счастью (или, к сожалению) не случилось.

– Спою! – махнул рукой миллионер, поразив и меня, и переводчика, и только Томас и Кей, казалось, ждали этих слов. – Давайте же, играйте мне на своей гитаре! Но, рагаццо, вам придется долго играть – пока не устану, – и тут он вновь разразился смехом. Происходящее его крайне забавляло. – А если будете играть плохо... – Тут он многозначительно замолчал, поцокав языком и качнув указательным пальцем, словно в предостережение.

– Господин Бартолини очень любит петь, – поделился своими наблюдениями злорадный переводчик. – Вам придется долго аккомпанировать ему.

Антон равнодушно пожал плечами. Ему было все равно.

– Я пою – ты играешь, – повторил гость. Ему было крайне любопытно. И, похоже, ничего особенного от «сынка» маститого художника он не ждал. Больше хотел развлечься.

– Я играю – вы поете, – согласился молодой человек.

На гитаре он аккомпанировал весьма неплохо, но делал это как-то аккуратно, отстранившись, словно стараясь заглушить самого себя, не дать своему внутреннему «я» влиять на звучание, и сохраняя лишь техничность. Итальянец же пел звучно, громко, крайне эмоционально, не всегда попадая в ноты и нещадно фальшивя. Томаса, впрочем, это не смущало, и он даже попытался что-то подпевать, вернее, мычать, улыбаясь и махая руками. На удивление кислый переводчик тоже включился в сие действо – возможно, считал это

частью своей работы: он стал притоптывать то одной ногой, то другой и тоненьким голоском подвывать в припевах, вторя господину Бартолини. Выглядело все это дико потешно, и как Тропинину удавалось сохранить спокойное выражение лица, а не засмеяться в голос, я ума приложить не могла.

В импровизированном дуэте за технику отвечал Антон, а за передачу чувств – господин Бартолини. Я представила этих двоих стоящими спина к спине на какой-нибудь залитой солнцем площади в Риме или в Неаполе, с лежащей неподалеку от них шапкой, в которую прохожие кидали монетки, и мне стало смешно.

– Я всегда говорил, что искусство объединяет! – вскричал Томас. Локтем он задел стеллаж и оттуда посыпались, как горох, банки с красками и мастихины. Пришлось собирать их и ставить на место. При этом мне на голову едва не упал этюдник.

– Спасибо, Катенька, – как маленькую, пощипал меня Томас за щеку вымазанными маслянистой синей краской пальцами.

– Ты что делаешь! – возмутилась я, касаясь щеки – так и есть, испачкал. А масляная краска оттирается просто ужасно – это я отлично знала с детства. Именно поэтому вся наша семья и не любила, чтобы Томас писал дома – всюду тотчас появлялась краска, и ее приходилось оттирать ацетоном или керосином.

– О, я случайно, – радостно улыбнулся мне отец и попытался оттереть пятно какой-то подозрительно пахнущей тряпкой, но я вовремя отшатнулась. Лучше подсолнечным маслом ототру.

Вид при этом у Томаса был такой извиняющийся, что я в очередной раз поняла, что просто не могу злиться на него. И я примирительно улыбнулась в ответ.

Мне показалось, что на меня смотрят, но когда я оглянулась на гостей, ничего подозрительного не заметила.

– Другое! – махнул рукой итальянский миллиардер. – Рагаццо неплохо играет, должен признать! Хочу Франко Боттиато!

Франко Боттиато Антон, видимо, в отличие от меня, знал хорошо. Когда я вернулась из ванной комнаты, где приводила себя в порядок, то господин Бартолини уже во все горло исполнял известнейшую песню Адриано Челентано, делая это громко и с чувством. Глаза его блестели – то ли от задора, то ли от алкоголя. Жесты были по-итальянски широки и эмоциональны. У Тропинина же выражение лица не менялось – он почти равнодушно играл, не глядя ни на людей, ни на музыкальный инструмент. Так играют музыканты в ресторанах – отстраненно и холодно.

Я села рядом. Антон повернул голову в мою сторону и чуть улыбнулся, а я отчего-то засмотрелась на его ловкие пальцы, без особого труда извлекающие из оставленной кем-то гитары звуки.

– Сеньор Караоке! Молодец! Ха-ха-ха! А давай-ка, рагацци, – перешел на «ты» миллиардер, – еще раз «Мою свободную песню»! Повтори!

У сеньора Караоке чуть дернулся уголок губ, но он сдержался, вновь удивляя меня выдержкой.

– Что тут происходит? – заглянула с интересом в комнату и Нелли. До этого она крутилась около Лешы. – У вас караоке-бар? Я тоже хочу петь! Ой, – увидев Антона, почему-то смутилась сестра, поняв, что он и есть караоке. А после поздоровалась на английском. Гости никогда ее не смущали – Нелли выросла в обстановке постоянного потока знакомых и незнакомых людей в доме.

Пожилой миллиардер помахал Нелли, и та, не стесняясь, помахала ему в ответ, а после подскочила к Томасу и принялась усердно ему что-то втолковывать. Кажется, Нелли хотела, чтобы папа отпустил ее на аниме-фестиваль в соседний город вместе с подружками. Тот, естественно, согласился, словно забыв, сколько сестре лет, и я покрутила пальцем у виска и замотала головой, а после пробралась к ним, боясь помешать музицированию, и принялась втолковывать Томасу, что Нелли отпускать одну – опасно.

Господин Бартолини вдруг глянул на нас странным внимательным взглядом, в котором была отстраненная теплота, но я так и не поняла, почему он так на нас смотрит.

А Антон, как оказалось, понял.

И дальше случилось нечто странное.

– Другое, – повелительно махнул рукой итальянец, отчего-то расхотев петь свою любимую песню, и назвал что-то очередное типично итальянское, популярное и зажигательное.

Но то ли итальянцу не стоило быть столь небрежным по отношению к Антону, то ли таков был первоначальный план моего музыканта, но переходить к новому заказу сеньор Караоке не стал. Гость закончил петь, а Антон все играл и играл «Мою свободную песню».

– Зависли? – осведомился порядком взмокший от странных танцев переводчик.

– Пойте, – на английском с улыбкой сказал Антон, глядя на итальянца. Тот скептически посмотрел на него.

– Пойте. Я ведь играю.

– Угомонись, рагаццо, – раздраженно сказал итальянец, пригрозив пальцем, и в очередной раз засияли бриллианты.

– Вы поете – я играю, я играю – вы поете, – еще шире улыбнулся Тропинин.

– Антон, – шепнула я, подходя к нему, – чего ты хочешь добиться?

– Все в порядке, – ответил он мне.

Гость резко поднял руку открытой ладонью вверх и раздраженно помахал.

– Господин Бартолини просит вас поторопиться, – введливым голосом сообщил переводчик. Одновременно с ним завопила в углу Нелли – Томас все-таки, несмотря на мои протесты, дал ей согласие на поездку.

– Что вы делаете? – зашипел переводчик. – Не действуйте господину Бартолини на нервы!

Итальянец хлопнул ладонью по колену, вскочил и направился к двери. Его помощник, кинув на Кея злобный взгляд, бросился следом, явно намереваясь успеть открыть перед боссом дверь, однако вдруг мужчина остановился. Обернулся резко, прищурившись, глядя на Тропинина, и разразился бранной (наверное) речью – понять, что он там говорил, мы не могли, ибо переводчик молчал.

А музыка все равно не смолкала.

И итальянец вдруг замолчал, усмехнулся горько, слушая гитару, и стал подпевать. И он пел, и пел, и пел, и уже мы вчетвером с сестрой, отцом и переводчиком смотрели на него удивленно во все глаза, не понимая, что вообще происходит. И даже соседи уже заподозрили неладное и стучали по батареям, но для славного дуэта господин Бартолини – Антон никого словно и не существовало.

Когда на глазах папиного гостя появились, заблестели, как эти самые бриллианты, слезы, музыкант словно преобразился. Антон словно ожил, нырнул в музыку, как в любимую воду, и даже стал насвистывать мелодию – это у него получалось здорово. Голос мужчины

срывался, но петь он не переставал, кажется, стал еще громче. И странно было видеть на лице такого вот человека – почти небожителя! – слезы! А Кей не останавливался и играл, играл, играл. А тот, кто заказывал музыку – плакал.

– Сколько же можно! – вскричал Томас. Ему явно было жаль своего дорогого гостя. Ему вообще постоянно всех было жалко. Кроме дочери родной! – Джуно, успокойтесь!

Увы, увещевания на того не подействовали, да и робкие попытки переводчика успокоить господина Бартолини кончились провалом.

Атмосфера накалялась. Пение больше походило на хрипы и стоны, а Антон все играл и играл, словно происходящее его совсем не трогало. Он жил лишь этой музыкой, и ничего больше не имело значения.

– Да хватит уже! – прикрикнула я. Итальянца было ужасно жаль. Сейчас важный миллионер напоминал плачущего ребенка. И все мы, честно говоря, откровенно растерялись. – Антон, хватит, – попросила я его тихо, подходя.

Тропинин лишь улыбнулся мне. В его улыбке не было злорадства или издевательства, отнюдь, было в ней нечто теплое и отчего-то грустное.

– Пожалуйста, хватит, – мягко повторила я, положив свою ладонь на пальцы руки, зажимающие струны.

Я не думала, что это вызовет эффект, и готовилась к тому, что Антон меня оттолкнет, но он все же прекратил играть.

Господин Бартолини тоже внезапно замолчал. Темные глаза его влажно блестели, и я, сбегав за салфетками, вернулась и протянула их итальянцу. Тот с благодарностью принял их, отчего-то совершенно не стесняясь своих эмоций. Как ни странно, но на Кея он не сердился.

– Ох, моя дорогая, – благодарно сжал он мне руку. – Спасибо. Вы все-таки так напоминаете мою несчастную Доминику.

– Кто такая Доминика? – громким шепотом, словно забыв, что гость не понимает по-русски, спросил Томас у переводчика.

– Единственная дочь господина Бартолини от любимой женщины, – скорбно поведал тот. – Ушла на небеса молодой и прекрасной. У господина Бартолини остались лишь сыновья. От нелюбимой женщины, – зачем-то уточнил мужчина. Наверное, счел это важным.

– Прошу простить мою несдержанность! – вскричал гость. – Но эту песню мы так часто пели с Доминикой! Моя Доминика была музыкантом. Она играла на гитаре и так красиво пела – как ангел! И тут нахлынули воспоминания, а рагаццо все играл, и играл, и играл. И во мне что-то бурлило, варилось и кипело! Сначала я злился – что за глупость, какое неуважение, а потом вспомнил, как моя Доминика играла для меня, и я пел. И последнюю песню, которую я слышал от нее – была именно «Моя свободная песня». Ах, что за совпадения... А я и забыл. Совсем забыл!

Он вдруг заключил Антона в тесные объятия с истинно итальянской страстью, а после, крепко схватив за плечи, заговорил что-то быстро, глядя прямо в глаза.

– Господин Бартолини говорит, что вы смогли его удивить, – тут же подключился переводчик, который уже пришел в себя после увиденного. – Он не думал, что вы вызовете в нем эмоции. Господин Бартолини благодарит вас за удовольствие – в последнее время ему слишком много приходилось сдерживаться.

Итальянец еще долго что-то говорил Антону, хлопал по плечам, а после сделала повелительный жест переводчику, и тот спешно достал визитку – черную, с золотым тиснением, и вручил ее Тропинину.

Просто удивительно.

– Я их на кухне жду, как поваренок. А они тут гала-концерт устроили, – поцокал языком дядя, засунувший голову в комнату. – А я вообще-то должен быть на тусовке. На модном показе. А вместо этого слушал вас и стук по трубам. Удивительно, но соседи сегодня не пришли в гости.

– Наверное, охраны господина Бартолини испугались, – хмыкнула я, вспомнив здоровенных мужиков.

Томас, гости и Алексей прошли на кухню, а я задержалась и взяла за руку Антона – чтобы остановить.

– Что такое? – с рассеянной улыбкой спросил он.

– Как ты это сделал? – прямо спросила я, убедившись, что все ушли и не слышат нас.

– Что «это»?

– Заставил этого человека плакать, – посмотрела я ему в лицо. – Я вообще не поняла, что произошло. Откуда ты знал про его дочь?

– Он говорил, что ты похожа на его дочь Доминику, – отвечал Тропинин. – А я просто погуглил этого славного господина. Он – публичная личность. Его дочь была музыкантом и погибла много лет назад.

– Печально. Но откуда ты знал, что именно эту песню господин Бартолини с ней пел?

– Откуда я мог знать? – пожал плечами Антон, порядком, кажется, утомленный. – Просто... Мне показалось, что между этой песней и его дочерью есть связь. В самом начале подумалось – если его дочь музыкант, значит, у него есть песни, которые он ассоциирует с ней. Но когда звучала эта «Свободная песня», он изредка смотрел на тебя, Катя. Ты как раз мило общалась с отцом. Когда он вновь заказал ее, – тут Тропинин усмехнулся – наверняка караоке забыть не может, – пришла твоя сестра, и он тоскливо смотрел на нее и Томаса.

– И ты только поэтому понял, что нужно играть эту песню без перерыва? – подняла я на него изумленный взгляд.

– У него выражение лица переменилось, и он резко попросил прекратить играть. Как будто ему мучительно было, – задумчиво потер указательным пальцем подбородок Антон. – А там, где тонко, нужно рвать, верно?

– Ты то ли тонкий психолог, то ли тонкий тролль, – ткнула я ему кулаком в солнечное сплетение, а он поймал мою руку и поцеловал в запястье – вышло это очень изысканно, так, будто мы с ним оказались в высшем обществе какой-нибудь Викторианской эпохи.

– Никак не могу понять, что за духи, – вдруг сказал Тропинин.

– Какие духи?

– Твои.

– Сейчас на мне нет духов, – сообщила я.

– А чем пахнет запястье? – сощурился он – не верит, что ли?

Я высвободила руку и поднесла к носу. Никаких духов, естественно, не почуяла.

– Ты подозрительный, – сообщила я ему.

– Я потрясающий, – парировал Кейтон, приобнял меня и повел на кухню, где было весьма оживленно. Господин Бартолини успокоился и, казалось, вновь стал хозяином положения – он сидел во главе стола, взирая на блюда рук Алексея. По одну сторону от него сидел Томас, по другую – помощник, который, судя по всему, был голоден. Напротив господина Бартолини расположилась Нелька, держа в руках свою огромную любимую розовую кружку. Два стула были пустыми – видимо, предполагалось, что за стол сядем и мы.

– А вот и последняя партия. Садитесь жрать, пожалуйста, – весело отрапортовал дядя и поклонился. Томас, пока гости не видели, показал ему кулак. Тот соорудил невинную рожу и сделал вид, что сплюнул.

– Алексей, – укоризненно проговорил Томас.

– Да-да, мой старший брат?

– Брат? – удивленно произнес переводчик, расслабляя галстук на шее и жадно глядя на накрытый стол. – Я думал, это ваш домработник.

Такого дядя вынести не мог. Он фыркнул и удалился, а потому за обслуживающий персонал остались по методу половой дискриминации мы с Нелькой.

Второй удар по самолюбию Алексея переводчик нанес, попробовав солянку:

– М-м-м, – причмокнул он, – вкус из детства! Моя русская бабушка готовила точно так же! Вы повар? – вежливо обратился он к заглянувшему на кухню Алексею.

Того перекосило. Нелли закрыла рот ладонью, чтобы не расхохотаться. Томас улыбнулся – торжествующе.

– Я раб, – отвечал побелевший от ярости дядя. – Бесправный. Если у вас будет плохое настроение, можете меня пнуть. А сейчас прошу простить. Мою жалкую персону ждут в местном клубе любителей боли и унижений. Спешу откланяться, – и дядя исчез.

– У моего брата весьма специфическое чувство юмора, – попытался сгладить ситуацию Томас. Итальянец стал, бурно жестикулируя, что-то рассказывать, и его помощник принялся переводить, изредка тоскливо поглядывая на тарелки. Отец и сестра смеялись. А я просто наслаждалась тем, что Антон – рядом и все, кажется, хорошо.

– Это просто сумасшедший вечер, – улыбнулась я, не веря, что все это происходит со мной.

– Я бы предпочел сумасшедшую ночь, – вырвалось у Антона.

– Что-что? – не расслышала я, но он лишь поцеловал меня в щеку. Это легкое, почти невинное прикосновение губами длилось чуть дольше, чем того требовали приличия.

Вечер прошел на довольно позитивной ноте. Господин Бартолини попробовал все, что было на столе, то и дело раздражаясь громкими восклицаниями, которые его помощник едва успевал переводить. А после пары бокалов домашнего южного вина, которое Томасу недавно презентовал его товарищ, живший на берегу моря, итальянец и вовсе подобрел, превратившись в такого доброго богатого дядюшку.

Правда, как он уезжал вместе со своей охраной, я не застала – уснула, уронив голову на плечо Антону – немного вина, усталость и миллион эмоций, подаренных сегодняшним днем, сделали свое дело.

Спала я без снов, спокойно и, когда распахнула глаза, поняла, что уже утро – за окном дребезжит бледно-розовый, с золотыми прожилками, рассвет, а я нахожусь в своей комнате, заботливо укрытая тонким пледом. Рядом сопит Нелли, за распахнутым настежь окном шумит утренний ветер и бодро чирикают птички, а косые оранжевые лучи солнца падают на стену.

На душе было легко и немного волнительно.словно груз, висевший за моими плечами, пал.

Я в недоумении потянулась, разминая затекшие мышцы. На мне все еще были джинсы и майка.

Интересно, кто был так добр, что отнес меня с кухни в комнату? Неужели Антон?

Едва я подумала о нем, как поняла, что улыбаюсь.

Я приняла душ, вымыла голову и, обвязав вокруг нее полотенце, пошла на кухню за порцией кофе. Там я встретила Томаса, который, судя по всему, еще не ложился спать.

– Катенька, – улыбнулся он мне. – Рано встала. Выспалась?

– Выспалась, – отозвалась я, доставая медную турку. Нежиться в кровати действительно больше не хотелось. Зато откуда-то появилась уйма энергии, которую хотелось потратить на что-нибудь полезное.

– Влюбленные спят мало, – подмигнул он мне.

– И всем известно, почему, – раздался голос дяди, который только что вернулся домой со своей очередной творческой тусовки.

– Почему? – не подумав, спросила я.

– Времени нет, – ухмыльнулся он. – Томас, воспитывай дочь лучше! Она с этим твоим «сынком» вчера чуть в кладовке... – И дядя многозначительно замолчал.

– Что – чуть в кладовке? – заинтересовался папа.

– Чуть оркестр не устроила, – насмешливо посмотрел на меня Леша.

– Не говори глупости, – мне было так хорошо на душе, что было лень сердиться. – Что за пошлые намеки? Если ты в своем возрасте с первого и даже с третьего раза понять не можешь, что мы искали гитару, то что с тобой будет через десять лет? А через двадцать?

– Не ворчи. Лучше сделай и мне кофе, – распорядился Алексей. – Должен признать – молодец. Не упускаешь такую выгодную партию. Столько денег, столько связей...

– Какой ты меркантильный, Алексей, – покачал головой папа. – Антон – просто хороший человек. Порядочный, ценит искусство, мои работы, к примеру, – не упускал случая поговорить о себе Томас и добавил с умилением:

– Вчера сынок был так трогателен. В каждом движении – любовь. Катенька уснула, положила голову ему на плечо, а он сидел неподвижно, чтобы ее не разбудить. А потом унес ее...

– В кладовку, – вставил дядя.

– Отнюдь. В спальню. Юность, романтика... – вздохнул Томас с ностальгией.

– Этой романтики у тебя, вечно юный, до сих пор хватает, – отозвался Алексей со своей вечной усмешечкой прожженного жизнью человека. – Как поживает твоя очередная муза? Натальей ее зовут? Или как там твою личную Гáлу Дали по паспорту кличут? – вспомнил он главную вдохновительницу и супругу великого Сальвадора Дали, которую тот восхвалял и чтил едва ли не как современную икону.

Как-то у нас в гостях был папин друг, правда, не художник, а скульптор Владлен. Он печалился, что никак не может отыскать себе такую женщину, ставшую бы ему «и музой, и страстью, и богиней».

– Либо дуры, либо стервы кругом, – сказал он и опрокинул стопку с огненной водой, а потом глянул на меня и выдал фееричное:

– Вот была бы Катенька постарше...

– Мне уже почти двадцать, – напомнила я тогда. И родитель, и его друзья вечно считали меня маленькой девчонкой, и это возмущало.

– Я тебе свою дочь не отдам, – решительно возразил Томас. – Даже не думай и не помышляй.

– У тебя же их две, – искренне недоумевал Владлен.

– Да хоть три! Это не значит, что я готов пожертвовать одной из них!

– Знаешь, старик, я бы тебе даже свою тещу не отдал, – вмешался и дядя Боря, луч

адекватна в творческом царстве. – А ты, Владик, на молодую девчонку глаз положил.

– Я все кладу на прекрасное, – закивал согласно скульптор.

– И на всех, – вставил дядя Боря, и они долго потом спорили...

Вспомнив это, я улыбнулась.

Хотелось бы мне быть музой для Антона?

Мне хотелось быть его любовью. Но если моя любовь подарит ему вдохновение, я буду только рада. Любовь должна вдохновлять.

И я мысленно улыбнулась.

– Что ты мелешь? – гневно воскликнул в это время Томас, воровато взглянув на меня. – Мою музу зовут Каллиопа.

– Смешно шутишь, братик. У художников, помнится, нет музыки, – улыбнулся мстительно Леша. – Как-то обошли вас стороной древние греки. И с чего бы это?

Томас окинул младшего брата гневным взглядом. Среди девяти муз действительно не было той, которая покровительствовала бы живописи.

– Папа, если у тебя кто-то есть, познакомь ее с нами, – легкомысленно предложила я, но заслужила только гневный родительский взгляд.

– Меньше слушай этого болтуна, дочь! Белый свет клином сошелся у него на женском поле! – явно считал себя выше подобных глупостей наш художник.

– Вот как ты заговорил, – окрысился дядя, который, видимо, все еще переживал психологическую травму по поводу домыслов о том, что он – домработник и повар. – Да на мне весь дом держится, – завел он любимую пластинку. – А ты бездельник.

– Жиголо, – тотчас умело припечатал его старший брат. Это оказалось ударом ниже пояса.

– Я – жиголо?! – заорал Алексей, крайне возмущенный. – Я?! Я-то?!

– А кто тебе цацку подарил? – посмотрел Томас на руку Леша, на указательном пальце которой сиял перстень из белого золота с большим прозрачным камнем.

Тот почувствовал себя крайне неудобно и тотчас убрал кисть за спину, словно невзначай решив почесать спину.

– А это мне подарила поклонница, – нашелся Алексей. – И не принять ее подарок – ответ на мое творческое оригинальное решение ее гардероба, я не мог! Не привык обижать женщин, знаешь ли!

Пока они препирались, я налила себе ароматный свежесваренный кофе, заодно разлив его по кружкам отца и дяди. И вышла на балкон, с высоты глядя на просыпающийся город. Настроение было потрясающим, и перед глазами стоял, как бы глупо это ни казалось, образ Антона.

Я общалась с ним несколько месяцев, но, кажется, только сейчас начала открывать его заново. Нет, по-настоящему узнавать его. И потому во мне жило предвкушение.

Его игра еще не забылась, и до сих пор мне было и больно, и обидно, но я дала Антону шанс доказать, что он действительно хочет быть со мной.

И я верила в него.

Как мне нравится наша гордость. Отполирую-ка я ее до блеска, чтобы ярче сияла!

– Анэ! Твой телефон меня достал! – послышался сонный голос Нелли.

Я обернулась – позади стояла взлохмаченная сестра в пижаме и держала мой мобильник.

– Пиликает и пиликает, – пожаловалась Нелька, сунула телефон мне в руку и с

ворчанием удалилась досыпать.

Я посмотрела на экран: куча сообщений от Нинки, с неизвестного номера и от того, кто заставлял мое сердце биться сильнее.

Сообщения подруги открылись первыми.

«Я скоро сдохну от скуки! Здесь нет даже на четверть нормальных мужиков. Ощущаю себя единственным человеком среди тюленей, оленей и поленьев», – жаловалась она, как всегда, весьма заковыристо обзывая других людей.

«А ты там спишь, Катька, да? Надеюсь, одна, ха-ха-ха», – гласило второе сообщение, в котором стояла куча дьявольских смайликов.

«Если что, я неплохо умею обращаться с секаторами!» – воинственность третьего просто зашкаливала.

«Смотри, какие мы с Ирккой сделали снимки. Я даже в роли чудовища идеальна!» – хвасталась в четвертом она.

«Почему ты мне не отвечаешь! Подруге скучно, а ты спишь!» – гневалась подруга. На меня уставился с десятков злобных красных рож.

Нинка прислала много фото. Золотистый песок и голубые волны, раскинувшиеся под бездонным небом, казались такими притягательными, что я немедленно захотела на море, под солнце, дышать соленым воздухом, плавать и загорать. Обгоревшей Нинке, впрочем, все эти прелести изрядно приелись. Если на первых снимках не обгоревшая еще Нинка позировала в волнах и на песке в лучших традициях женских типичных фото, то на вторых, где она была красная, как рак, начался откровенный стеб.

Подруга принялась пародировать типичные мужские фотографии: демонстрировала несуществующие бицепсы и трицепсы, грозно смотрелась в зеркало, приподняв майку так, чтобы видно было пресс, позировала в баре, капая слюной на алкоголь, строила грозные рожи в лифте, с независимым видом терлась около чужих тачек, многозначительно потирая подбородок. Нашла даже где-то накладные мексиканские усы и очки без линз и с многозначительным видом поглядывала на камеру телефона, пытаясь выглядеть брутальной.

Но Нина не была бы самой собой, если бы не поиздевалась и над другими людьми. Вдвоем с Ирккой они ходили по пляжу. Сестра делала милые селфи с парнями, а сзади вклинивалась с разными злобными рожами усатая Нинка, портя всю красоту и романтику.

Посмеявшись над фото, я написала большое сообщение подруге, а в ответ получила лишь:

«Спасибо, что разбудила! Я сплю, позвоню завтра».

В этом вся Нинка: будить других – всегда пожалуйста, а вот ее – нельзя.

Но эти слабости я подруге прощала.

Таких, как Журавль, либо принимают с их достоинствами и недостатками, либо не принимают вовсе.

Я принимала.

Следующим было сообщение от Антона, который проснулся еще раньше, чем я. Или вовсе не спал?

«С добрым утром, моя девочка, – писал он. – Сегодня я заеду за тобой в десять. Отказы не принимаются. Надеюсь, к этому времени проснешься».

В этом сообщении причудливо сочетались Антон и Кей – что-то новенькое. И очень интересное.

Я улыбнулась сама себе.

«Доброе, Антош. А если ты приедешь, и меня опять не будет?:)» – не удержалась я от шпильки.

«Думаешь, не отыщу тебя вновь?» – тотчас спросил он, и я почти как наяву увидела его лицо, иронично улыбающееся.

«Ты так в себе уверен...»)»

«Это не моя уверенность», – прислал он почти мгновенно сообщение.

«А чья же?» – поинтересовалась я.

«Одной сумасшедшей стервы по имени Любовь», – отвечал Антон.

Мне любовь казалась чем-то трепетным, нежным, манящим – как бархатные облака, тронутые теперь позолотой и присыпанные по воздушным краям розовой пудрой.

А для него любовь была волной – накрывающей с головой, сбивающей с ног, ярой.

Только вот волны – рабы Луны. Сейчас на берегу Антона сизигийский прилив. Но если начнется отлив, что мне делать?

Или это лишь мои подозрения?

«Здорово же ты говоришь о своих чувствах!» – написала я парню.

«Любовь – это сумасшествие, Катя. Жди», – был краток он.

Я послала несколько разноцветных сердечек и долго провожала взглядом рассвет, а после вернулась в пустую уже кухню: Томас и Алексей соизволили разойтись по комнатам.

Следом за мной туда притопап и Эдгар, с мешками под глазами, всклокоченными волосами, но весьма довольный. Он разговаривал по телефону, не замечая меня, стоящую у плиты с туркой. Беседа его была крайне забавной.

– Да там вся пати слегла, Кира, – вещал он крайне подозрительным тоном: обычно в его глухом голосе не было столько эмоций. – Такое рачье собралось дикое из их клана, что даже ньюфаги себя богами почувствовали.

Кира, видимо, что-то стала говорить в ответ, а брат ее внимательно слушал, так и не видя меня – летал где-то в своих виртуальных мирах.

– Да, вместе пойдем в данж, – говорил он. – Апнусь только. Ты во сколько в реале входить будешь?

– Что за Кира? – спросила я громко.

Брат дернулся и как-то затравленно на меня посмотрел, закашлявшись от неожиданности.

– Я тебе потом перезвоню, – сказал он в трубку и отключился.

– Ну-ка, ну-ка, это кто? – уставилась я на него с интересом. – Та девочка из Владивостока? – вспомнились мне слова сестры, которая подсмотрела его переписку с какой-то девчонкой.

– Мальчик из Калининграда, – огрызнулся Эд, взлохматив волос.

– Такой большой, а все как ребенок. Что такого, что ты общаешься с девушкой? Мужчина, как-никак, – с сомнением сказала я. – Было бы странно, если бы тебе нравились другие мужчины...

– У малолетнего монстра наслушалась? – спросил Эдгар, явно имея в виду Нелли.

– Лучше ответь все-таки, что за Кира? – не отставала я от старшего брата. – А лучше фоточку покажи. Я твоя сестра, как-никак! Дам оценку выбору.

Вместо фоточки мне показали кулак. Эд не хотел раскрывать секреты своей личной жизни.

Я рассмеялась, а он надулся.

Мы сидели за столом, поедая бутерброды. Как и все остальные Радовы, кроме меня, Эдгар еще не ложился спать. Однако, в отличие от них же, брат ел быстро и совершенно молча. Но весь завтрак странно на меня смотрел: то ли осуждающе, то ли подозрительно.

Вспомнив, что не прочитала сообщение с неизвестного номера, я потянулась к телефону.

«Привет. Как ты? Просто сегодня увидел девушку, похожую на тебя, и вспомнил. У нас отличная погода. Максим».

Что ответить своей первой детской любви, я не знала, а потому просто убрала телефон подальше. Не стоило мне встречаться с ним в кафе...

Я задумчиво застучала пальцами по столу. Эдгар вновь окатил меня нехорошим взглядом.

– Чего ты на меня так подозрительно пялишься? – не выдержала я.

– Вчера твой Га... – он зачем-то глухо откашлялся в кулак. – Гад приходил?

– Антон? – зачем-то уточнила я.

– Он самый, – улыбнулся старший брат совершенно деревянной улыбкой. С такой он, наверное, в своих онлайн-играх истребляет монстров.

– А что? – не поняла я.

– Зачем он тебе нужен? – прямо спросил Эдгар.

– А Кирочка тебе зачем нужна? – нараспев произнесла я.

Брат одарил меня новым весьма неприязненным взглядом.

– Ты тупая, Катя, – сказал он со вздохом. – В следующий раз я их сайт взламывать не буду.

– Сам тупой, – возмутилась я, но скорее по инерции. – Беспокоишься, что ли, за сестру? – удержаться от подкола было сложно.

– Мне не нравится этот ботовод, – честно сказал недовольно Эд, проигнорировав мой вопрос, и, чуть подумав, выдал почти глубокомысленно: – Он из тех танков, которые убивают своего приста.

– Чего-о-о? – протянула я, ничего не поняв.

– Ничего, – посмотрел на меня, как на отсталую, добрый братик и велел: – Чая мне налей. С молоком. И сахар не забудь.

– Вот сам себе и налей, – фыркнула я.

Лучше бы я сама это сделала, честное слово! Эд умудрился разлить молоко из пакета и решил стереть лужу, пока я стояла спиной, моя посуда, кухонным полотенцем... Это, конечно, было не сравнить с тем случаем, когда он решил протереть стол тряпкой для мытья полов, но чай ему, в конце концов, пришлось делать мне.

– Слишком холодный, – вместо благодарности услышала я от брата и лишь одарила его не слишком добрым взглядом. Он же, на пару секунд замерев в проходе, сказал тоном странствующего философа:

– Какие же вы, девчонки...

– Какие? – поинтересовалась я живо.

Продолжать свою глубокомысленную фразу Эдгар не стал, а направился в комнату, оставив меня в недоумении.

Все остальное время я приводила себя в порядок, решив, что должна выглядеть на все сто. А после долго и придирчиво выбирала, что бы надеть. Сонная Нелли недовольно наблюдала за моими сборами со своего дивана.

– Откровенное что-нибудь возьми, – неожиданно посоветовала она, глядя, как я верчусь перед зеркалом в воздушном летнем платье с пояском и легкомысленным цветочным узором.

– Что значит – откровенное? – недовольно уставилась я на сестру. Как по мне, платье было и так не слишком длинным – на ладонь выше колена.

– Ну, это же Кей-сама, – закатила глаза Нелли, вскакивая в постели. – У него же куча поклонниц! Ты должна быть среди них самой крутой и сексуальной! – без задней мысли выкрикнула она.

О, Боже, ей всего четырнадцать, а она что-то говорит о сексуальности, словно знает в этом толк.

– Я не его поклонница, – отчего-то рассердилась я: не на сестру, а на саму себя. И правда, Тропинин наверняка привык к невероятным девушкам – да та же Алина весьма эффектна и соблазнительна!

– Ой, какая разница, – махнула сразу двумя руками Нелька. – Давай, я тебе дам бледно-розовое платье? Оно коро-о-откое, Кею-саме понравится!

Сестра имела в виду платье, которое заказала с одного популярного китайского сайта. Оно было прехорошеньким, нежным, с открытыми плечами и спиной – в общем, типичным девочкиным, но при первой же стирке ужасно село и едва прикрывало то, ради чего была создана юбка. Такую длину стеснялась носить даже сама Нинка. А выбрасывать сие великолепие было жалко.

Глядя на себя в зеркало, я задумалась. На той вечеринке в честь дня рождения дочери мэра я была с прической, майкапом, на каблуках и в открытом платье, и на меня засматривались мужчины – тот же Келла отвешивал комплименты, правда, в своем похабном стиле. Да и Кей смотрел на меня тогда весьма оценивающе...

Может быть, действительно?..

А ты в трусах пойдешь – будет верх сексуальности.

Я улыбнулась своему отражению и тряхнула волосами. Решено!

В трусах пойдешь?!

В ошеломительном наряде. Буду ошеломлять.

Кейтон и так уже «ошеломленный». Не стоит ошеломлять его психику еще больше.

Свой внутренний голос я не послушала и стала с азартом собираться на предстоящую встречу.

Час спустя при полном параде я стояла в прихожей, в последний раз проводя расческой по ставшим волнистыми волосам. Таких же безупречных локонов, которые выходили у Нинки, у меня не получилось, но выглядела я, по своему собственному мнению, «ничего так». Правда, чувствовала себя жутко неудобно. Мне казалось коротким то самое платье, что подарил мне дядя, но по сравнению с этим бледно-розовым нарядом оно было просто рясой. Зато на ногах удобно сидели нежно-бежевые босоножки на каблукке – в тон свежему маникюру. А вместо сумочки я держала в руке клатч, который по цвету был чуть темнее платья. Его мне отдала Нелька, правда, перед этим ей пришлось снять с него устрашающего вида кучу брелков. Сестра от усердия даже сломала ноготь, а потому изворчалась на меня, мол, где это видано, чтобы дети собирали на свиданки здоровых девиц.

Я мазнула кисточкой персикового блеска по губам и вновь критично посмотрела на себя в зеркало. Что-то было явно не так...

И это что-то называлось «Катей».

– Ты куда? – вытаращился на меня Алексей, который, потягиваясь, вышел из спальни. Даже в пижамных штанах, которые, по его словам, собственноручно сшил какой-то там модельер из Питера, весьма знаменитый в узких кругах, он умудрялся выглядеть самодостаточно.

– На свидание, – с достоинством отвечала я, брызгая на запястье и на волосы духи, которые, как мне казалось, пахли миндальным печеньем – так причудливо сочетались в их аромате сладость и горечь.

– Ну, удачи, племяншка, – буркнул мне в спину дядя. – Вот так и вырастают дети. Хотя... Погоди! – весело окликнул он меня. – Я тебе кое-что принесу. Последний важный штрих. Завершит твой образ, так сказать.

Я не придавала значения лукавству в его глазах и оживилась. Дизайнер должен знать толк в подобных вещах. Может быть, Леша мне украшения какие-нибудь даст – из своих на мне лишь серьги-гвоздики и простое серебряное колечко на пальце.

С самым невозмутимым видом, под хихиканье высунувшейся из спальни Нельки, Леша принес простыню и накинул ее прямо мне на голову.

– Ты чего?! – заорала я, пытаясь выпутаться из простыни. – Прическу испортишь!

– Того, – заявил наглый родственник, который о содеянном явно не сожалел. – Лучше бы ты одеялом обмоталась, толку больше было. Хочешь быть эффектной на свиданке? Веди меня в свою комнату, я тебе помогу выбра...

Больше я дядю не слушала – просто ушла, мстительно хлопнув дверью.

Антон уже ждал меня на улице.

По своему обыкновению он прислонился к боку темно-синего блестящего автомобиля, и вид у него был весьма независимый: солнцезащитные очки, в которых отражалось небо, кепка с длинным козырьком, закрывающая глаза, простая темная футболка, джинсы – в их карманы Антон засунул руки. Вроде бы и ничего особенного, но Тропинин привлекал взгляд.

Увидев меня, он отлепился от машины, сделал несколько шагов навстречу, и едва только мы поравнялись, обнял, осторожно прижав к себе. После отстранил и весьма заинтересованно осмотрел снизу вверх – его взгляд особенно задержался на моих ногах выше колен, и я почувствовала себя весьма неудобно.

Он приподнял очки.

– Почему ты так смотришь?

– Катя... – произнес мое имя, Антон замолчал, будто не зная, что сказать.

– Что? – вздохнула я, с трудом подавляя желание одернуть платье – мне казалось, подол задрался неприлично высоко, но это была иллюзия – просто само по себе платье выглядело таким коротким.

– Интересный наряд, – аккуратно отвечал Антон. Но я поняла, что ему весело.

– Спасибо, ты тоже ничего так выглядишь, – пригладила я юбку, чувствуя себя очень некомфортно, и вдруг подумала: а что же мне делать, если поднимется ветер?

В этот момент, крайне не вовремя, из подъезда выплыли под ручку престарелые соседки Фроловна и Семеновна, бурно обсуждая «наркоманов с пятого», которые со своими друзьями вчера весь вечер сидели на лавке около подъезда, мешая общественности своими шумом и гамом.

– Ржали как дикие кони! Девочек лапали! А намусорили-то, а намусорили-то сколько! – причитала Семеновна, которая, видимо, пристально наблюдала за компанией.

– Есть у меня способ, – важно проговорила Фроловна, женщина мстительная, – как этих

полудурков от нашего подъезда отвадить.

Тут они заметили нас. Пристально оглядели. Оценили длину моей юбки.

Фроловна бурно зацокала, явно таким образом выражая свое негодование по поводу того, как одевается современная молодежь. Семеновна более деликатная.

– Катенька, а пошто ты одета как шалава? – спросила она.

– И вам здравствуйте, – улыбка у меня вышла весьма ненатуральная. – Так вышло, – осторожно добавила я.

– Плохо вышло, – покачала головой Семеновна.

– У Радовых все выходит шиворот-навыворот, – сплюнула Фроловна.

Бабушки одарили нас весьма подозрительными взглядами и двинулись дальше.

– Хахаль богатый у ней, вот и светит пятой точкой, – громко сказала Фроловна, обращаясь к подружке, но мы с Антоном, естественно, отлично ее слышали.

– А чем плох богатый хахаль? – неожиданно вступилась Семеновна. – Вот у моей Настены нищеврод какой-то, шофер, без образований, без перспективов, – пожаловалась пожилая женщина, которую великие открытия об истинном положении материального состояния бабы-яги еще только ждали.

– Пьет? – деловито поинтересовалась Фроловна, зорко оглядывая двор: нет ли подозрительных личностей, не вышли ли подружки из других домов на утренний променад?

– Не пьет вроде, – отозвалась задумчиво Семеновна.

– Коли не пьет, прокормит, – уверенно заявила вторая бабушка. – А вот у Радовой наркоман какой-то... В очках вечно. Точно зрачки прячет.

На губах Кея появилась усмешка. Я же губы поджала. Тема с наркотиками пугала.

– И другие у ней наркоманы были, – продолжали обсуждать меня старушки, неспешно шагая вдоль дома. Сзади них ехал автомобиль, но ему уступать дорогу соседки не собирались.

– Был у Катьки приличный мальчик. Когда она в школе училась, – вспомнилось Семеновне ни с того ни с сего. А я вспомнила Максима – и что ему отвечать на сообщение? Попросить не писать мне? Вежливо ответить?

Проигнорировать.

Кей, видимо, тоже вспомнил Максима и напрягся.

– Этот высокий, кудрявенький? – оказалось, что и у Фроловны память слишком хорошая. – Помню-помню. Всегда со мной здоровался. И сумки один раз помог донести, когда я из продуктового...

Автомобилист, которому надоело плестись следом за пожилыми женщинами, раздраженно просигналил им. Лучше бы он этого не делал, честное слово! Фроловна и Семеновна немедленно переключили свое драгоценное внимание на него, забыв о моей скромной персоне, и, поливая нехорошими словечками всех водителей разом, замедлили свое движение.

Мужчина, сидевший за рулем – видимо, человек деловой, в костюме и при галстуке, просигналил им еще пару раз, но старушки и вовсе встали как вкопанные.

– Уважаемые! – высунулся он из окна. – Поспешите!

– А мне уж только на тот свет и спешить, – весьма ехидно отвечала ему Фроловна.

– Отойдите к обочине! – попросил, едва сдерживаясь, автомобилист.

– А мы и так, милок, уже на обочине жизни, – картинно вздохнула Семеновна. – Пенсия, знаешь, какая? А ведь у меня «горячка»! Через это и ноги совсем больные. Идти не могу, –

весьма покривила она душой, ибо когда надо, и Семеновна, и Фроловна, и староста подъезда со своей почтенной супругой развивали весьма достойную скорость.

Мужчина выругался и стал отъезжать задом, дабы развернуться, едва при этом не задев припаркованную около подъезда машину Кея. Тот же весьма внимательно следил за незадачливым автомобилистом – видимо, безопасность своей синей машинки была для него не на последнем месте. Но все же ничего страшного не случилось. Мужчина в деловом костюме благополучно уехал.

– Милые у нас соседи, да? – слабо улынулась я парню. – Иногда я думаю, какой была Фроловна в юности.

– Такой, как Демоница, – тотчас выдал Антон.

– Ее зовут Нина, – нахмурилась я.

– Пусть так, – не стал спорить он.

– В преклонном возрасте Нинка будет другой. Как ее тетка, Эльза Власовна, – вспомнилась мне ее невероятная родственница, женщина почтенных лет, но сильно стервозного нрава. – А вот ты станешь милым ворчливым старичком с трубкой и тростью, – добавила я чуть-чуть мстительно. – Будешь всем раздавать приказы и тиранить. И дубасить тростью по спинам.

– Катя, о чем ты думаешь? – тронула губы Антона улыбка.

Я только плечам пожала, отчего-то не в силах оторвать свой взгляд от его лица.

– Иди, – вдруг сказал Антон, кончиками пальцев коснувшись моих волос, с которыми пытался играть легкий, почти невесомый ветер, но поскольку они были залиты лаком, ему это особо не удавалось.

– Куда?

– Переодевайся, – велел Тропинин тоном человека, желания которого выполняет каждый первый.

– Эй! – возмутилась я. – Ты чего приказываешь?!

– Я о тебе забочусь, детка, – не тронули его мои вопли. – Зачем ты вообще это делаешь? За кого ты меня принимаешь?

– За мужчину, – вздохнула я и добавила: – Искушенного.

– А по-моему, за идиота.

У меня появилось такое чувство, что Кей рассердился.

– Пожалуйста, будь собой, Катя. Мне нужна ты. Не твой образ, не твои маски – ты.

Я молчала. Все мои труды по сегодняшним сборам были вмиг обесценены.

– Будь мы друг другу никем, я бы молчал. Мне было бы даже прикольно, что ты так одета. Но я, кажется, говорил, что люблю тебя, – сдвинул брови Антон. – Ты мне дорога не из-за коротких кукольных платьиц.

– Я хотела быть красивой для тебя, – опустив голову, так, что на лицо упала волнистая темная прядь, тихо сказала я.

– Ты и так красивая. Для меня. А мнение остальных не должно волновать. Я долго играл в эту игру, – добавил он вдруг с горечью. – И знаю, о чем говорю. Важно оставаться самим собой.

Я только вздохнула, коснулась его ладони и улынулась.

– А ты себя потерял, – оставалось констатировать мне.

– Поможешь найти? – шепнул он и поцеловал, обхватив обеими ладонями мое лицо.

– Помогу, – отвечая на теплый, кажущийся солнечным поцелуй, прошептала я. И почему,

когда я с ним, так приятно кружится голова?..

Наши объятия увидали Фроловна и Семеновна, то и дело оборачивающиеся. Взгляды их были весьма неодобрительные.

К моему ужасу, Кей отсалютовал бабушкам и даже улыбнулся. Это стало неожиданностью не только для меня, но и для них. Старушки на какое-то мгновение остолбенели, после переглянулись, и Фроловна яростно что-то заговорила, махая клюкой.

– Антон, не наживай себе таких врагов, – попросила я мягко.

Он ничего не ответил, только лишь подтолкнул по направлению к подъезду. Спорить я не стала, подумав, что, должно быть, и правда, глупо поступила.

– Катя! – окликнул он меня.

– Что? – обернулась я, и отчего-то сердце защемило – вновь от нахлынувшей волны теплой нежности.

– Эти духи – никакие, – выдал Антон.

Вот же крот!

– Спасибо, – обиделась я и вошла в подъезд, ругая себя последними словами за глупость. И что только на меня нашло? Решила выглядеть, как куколка. И вот результат.

Пока я переодевалась в куда более привычные для себя вещи: джинсовые светло-голубые шорты и простую белую приталенную футболку, довольная Нелли радостно хихикала, восседая на скомканном одеяле, как курица на насесте.

– С ума сходишь? – со вздохом спросила я.

– Мне нравится Антон-сама, – объявила Нелли, подперев кулаками подбородок. – Такой няшка. Отправил тебя обратно!

Я только рукой махнула.

А когда вновь стояла в прихожей, застегивая сандалии, вновь вышел Алексей.

– Держи, жертва фэшн-индустрии, – сказал он весело и с этими словами нахлобучил мне на голову шляпу: светло-коричневую, с небольшими аккуратными полями и черной лентой.

Поначалу я несколько растерялась, однако вкус у дяди все-таки был неплохой – шляпа мне шла и придавала простому, на первый взгляд, образу некоторое очарование.

– Раньше я шляп не носила.

– Если ты не носила, это не значит, что неактуально! – рявкнул Алексей, поправляя на мне шляпу. – Иди уже и покоряй своего Антона, племянница. Семья хочет жить хорошо!

– Домой пойдешь, мороженого купи, – напутствовала сестра.

Вновь оказавшись на улице, я вздохнула с облегчением – в обычной одежде я действительно чувствовала себя комфортно. И шляпка мне неожиданно понравилась – странно говорить, но в ней я чувствовала себя более женственно. Короткое платье не дало такого эффекта.

Тропинин галантно открыл мне дверь, и я села в машину. А он устроился рядом, на водительском кресле.

– Тебе идет шляпка, – внимательно посмотрел на меня он, прежде чем включил зажигание. – Мило.

– Спасибо... Куда поедет? – полюбопытствовала я, уже без проблем пристегиваясь.

– Есть желания?

– Нет. Я просто хочу побыть с тобой.

– Тогда поехали в центр города или в Старый парк, – предложил мне Антон, выезжая из

дворов на проспект. – Ночью был занят, не успел придумать ничего.

– А ты спал сегодня? – нахмурилась я, заподозрив неладное.

– Какая разница, Катя, – не захотел мне отвечать он.

– Говори! – потребовала я.

– Нет, – Антон остановился перед светофором.

– Ну и дурак, – объявила я.

– Не обзывайся.

Я коснулась указательным пальцем его щеки, гладко выбритой, осторожно провела по коже – почти до губ.

Антон исхитрился и слегка прикусил палец. Я рассмеялась.

– Хочешь, я буду называть тебя деткой? – блеснули мои глаза.

– Не стоит.

– А что! Может быть, я так привыкла к подобному обращению!

Я думала, сейчас последует какая-нибудь колкость, но мой светловолосый водитель промолчал.

– Ты решила, куда хочешь? – Антон дотронулся до моей коленки, явно, как и я, чувствуя дефицит прикосновений.

Возможно, это была его привычка – касаться колен спутниц, с которыми у него были романтические отношения, и, наверное, девушкам это нравилось, но сейчас он сразу же резко отдернул руку. Мне отчего-то стало смешно – это так напомнило образ Антона, незаметного скромного студента из университета, с которым я училась вместе и которого не замечала столько лет...

– В Старый парк, – сказала я, пряча улыбку за ладонью, что явно показалось Тропинину подозрительным. – Не была там тысячу лет...

Парк родовой усадьбы князей Болховицких, который в народе давным-давно прозвали Старым парком, находился в соседнем районе, окруженный с трех сторон, как стражами, высотками, торговыми и бизнес-центрами, а с четвертой – рекой, на высоком берегу которой, собственно, и находился. Это был этаким уединенный уголок тишины в большом городе, где на кованых лавочках отдыхали те, кто устал от городского бешеного ритма, индустриальных однообразных пейзажей, рокота машин и запахов фастфуда и кофе.

Едва мы вылезли из машины, нас встретила залитая солнцем усадьба Болховицких, некогда полуразрушенная, обиженная на весь свет за то, что ее, памятник архитектурного наследия, незаслуженно забыли, но сейчас отреставрированная. Силами меценатов, состоящих из местных бизнесменов, также были восстановлены флигеля, склеп, постройки для прислуги и прочие составляющие дворянских усадеб. Да и сам парк был приведен в порядок.

Кстати говоря, в этом мероприятии принял участие и дядя Витя, отец Нинки. Он тоже пожертвовал на восстановление некоторую сумму денег, правда, как человек сугубо материальных ценностей, долго переживал по сему поводу. Я сама слышала, когда была в гостях у Журавлей, как дядя Витя ходил по коридору и бурчал:

– И зачем я этих чертей послушал? Лучше бы в дело вложился. Бабки на ветер. Знаю я этих прохиндеев из министерства культуры с их откатами...

Помнится, тогда Софья Павловна долго его успокаивала, говоря, что он отдал деньги на благое дело, а дядя Витя весь изворчался и в искусство больше не вкладывался, зато поучаствовал в акции благотворительности, связанной с детским домом, директор которого

проворовался. Тут надо сказать, хоть Нинкин папа и был человеком, сверх меры ценящим деньги, но посещение приюта вместе с местными журналистами и несколькими бизнесменами, нацеленное на этакую пиар-кампанию последних, его тронуло, и потом он вновь полвечера ругался – мол, зачем ему испортили настроение, заставив участвовать в подобном.

– Ненавижу жалость! А ничего не могу поделать! – разорялся он на весь дом. – Мне их всех жалко, черт возьми!

Софье Павловне вновь пришлось успокаивать супруга, а Нинке, Ирке и Сереже дядя Витя все время потом напоминал, как они должны быть благодарны своим родителям, в особенности ему, за более чем безбедное существование.

– Пойдем, – протянул мне руку Антон, и я вложила в его ладонь свои пальцы.

Мы неспешно двинулись по ведущей к Старому парку широкой дороге, по обеим сторонам которой словно пирамиды стояли невысокие разлапистые голубые ели. За кованым изящным забором виднелся сам усадебный дом нежного бело-лавандового цвета; вокруг зеленели газоны и росли в клумбах яркие красные цветы, между которыми притаились кажущиеся на солнце ослепительно белыми мраморные скульптуры. Несколько из них удалось восстановить, но большинство было сотворено нашими современниками. Папины друзья тоже принимали в этом участие.

Последний раз я была в этих местах давным-давно, в раннем подростковом возрасте, и потому все изменения видела только в новостях да на фото, а теперь вот выпал случай воочию посмотреть на отреставрированные исторические красоты.

Мы с Антоном, держась за руки, прошли через ворота и оказались напротив усадьбы, обращенной к живописному старинному парку, который начинался дальше.

– И как в ней только жили Болховицкие? – зачарованно поглядела я на величественное трехэтажное здание, главный фасад которого был украшен высоким шестиколонным портиком – и это навевало легкие ассоциации с эллинскими храмами. – Как настоящий дворец...

– Значит, они жили, как настоящие короли, – отвечал мне Антон, решительно ведя вперед.

Мы побродили немного по тропинкам, ветвящимся между ухоженными газонами и клумбами, и неспешно пошли по мощеной дороге, мимо кованых кокетливых фонарей и чугунных скамеек с прямыми, как у аристократов, спинками, к самому парку.

Старый парк был похож на сказочный дивный лес и так и манил к себе, обещая укрыть под густой кроной от лучей солнца и подарить немного прохлады и спокойствия.

Негромко пели птицы. Шелестели гривами высокие деревья – ветер, дуновение за дуновением, постепенно, почти незаметно, усиливался. И мне казалось, что я слышу неторопливый речной гул.

Воздух казался свежим; к тому же в нем витали, причудливо смешиваясь, едва уловимый цветочный аромат и неповторимый запах истории: когда-то давно в этом месте прогуливались барышни в платьях с кринолином, а их сопровождали учтивые кавалеры – непременно во фраках, со шляпами и белоснежными перчатками; или же неспешно бродил по тропинкам почтенный хозяин дома с семейством и многочисленной прислугой. Романтика!

Романтика – если ты не был бесправным крестьянином.

– Кстати, о королях и прочих аристократах, – усмехнулся вдруг Кей. – По словам Келлы,

его прапрабабка была одной из Болховицких и жила в этой усадьбе до замужества.

Я рассмеялась. Подумать только!

– Представляешь, если бы мы сейчас оказались в начале двадцатого века, Келла был бы князем!

– Графом, – с иронией в голосе поправил меня Кей. Видимо, со своей родословной друг достал и его.

– Кутил бы, пускал деньги на ветер, устраивал дуэли, – размечталась я. – Проигрывал бы в карты целые состояния! А потом отец заставил бы его выгодно жениться, по расчету.

– И ему предложили бы твою подружку? – включился в игру Антон. Кажется, в тишине парка, под защитой густых крон, он смог расслабиться – до этого был напряжен – наверное, сказывалась бессонная ночь.

– А что? Она наверняка была бы дочерью знатного купца, – улыбнулась я, почему-то не в силах представить Нинку в изысканном пышном платье пошива столетней давности, с корсетом, турнюром и воланами. Она отчего-то упорно представлялась мне такой традиционной купеческой дочерью в кокошнике, аляповатом сарафане, с длинной светлорусой косой, перекинутой через плечо, и алыми от свеклы щеками. Рядом с графом Ефимом, таким денди, щеголяющим в вычурном двубортном сюртуке, с тросточкой и цилиндром, она выглядела комично, но грозно.

– А кем была бы ты?

Мы больше не шли за руку. Кей осторожно обнял меня за плечи – почти невесомо, и я несмело положила руку ему на пояс. На моем лице сама собой появилась легкая беспечная улыбка.

– Я была бы романтической барышней, внучкой помещика из провинции, – сказала я, чуть подумав. – Ну, знаешь, которая читает романы на французском и мечтает о настоящей любви.

– А потом влюбляется в первого встречного, пишет ему письмо, получает отказ, выходит за другого и остается верна мужу, когда ее любовь возвращается? – вспомнил Антон известный роман в стихах, принадлежащий перу Александра Пушкина.

Татьяна Ларина мне нравилась еще с тех пор, как я впервые познакомилась с «Евгением Онегиным», а произошло это тогда, когда мы с Эдом посещали младшую школу. Помнится, в гостях у нас подзадержался актер драматического театра, который играл роль Ленского, и он репетировал прямо в нашей квартире, заставляя меня и брата выступать в качестве зрителей. Мы были настолько юны, что не могли по достоинству оценить ни гениальность произведения, ни игру, а потому были отлучены от импровизированной сцены.

– Как знать, как знать... А ты кем бы был? – лукаво взглянула я на молодого человека. Тот пожал плечами.

– Без понятия. Как думаешь, кем? – с любопытством спросил Антон.

– Ты пел бы в опере, в Большом театре! Был ведущим тенором и все такое, – заиграла моя фантазия на полную катушку. – А я бы приезжала в столицу, чтобы попасть на твои выступления. И пел бы ты таким драматическим тембром, – добавила я, – с невероятными верхними нотами.

– Темный тембр? Мне нравится, – усмехнулся парень. – Пусть будет так.

Мы перешли небольшой пешеходный ажурный мостик, под которым, весело журча, текла то ли крохотная речка, то ли широкий ручей. Людей в эти часы в парке фактически не было, и казалось, что мы действительно где-то за городом, одни на лоне природы.

Мы долго бродили по тропинкам, то разговаривая ни о чем, то просто молчали, изредка

обмениваясь взглядами; сейчас нам хватало прикосновений и тишины – она помогает лучше слушать друг друга. А после мы очутились в беседке-ротонде, расположенной в живописном местечке на высоком берегу с видом на реку. От воды немного дуло, но Антон, обняв меня, закрыл собой от ветра. Я положила голову ему на грудь и закрыла глаза. Было спокойно, уютно – телу и нежно – душе.

Не знаю, сколько мы так стояли.

Времени не существовало, пространства – тоже. И даже эмоций...

Казалось, мы полностью растворились друг в друге, не видя ничего и не слыша.

Наверное, тогда я стала понимать, что такое счастье. Счастье – это не когда все идеально, а когда не замечаешь несовершенства реальности.

Легкий, как перо ангела, миг, который незримо коснулся щек, скользнул по рукам и растворился в пальцах.

Заполненная пустота.

Счастье в простом?

Наверное, так.

Смешно сказать, но нам помешали вороны – оказывается, в Старом парке их была целая стая. Они вдруг всей своей небольшой дружной компанией пронеслись над нами и закаркали возмущенно, словно мы с Антоном им совершенно не нравились.

Тогда мы отстранились друг от друга, как-то совсем по-старомодному держась за руки. Всему виной, должно быть, стал незримый исторический дух благопристойности. Может быть, сто лет назад в этой беседке так же смотрели в глаза друг другу влюбленные – те самые галантные кавалеры и прехорошенькие дамы. А мы – лишь повторение, новый виток...

Мимо нас прошагал убеленный сединами пожилой мужчина в костюме, заложивший руки за спину, – первый человек, которого мы встретили в Старом парке. Он с одобрением посмотрел на нас, вздохнул чему-то своему и пошел дальше, любясь окрестными видами.

Через какое-то время и мы с Антоном пошли вдоль высокого берега.

– Тебе тут спокойно? – вдруг очень тихо спросил он, словно боясь спугнуть тишину.

– Мне спокойно рядом с тобой, – положила я голову ему на плечо, и Антон только крепче прижал меня к себе.

Гуляли мы долго, а солнце поднялось высоко-высоко и палило совсем беспощадно. Хорошо, что нас защищала густая крона старых, много всего видевших на своем веку деревьев.

Около реки я заметила свое счастье, а среди деревьев смогла коснуться его крыла.

Неподалеку от второго выхода из парка я заметила симпатичный дом из бруса с огромной двухэтажной летней террасой, на которой стояло множество столиков, пара из которых на первом этаже была занята. В больших окнах с деревенскими занавесками также были видны силуэты людей. Судя по вывеске над входом, это было кафе. И называлось оно незамысловато: «Старый парк».

– Зайдем? – моментально поймал мой взгляд Антон.

– Не знаю, – задумалась я. С одной стороны, хотелось пить и устали ноги, а с другой, как-то непривычно было ходить с Тропининым по людным местам. Пиццерия с тем, кого я считала скромным, влюбленным в мою подругу одноклассником, – не в счет!

– Катя, если ты чего-то хочешь – пожалуйста, говори, я не всегда экстрасенс, – проговорил несколько раздраженно Антон.

Алина-то всегда говорила, что хотела. У нее эти хотелки из всех щелей перли!

– Идем, – улыбнулась я ему, и мы направились к деревянному дому.

– Я хотел сводить тебя в другое место – там отлично готовят, но если ты хочешь сюда, мы пойдем сюда.

Нас встретила приветливая администратор – симпатичная шатенка средних лет с широкой улыбкой, которая мне сразу понравилась.

– Где бы вы хотели сесть? – поздоровавшись, спросила она.

Антон посмотрел на меня, явно желая, чтобы выбирала я.

– Если у вас есть кондиционер внутри, можно было бы там, – вернула я улыбку женщине.

– Конечно, есть. Пожалуйста, идите за мной. – И она повела нас к уютному столику с плетеными креслами, который был отгорожен от других легкими полупрозрачными шторами. Как и во многих подобных заведениях, народ тут появлялся ближе к вечеру. Поэтому посетителей и внутри оказалось не слишком много, хотя в углу я заметила того самого пожилого мужчину, попивающего чай и читающего ежедневную газету. Кроме него сидела на другом конце зала девушка с длинными, ниже талии, прямыми темно-русыми волосами, уставившись в планшет, чинные супруги с ребенком и три подружки лет восемнадцати, которые болтали о чем-то и негромко смеялись.

В кафе было не только прохладно, но и очень светло, а на стенах висели картины: к моему почти восторгу – пейзажи акварелью. Очень нежные, интеллигентные, какие-то невесомые и безумно красивые. Они дарили помещению воздушность и легкую изысканность.

На картинах было много неба, света, воздуха, легкости и невесомой хрупкости, почти даже хрустальности. И хотя я не сильна была в живописи, но на правах дочки художника решила, что эти работы – невероятные. Ощущение пространства от этих работ было таким сильным, что меня затопил восторг. Я даже вперед подалась, пытаюсь рассмотреть их.

– Катя? – позвал меня мой спутник, который сидел к этой красоте спиной, но лицом к окну, за которым возвышались деревья. Он, наконец, снял очки, положив их около своего мобильного на столе.

– Антош, какие картины, – перевела я замороженный взгляд на него. – Тебе нравится?

Он обернулся и посмотрел на стену.

– Нет, – был немногословным его ответ.

– А, ну да, ты же поклонник творчества Томаса, – даже немного обиделась я за неизвестного художника.

– В первую очередь, я твой поклонник, – сказал Тропинин лениво. – Все остальное волнует меня гораздо меньше.

– Да? – улыбнулась я ему. – Тогда скажи, почему ты вчера согласился играть для господина Бартолини?

– Катя, – мягко произнес Антон. – У меня вопрос встречный. Почему ты все-таки считаешь меня идиотом?

Я в некотором замешательстве посмотрела на него и, протянув через столик руку, ласково коснулась его щеки.

Он молчал, а я продолжила:

– Ты же всегда себя так ведешь – дерзко, резко. И не поймешь, что у тебя на уме. Как будто бы тебя действительно почти ничего и не волнует. Только не подумай, что я критикую, просто... Было так странно, – мягко добавила я.

– Странно? Пожалуй, – он поставил оба локтя на стол, положив подбородок на сцепленные пальцы. – Катя, ты знаешь, зачем этот итальянец приехал к вам?

– В гости к Томасу? – наивно предположила я, вдруг поняв, что я упустила что-то важное.

Опять известный детектив Катрина Холмс упустила что-то важное! Уму непостижимо!

– Отчасти. – Антон смотрел мне прямо в глаза. – Он – меценат. Спонсор. Большой босс, который решает, кому давать бабки, а кому – нет, – неизящно выразился о деньгах Кейтон. – Пока я сидел с ними, узнал – этот Бартолини хочет провести персональную выставку Томаса в Риме. Как думаешь, если бы я его послал ко всем итальянским чертям, каков бы был шанс, что он не оскорбился и не кинул твоего отца? Тех, кто мнит себя художниками, сейчас гораздо больше, чем тех, кто просто умеет рисовать, – вдруг с непонятной горечью добавил он, чуть отвернувшись в сторону и сердито глядя в пол.

Только еще несколько минут назад он был спокойным, как море в штиль, а теперь я чувствовала, как в нем бушует настоящий шторм, которому он, однако, не дает выхода. А что мне делать, если вдруг этот шторм все же вырвется наружу? Как его успокаивать?

А Антон продолжал:

– И, поверь, малыш, они куда более ловкие, чем Томас Радов со своей наивностью. Я понял, в кого ты пошла, – он со странной улыбкой вдруг провел большим пальцем по моим губам. – В своего отца. Я боюсь отдавать тебя реальности. Она тебя съест.

– А тебя пожалеет? – почувствовала я, как вспыхнули щеки. Кажется, Тропинин задел какие-то мои внутренние душевные струны.

– Мы с ней в конфронтации, – сообщил Тропинин. Кажется, все-таки он успокоился. – И моя борьба с ней вполне успешна.

Я тяжело вздохнула.

– Вы что-нибудь выбрали? – вовремя вклинилась в наш разговор подошедшая официантка.

Антон, мельком глянув в раскрытое перед ним меню, заказал мясо с овощами с каким-то чудным соусом и холодный кофе.

– Катя? – посмотрел он на меня.

Я лихорадочно принялась переворачивать страницы, выбрав, в конце концов, какой-то салат и клубничный лимонад.

И мы вновь остались вдвоем.

– Катя, я понимаю, что времени прошло совсем мало, и ты еще не могла... – Антон на несколько секунд замолчал, то ли подбирая верные слова, то ли задумавшись над чем-то. – Хорошо узнать меня.

– То есть ты считаешь, я тебя плохо знаю? – со вздохом спросила я.

Он кивнул.

Честно говоря, я считала, что довольно-таки хорошо изучила Тропинина, особенно после того, как он открылся мне, рассказав обо всем, что было с ним, его братом, матерью... Но, наверное, не стоит принимать доверие человека за понимание его души. Понимание дарит не только откровенность, но и время. А знакомы мы с этим человеком не так уж и давно.

А вот кто-то знает Антошика очень даже хорошо!

Слишком хорошо.

– Наверное, ты прав. Алиночка знает тебя отлично, – вдруг вырвалось у меня. – Вы ведь столько лет вместе были. Наверное, чувствовали себя мужем и женой.

– Даже так? – поднял бровь парень.

– Что – так? – захотелось мне удушить Тропинина.

А кто недавно пел, как счастлив? Куда все делось, а, Катечка?

– А мне определенно нравится, как ты ревнуешь, – вкрадчиво произнес Антон, приподнимая мой подбородок, чтобы я смотрела именно в его глаза. – Хочешь, это станет одной из наших игр?

– У меня аллергия на слово «игры», – помрачнела я, убирая его руку.

– Не вспоминай прошлое, – лениво потянулся музыкант. – Или еще не забылся твой господин с камерой и печальным взглядом? – замысловато обозвал он того, кто действительно был частью моего прошлого.

– При чем тут Максим? – опешила я, не ожидая подобных слов. Надеюсь, Антон не знает, что он мне писал сегодня. Мелочь, конечно, но ему явно будет неприятно.

И почему у Тропинина такой сложный характер...

А может быть, меня именно это и привлекает в нем?

– Просто так. К слову пришелся наш милый Максимка, – тон у Антона был весьма и весьма язвительный. Она даже имя его произносил так, словно говорил о каком-то таракане, что умудрился пролезть ночью в холодильник, да там и замерз.

Я перевела взгляд с лица Антона и вдруг совершенно случайно увидела в дверях кафе крайне знакомую женщину – у меня не слишком хорошая память на лица, но ее я узнала сразу!

Коротко стриженные темные волосы, ухоженное деловое лицо, брючный костюм фисташкового цвета...

В «Старый парк» уверенным шагом вошла Альбина, та самая экстрасенс, к которой мы с Нинкой однажды попали на прием. Женщина огляделась, выпетила взглядом длинноволосую девушку и решительно направилась к ней. Та не замечала ее, пока Альбина не дотронулась до ее плеча.

Они поздоровались. Экстрасенс села напротив и принялась что-то говорить. Девушка внимательно слушала и кивала в ответ. Вид у нее, честно говоря, был не очень веселый, какой-то даже растерянный и немного грустный.

– Знаешь их? – спросил Антон, недовольный, что я не обращаю внимания на него.

– Показалось, – улыбнулась я, посчитав, что не стоит посвящать его в наш с Нинкой экстрасенсорный позор.

– Так вернемся к нашим баранам, – перевела я разговор.

– Фотографишко – баран, – был совершенно согласен Тропинин.

– А Алина – овца, – фыркнула я. – Так почему ты Макса вспомнил?

– Если ты вспоминаешь мое прошлое, значит, и свое – тоже, – была железной логика у Антона. – Думаешь об Алине, значит, и о своем Ма-а-аксе, – он непередаваемым тоном упомянул имя моего бывшего парня, явно передразнивая меня. Нет, если бы он знал, что Максим мне пишет, точно бы пришел в ярость.

Эта мысль показалась мне слаще лимонада.

– Нападение – лучшая защита? – сощурилась я.

– Я нападую на тебя, детка, – многозначительно пообещал светловолосый. Он вдруг встал, переставил свое кресло так, чтобы сидеть не напротив, а рядом со мной, и привлек к себе:

его касания были уже не такими осторожными, а более уверенными и чуть-чуть властными.

– И ты от меня не отобьешься, – прошептал он мне на ухо, едва касаясь губами. – А знаешь, почему?

Его дыхание щекотало кожу, и мне вновь стало смешно. Да что же такое у меня с эмоциями?!

Это, наверное, нервное. Сейчас еще и бабочки активизируются.

– Почему же? – повернула я голову, и мои губы дотронулись до его губ – случайно, слегка, почти незаметно, но между нами от этого легкого невинного касания словно искра вспыхнула. И нас обоих словно накрыло.

– Потому что у тебя не будет ни сил, ни желания, Катенька, – отвечал Антон.

Серые глаза его блестели, и в них застыло какое-то странное выражение: нежность перемешалась с невероятной тоской – тоской по чувствам, ласке, но, самое главное, – по искренности и взаимности.

– Или у тебя, – коварно шепнула я, положив одну руку ему на шею, а ладонью второй проводя по его плечу, спускаясь к груди, касаясь живота – Антон даже вздрогнул от неожиданности, и первой поцеловала: с напором, горячо, почти требовательно. Ответить менее чувственно он не мог, да, наверное, и не хотел. Мне кажется, Антон вообще не знал, что такое любить без эмоций, страсти, внутреннего надрыва...

Лед – лишь материал для его маски, а под ним бьется пульс живой воды.

И мне так нужна эта живая вода...

Мы забыли, что находимся в кафе, что тут есть люди, что на нас могут смотреть, что наши действия могут быть неприличными, и дарили друг другу новые и новые поцелуи. И это было словно состояние транса – одного на двоих, нежного забытья со вкусом беспамятства – мы даже не увидели, что нам принесли напитки и приборы. Нет, конечно, ничего непристойного не было, но целовались мы, и правда, словно сумасшедшие. И эмоции от этого зашкаливали. У меня от наплыва чувств приятно кружилась голова, а у Антона – сбивалось дыхание и под моими ладонями напрягались мышцы под тонкой футболкой.

– Ты знала, что заплывать за буйки – опасно? – проговорил Антон через несколько минут, первым отстраняясь – зрачки у него были расширены, а нижняя губа – мило закушена, но не игриво, как у девушек, а с силой, наверняка почти до крови. И волосы – немного взлохмачены. Он попытался выровнять дыхание, но выглядел при этом так забавно, прям как какой-то мальчишка, что мне захотелось улыбнуться.

Тропинин же, неотрывно глядя на мое лицо, вдруг пригрозил:

– И не смейся!

– Я и не смеюсь, – отвечала я, глядя его по руке.

Его руки мне нравились безумно – сильные, в меру рельефные, с широкими надежными запястьями, на которых с внешней стороны выступала косточка, с довольно изящными кистями, под светлой кожей которых проступали сухожилия и видны были вены... Но главная ценность этих рук заключалась для меня даже не в том, как они выглядели, а что делали: как ласково касались, как прижимали к себе, как могли защищать.

– Ты такой хороший, – проговорила я ласково.

Мышцы под моими пальцами вновь напряглись. Антон резко убрал руку и залпом выпил свой холодный кофе.

– Что с тобой? – спросила я. И погладила его по взлохмаченным волосам.

– Не понимаешь? – усмехнулся он почти весело.

Я вопросительно глянула на Тропинина. Даже бровь приподняла.

– Сейчас приду, малыш, – коснулся он губами моего виска и резко встал, хватая со стола телефон.

– Ты куда?

– Позвонить, – отвечал он, не оборачиваясь.

И просто-напросто ушел, оставив одну. Я сделала пару глотков ледяного клубничного лимонада, мысленно похвалив себя, и от нечего делать принялась рассматривать картины. Вскоре к нашему столику подошла официантка – принесла блюда.

– Извините, а я могу походить и посмотреть работы? – спросила я – не все было видно хорошо.

– Конечно! – оживилась девушка. – Это картины нашей управляющей.

– Она художник? – заинтересовалась я.

– Рисует на досуге, – пожала плечами официантка, и я едва не поправила ее «рисует» на «пишет». – И образование, кажется, художественное. У всего персонала ее картины есть. Обалденные!

Ну, хоть кто-то со мной согласен.

Я, словно находясь в галерее, пошла вдоль стен, благо что за столиками никто почти не сидел и я никому не мешала. Акварель завораживала своей мягкостью и простотой. Чудные лесные пейзажи, городские тихие улочки, морские глади, в которых тонул закат, возрождаясь рассветом, нежная девушка с голубыми, цветочный солнечный натюрморт, цветущая сакура, роняющая лепестки в неподвижную водную гладь, люди под дождем, отражающиеся в витринах, – каждая картина была со своей изюминкой, со своей порцией искренности, и сложно было решить, какая же из них лучше. Но мне неожиданно больше всего понравилась работа с морским прибоем, где пенистые волны растворялись в белоснежных облаках, а облака отражались в воде, и невозможно было понять, где граница между ними – горизонт был виден едва-едва, а где-то вдалеке была видна то ли яхта, то ли парусный корабль...

Мне даже стало обидно, что Томас не пишет таких замечательных вещей – а ведь может! Техника у него отличная, и творит он в другом стиле живописи, в том же реализме, работы бы его были ничуть не хуже – и не только этой неизвестной мне художницы, но и именитых мастеров! Но вот мой дорогой отец хочет работать лишь с тем, что интересно ему, а не другим. А ему интересны порой весьма и весьма странные вещи.

С такими мыслями я двинулась дальше – картин осталось не так уж и много, а я хотела до прихода Антона посмотреть все.

– Ты принесла фотографию? – услышала я смутно знакомый голос и резко обернулась.

Оказывается, я и сама не заметила, как подошла к столику, за которым сидели Альбина и длинноволосая девушка – от них меня отделяла лишь почти невесомая полупрозрачная занавеска. Они меня, правда, не замечали, поглощенные разговором.

– Принесла.

Девушка достала конверт из лежащей на коленях сумочки и, положив на стол белой стороной сверху, придвинула к Альбине. Та даже смотреть не стала, лишь и кивнула и покровительственно положила сверху конверта ладонь. На двух пальцах ее сияли не вульгарные желтые перстни с огромными аляповатыми камнями, а элегантные, неброские, но явно дорогие, из белого золота кольца с россыпью сверкающих бриллиантов – фианиты эта женщина явно игнорировала в ювелирном магазине. Ведь судя по гонорарам, которые брала эта мошенница (а Нинка заплатила ей крупную сумму!), жила Альбина весьма и

весьма неплохо. На широкую ногу.

– Что ж, думаю, помочь в этой ситуации – можно, – сказала женщина. Голос ее был таким же спокойным, как в тот раз, когда мы с Журавлем посещали ее шикарную квартиру. Интересно, а почему она теперь принимает не в своем «офисе» на дому, а в каком-то кафе?

– Но ты должна помнить, что мои услуги – недешевы, – продолжала экстрасенс. – Я – один из лучших специалистов в нашей весьма экзотической, – в ее голосе послышалась насмешка, – профессии.

– Я знаю. У меня есть деньги. И мне нужна ваша помощь, – тихо сказала девушка.

Голос у нее оказался негромким, довольно тонким, почти детским, но все же приятным. И в нем слышалась надломленная уверенность.

– Я больше так не могу. Действительно люблю его. Но он... Он бежит за ней. Ей... Ей стоит лишь позвать его, и он все бросает. – Брюнетка вдруг замолчала и с силой закусила губу, с трудом сдерживая себя, чтобы не заплакать, и закрыла лицо ладонями.

– Милая, не стоит так убиваться, – успокаивающе произнесла Альбина. – Я же сказала – помочь можно.

– Извините, – выдавила девушка и глубоко вдохнула, пытаясь, видимо, успокоиться.

Мне стало неловко, что я подслушиваю их. Однако меня терзали смутные догадки, что Альбина нашла очередную дурочку, которую решила развести на деньги. А ведь она молодец. Даже из Нинки их вытянула, а эту девочку, которой на вид было лет двадцать, и вовсе до нитки обдерет!

Нет, с одной стороны понятно, что приворот – дело гадкое, и в подобные вещи я не верила, одна мысль заставить человека тебя любить казалась мне гадкой. Но с другой, – жалко эту глупышку. Несчастливая любовь часто затмевает разум.

– Вот аванс, как вы сказали, – протянула еще один конверт девушка. – Спасибо, что согласились помочь.

– Это моя работа – помогать людям, – в голосе Альбины вновь промелькнул едва заметный смешок. – Что ж, мне пора, милая. Увидимся на днях. Позвоню и договоримся о встрече. Тогда и передам все, что нужно, а ты заплатишь остальное, – женщина поднялась из-за столика, а я спешно пошла к другой картине – вдруг она меня узнает и пиши пропало моему плану. Однако экстрасенс прошла мимо, громко стуча каблуками, и вскоре вышла из кафе. Вот же аферистка!

А я направилась к длинноволосой девушке, которая неподвижно сидела за столиком. Итак, я лишь просто скажу ей правду. Не буду из кожи вон лезть, дабы доказать, кто такая Альбина, кто знает, может быть, эта девушка – ее постоянная клиентка, которой экстрасенс задурманила мозги, но просто так пройти мимо я тоже не могу.

Катя-Катя... В наше время никому не нужны советы. Особенно бесплатные. Ценят то, за что платят! Сколько раз тебе говорила это Нинка!

Надеюсь, она ценит меня просто так.

О, Боже! Какая ты трудная!

Я все же подошла к ее столику.

– Девушка, извините, я видела, вы разговаривали с женщиной... Ее ведь зовут Альбина, верно? – спросила я осторожно, чувствуя себя идиоткой.

Длинноволосая подняла на меня ярко-голубые, почти васильковые, словно в цветных линзах, глаза и слегка прищурилась – так часто делают люди с неважным зрением.

– Да, – растерянно произнесла она. – А что?

Итак, меня не послали, и это уже радует!

– Дело в том, что Альбина несколько месяцев назад оказывала услугу моей подруге. Точно такую же, как и вам, – крайне осторожно отозвалась я. – И она... – Я выдержала паузу. – Просто мошенница. Не тратьте деньги. Хотя, знаете, деньги – это еще ничего. Хуже всего – пустая трата времени. Вы будете ждать, надеяться, а в результате слишком поздно поймете, что вас обманули, – с горечью в голосе сказала я.

Васильковые глаза смотрели на меня почти испуганно.

– Оставьте эту затею. Хотя это, конечно, ваше дело, – я вдруг улыбнулась ей – со всей искренностью, на которую была готова. – Вы молодая, красивая и здоровая. Зачем вам убиваться по тому, кто вас не ценит? Самообман – это страшно.

Господи, Катя, зачем ты пристала к человеку?

– Альбина... действительно не помогла вашей подруге? – спросила девушка, явно с трудом подбирая слова.

– Совершенно не помогла! – решительно отвечала я. – Более того, все стало гораздо хуже.

И я вдруг подумала – не попадись Нинка на удочку нашей сокурсницы, мы бы не очутились на том знаменательном концерте в клубе, на котором познакомилась с Кеем и Келлой. И, возможно, ничего этого бы не было. Или бы все пошло совершенно иначе.

– Спасибо, что... предупредили, – медленно сказала девушка, сцепив на коленях пальцы: не слишком длинные, но тонкие и ухоженные, с аккуратным маникюром. – Я не знаю, что на меня нашло. Альбину мне посоветовала подруга, сказала, что ей та очень помогла... Я даже не знаю, что и думать.

– Конечно же, ваше решение – за вами, – ответила я. – Но будет ли честно, если вы так поступите? В первую очередь, по отношению к вам самой... А этот метод – он нечестный.

Она вдруг грустно улыбнулась мне.

– Спасибо. Вы такая хорошая.

В ее глазах была благодарность, и это грело мне душу.

– Спасибо, – повторила она. – Когда любишь, не думаешь о методах.

Я хотела сказать ей, что когда любишь, напротив, думаешь о способах достижения взаимности, боясь причинить боль тому, кому отдано твое сердце, а о методах не думаешь, когда зависим, но промолчала.

– Не за что. Просто я не могла пройти мимо. И не отчаивайтесь.

Она лишь кивнула в ответ. Кажется, слов у нее не было.

Мы попрощались, и я, довольная собой, пошла к нашему с Антоном столику, за которым он уже ждал меня, а несостоявшаяся (надеюсь!) жертва махинаций Альбины направилась к выходу. Она едва не споткнулась, но выглядело это не неуклюже, а весьма мило – такую хорошенькую девчонку, как эта, наверняка с радостью подхватил бы какой-нибудь мужчина, окажись рядом.

– Аферистка! – возмущенно произнесла я, садясь в плетеное кресло.

Все-таки решила рассказать обо всем Антону.

– Кто? – поинтересовался бодро тот. Кажется, он проголодался, а мне есть совершенно не хотелось. – С кем ты разговаривала?

– Помнишь, как Нинка обращалась к экстрасенсу, чтобы приворожить э-э-э... тебя? – спросила я, несколько смущаясь постановки вопроса.

– Кто такое забудет, – хмыкнул он.

– А ты, кстати, не боялся, что тебя реально влюбят в Журавля? – поинтересовалась я между делом.

– Я пока еще здоров психически, – было мне бодрым ответом. – Единственное, чего боялся – громко смеяться, дабы твоя подруга меня не обнаружила. Это были самые смешные минуты жизни в маленьких закрытых пространствах. – Почему ты об этом спрашиваешь, Катя?

– Я видела эту Альбину здесь. И она пудрила мозги очередной потенциальной клиентке. Представляешь?!

– И? – ловко подцепил мясо вилкой Антон. В отличие от меня вилкой и ножом он орудовал быстро и аккуратно, как будто бы для него это было очень привычно.

– Альбина эта ушла, а я подошла к девушке и посоветовала не связываться с ней, потому что она – мошенница, – почти гордо поведала я, размешивая свой салат.

– Катя, ты – нечто, – рассмеялся весело Тропинин. – Я уже думал, что та милашка и есть ваша знаменитая Альбина.

– Это ее жертва. Надеюсь, она одумается, – отозвалась я. – Жалко ее...

[Купить полную версию книги](#)